Bernard Werber

LES FOURMS

Бернард Вербер

МУРАВЬИ

Перевод с фр. Ю.Ватагиной

Анонс

Этот многомиллионный город занимает на поверхности земли всего два квадратных метра!
Его жильцы — самые трудолюбивые существа в мире!
Их умение подчиняться правилам — мечта любого диктатора!
Их интеллекту можно только позавидовать!
Они — муравьи!
И они живут среди нас.
Или это мы живем среди них?
Чья цивилизация окажется жизнеспособнее?

Моим родителям

А также друзьям, ученым,
всем, кто принес свою соломинку для постройки этого здания

За те несколько секунд, которые вам понадобятся, чтобы прочесть эти четыре строчки:

— На Земле родились 40 человек и 700 миллионов муравьев.

— На Земле умерли 30 человек и 500 миллионов муравьев.

Люди: млекопитающие, чей рост колеблется от 1 до 2 метров. Вес: от 30 до 100 килограммов. Беременность самок: 9 месяцев. Пища: всеядны. Примерная численность: более 5 миллиардов особей.

Муравьи: насекомое, чей рост колеблется от 0,01 до 3 сантиметров. Вес: от 1 до 150 миллиграммов. Кладка яиц: по желанию, в зависимости от запаса сперматозоидов. Пища: всеядны. Примерная численность: более миллиарда миллиардов особей.

Эдмон Уэллс.
«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

1

ПРОБУЖДАЮЩИЙ

Вы увидите, что это совсем не то, чего вы ждете.

Нотариус рассказал о том, что дом причислен к историческим памятникам, что в нем жили ученые эпохи Возрождения, вот только он не помнил, какие именно.

Они поднялись по лестнице, вышли в темный коридор, где нотариус сначала долго искал, а потом безрезультатно нажимал кнопку выключателя.

— Тьфу ты, — махнул он рукой. — Не работает. Они углубились в темноту, шумно хлопая руками по стенам. Когда нотариус, наконец, нашел дверь, открыл ее и включил-таки свет, он увидел искаженное лицо клиента.

— Вам плохо, господин Уэллс?

— Что-то типа фобии. Ничего страшного.

— Боитесь темноты?

— Именно. Но ничего, мне уже лучше.

Они осмотрели квартиру. Двести квадратных метров на первом этаже. Выходящие на улицу редкие, узкие отдушины располагались на уровне потолка. Несмотря на это, квартира Джонатану понравилась. Все стены были обиты одинаковым серым материалом, все вокруг покрывала пыль... Но Джонатан и не думал привередничать.

Его нынешняя квартира была меньше раз в пять и уже не по карману. В слесарной мастерской, где он работал, ему недавно сообщили, что в его услугах больше не нуждаются.

Наследство дяди Эдмона оказалось поистине манной небесной.

Через два дня Джонатан со своей женой Люси, сыном Николя и стриженым карликовым пуделем по кличке Уарзазат переехал в дом номер 3 по улице Сибаритов.

— А мне даже нравятся эти серые стены, — заявила Люси, откидывая назад свои густые рыжие волосы. — Можно будет украсить их, как нам заблагорассудится. Здесь все надо начинать с нуля. Это все равно что переделать тюрьму в гостиницу.

— А где моя комната? — спросил Николя.

— Дальше, направо.

— Гав-гав, — высказался пудель и стал покусывать икры Люси, не обращая внимания на то, что в руках у нее был сервиз, свадебный подарок.

Пса тут же загнали в туалет и заперли на ключ, потому что он умел допрыгивать до ручки и открывать дверь.

— А ты хорошо знал своего чудесного дядю? — поинтересовалась Люси.

— Дядю Эдмона? Честно говоря, я помню только то, как он подкидывал меня в воздух, когда я был совсем маленьким. Однажды я так испугался, что написал на него сверху.

Они засмеялись.

— Ты уже тогда был трусом? — поддразнила мужа Люси.

Джонатан пропустил эту шпильку мимо ушей.

— Дядя на меня не рассердился. Он только сказал моей матери: «Вот и хорошо, уже понятно, что летчиком ему не быть...» Потом мама говорила мне, что он внимательно следил за моими успехами, хотя мы больше и не встречались.

— А чем он занимался?

— Он был ученым. Биологом, кажется. Джонатан задумался. Он действительно совсем не знал своего благодетеля.

В 6 километрах от дома Джонатана:
БЕЛ-О-КАН,
1 метр высоты.
50 этажей над землей.
50 этажей под землей.
Самый большой Город в округе.
Примерная численность жителей: 18 миллионов.

Ежегодно производимая продукция:

— 50 литров молочка тли.

— 10 литров молочка кошенили [Кошениль (франц. cochenille, от исп. cochinilla), общее название нескольких видов насекомых из разных семейств подотряда кокцид, самки которых используются для получения красной краски — кармина.].

— 4 килограмма пластинчатых грибов.

— Удаленный гравий: 1 тонна.

— Длина используемых коридоров: 120 километров.

— Площадь на поверхности земли: 2 квадратных метра.

Луч солнца проникает в муравейник. Шевелится одна лапка. Первое движение после зимней

спячки, начавшейся три месяца назад. Другая лапка, увенчанная двумя постепенно раздвигающимися когтями, медленно вытягивается вперед. Третья лапка расслабленно подергивается. Затем торакс [Торакс — грудная клетка, грудной отдел насекомых.]. Затем все тело. Затем еще двенадцать тел. Их бьет озноб, который помогает их прозрачной крови продвигаться по сети артерий. Вязкая кровь сначала становится просто густой, потом превращается в жидкость. Постепенно сердечный насос приходит в движение. Он качает жизненный сок, разгоняя его по всем конечностям. Биомеханика разогревается. Сверхсложные сочленения поворачиваются вокруг своей оси. Коленные чашечки с предохранительными щитками вращаются, находя крайнюю точку изгиба.

Они поднимаются. Их тела снова дышат. Их движения беспорядочны. Напоминают танец в замедленной съемке. Они вздрагивают, отряхиваются. Передние лапки складываются у рта, как будто в молитве, но нет, они смачивают когти, чтобы почистить усики. Двенадцать проснувшихся растирают друг друга. Потом стараются разбудить соседей. Но у них едва хватает сил на то, чтобы двигаться самим. Они еще не могут никому дарить энергию. Они оставляют свои попытки и с трудом бредут среди неподвижных тел собратьев. Они движутся к большому Внешнему Миру. Их тела с холодной кровью должны вобрать в себя калории дневной звезды.

У них нет сил, но они идут вперед. Каждый шаг причиняет боль. Как им хочется снова лечь и мирно заснуть рядом с миллионами своих сограждан. Но нет. Они проснулись первыми. Теперь они должны разбудить весь Город. Они проходят сквозь наружный слой муравейника. Солнечный свет ослепляет их, но как живителен контакт с чистой энергией!

Солнце входит в наши полые панцыри,
Оживляет помертвевшие мускулы
И объединяет разрозненные мысли.

Это древняя утренняя молитва рыжих муравьев сотого тысячелетия. Уже тогда им хотелось мысленно воспеть миг первого соприкосновения с теплом.

Оказавшись на свежем воздухе, они начинают тщательно умываться. Они выделяют белую слюну и натирают ей челюсти и лапки.

Они прихорашиваются. Это целый незыблемый церемониал. Сначала — глаза. Тысяча триста маленьких иллюминаторов, составляющих каждый сферический глаз, очищаются от пыли, смачиваются, высушиваются. Затем то же самое проделывается с усиками, с нижними конечностями, со средними конечностями, с верхними конечностями. В завершение они натирают свои красивые рыжие латы, пока те не начинают сверкать, как искры пламени.

Среди двенадцати проснувшихся муравьев — самец-производитель. Он чуть поменьше, чем большинство представителей белоканского населения. У него узкие мандибулы [Мандибулы — (лат. mandibule — челюсть, от mando — жую, грызу), первая пара челюстей у ракообразных, многоножек и насекомых.] и жизни ему отмерено всего несколько месяцев, но у него есть и преимущества, неведомые его собратьям.

Первая привилегия его касты — как имеющий пол он обладает пятью глазами: двумя большими шаровидными глазами, которые обеспечивают ему широкое поле зрения в 180 градусов, и еще тремя простыми глазками, расположенными треугольником на лбу. Эти дополнительные глаза на самом деле являются перехватчиками инфракрасного излучения, позволяющими ему обнаруживать любой источник тепла на расстоянии, даже в кромешной темноте.

Эти свойства более чем ценны, так как большинство обитателей больших Городов стотысячного тысячелетия, проводя всю свою жизнь под землей, стали совершенно слепыми.

Но у него есть не только эта особенность. У самца (как и у самки) есть еще крылья, которые однажды дадут ему возможность взлететь, чтобы заняться любовью.

Его торакс снабжен специальным щитом — мезотонумом.

Его усики длиннее и чувствительнее, чем у остальных муравьев.

Молодой самец-производитель долго остается на куполе, наслаждаясь солнцем. Потом, согревшись хорошенько, он возвращается в Город. Сейчас он временно принадлежит к касте муравьев-«посланников тепла».

Он идет по коридорам третьего нижнего этажа. Здесь все еще крепко спят. Замерзшие тела неподвижны. Усики безжизненны.

Муравьи еще видят сны.

Молодой самец протягивает лапку к рабочему, которого он хочет разбудить теплом своего тела. Прикосновение дает приятный электрический разряд.

После второго звонка послышалось мышиное шуршание. Какое-то время бабушке Огюсте понадобилось для того, чтобы снять цепочку, затем дверь открылась.

С тех пор как умерли двое ее детей, она жила затворницей на своих тридцати квадратных метрах, вся в прошлом. Хорошего в этом для нее ничего не было, но доброта ее от этого не уменьшилась.

— Я знаю, что это смешно, но надень тапочки. Я натерла паркет.

Джонатан подчинился. Старушка засеменила перед ним, ведя его в гостиную, заставленную мебелью в чехлах. Джонатан сел на край дивана, безуспешно пытаясь не скрипеть пластиком.

— Я так рада, что ты пришел... Ты мне, может быть, не поверишь, но я собиралась на днях тебе позвонить.

— Вот как?

— Вообрази, Эдмон оставил мне кое-что для тебя. Письмо. Он мне сказал: «Если я умру, обязательно отдай это письмо Джонатану».

— Письмо?

— Письмо, да, письмо... Ах ты, господи, я уже запамятовала, куда его положила. Подожди секундочку... Он мне отдал это письмо, я ему говорю, что спрячу его, ну и положила в коробку. Наверно, в одну из жестяных коробок в большом шкафу.

Старушка уже было засеменила обутыми в тапочки ногами, но на третьем скользящем шаге остановилась.

— Погоди, что ж это я, совсем, что ли, из ума выжила? Как я тебя принимаю! Вербены [Вербена — сокр. название вербенового чая, приготовленного из липпии трехлистной.] хочешь?

— С удовольствием.

Бабушка ушла на кухню и загремела кастрюлями.

— Расскажи немного про себя, Джонатан! — крикнула она.

— Ну... мне ужасно не везет. Меня выгнали с работы.

Бабушка всунула на мгновение свою мышиную головку в дверь, потом показалась вся целиком, с серьезным выражением лица, упакованная в длинный голубой фартук.

— Тебя выгнали? – Да.

— Почему?

— Видишь ли, слесарная мастерская — это особый мир. Наша фирма, «SOS-Замок», работает круглосуточно по всему Парижу. Ну а с тех пор, как на одного моего коллегу напали, я отказывался ездить по вечерам в опасные районы. Ну, меня и уволили.

— Ты правильно сделал. Здоровье дороже.

— К тому же я с начальством не сработался...

— А как твои коммуны? В мое время их называли «братствами незадач»... — старушка чуть заметно улыбалась, — то есть «новых задач».

— Я бросил это дело после неудачи с фермой в Пиренеях. Люси надоело готовить и мыть за всеми посуду. К тому же среди нас затесались элементарные дармоеды, ну, мы и разругались. Теперь я живу только с Люси и Николя... А ты, бабушка, как ты живешь?

— Я-то? Существую. Только этим и занята.

— Везет тебе! Ты пережила рубеж тысячелетия...

— Да уж. Ты знаешь, меня больше всего потрясает то, что ничего не изменилось. Раньше, когда я была совсем молоденькой, все думали, что на рубеже тысячелетий произойдет что-нибудь необыкновенное, но, как видишь, ничего не случилось. Как и прежде, есть одинокие старики, безработные, вонючие автомобили. Даже мысли остались такими же. Смотри, в прошлом году заново

открыли сюрреализм, в позапрошлом — рок-н-ролл, и теперь вот в газетах пишут, что этим летом в одночасье вернутся мини-юбки. Если так пойдет и дальше, скоро вспомнят про все это старье из начала прошлого века — коммунизм, психоанализ, теорию относительности...

Джонатан улыбнулся.

— Ну, все-таки какой-то прогресс есть — средняя продолжительность жизни человека увеличилась, а также количество разводов, уровень загрязнения воздуха, протяженность линий метро...

— Тоже мне прогресс. Я-то думала, что у всех будут личные самолеты, взлетай себе прямо с балкона... Ты знаешь, когда я была молодая, люди боялись атомной войны. Вот это я понимаю. Умереть ста лет от роду в пожарище гигантского ядерного гриба, умереть вместе со всей планетой... Все-таки в этом был размах! А теперь я сгнию, как старая негодная картофелина. И всем будет на это наплевать.

— Да полно тебе, бабушка, что ты такое говоришь! Старушка вытерла лоб.

— И жарища эта проклятая, с каждым годом все сильней и сильней. В мое время не было так жарко. Была настоящая зима и настоящее лето. А теперь пекло начинается с марта.

Бабушка снова ушла на кухню, где начала суетиться, с редким проворством собирая все необходимое для приготовления настоящего вербенового чая. Потом она чиркнула спичкой, допотопная плита загудела, и бабушка, с облегченным видом, вернулась.

— Ну, так зачем ты ко мне пожаловал? Сейчас к старикам просто так не приходят.

— Бабушка, не будь циничной.

— Я не циничная, просто я знаю жизнь и людей, только и всего. Ну, ладно, хватит разводить антимонии [Существует речевой оборот «разводить антимонии» («разводить антимонию»), т. е. вести пустые, излишне долгие и отвлекающие от чего-либо серьёзного разговоры; проявлять излишнюю мягкость, снисходительность в отношениях с кем-либо], говори, что тебя привело.

— Я хотел бы, чтобы ты мне рассказала о нем. Понимаешь? Он мне оставляет свою квартиру, а я о нем даже ничего не знаю...

— Эдмон? Ты не помнишь Эдмона? А ведь когда ты был маленьким, он любил подбрасывать тебя в воздух. Помнится, один раз даже...

— Да, я тоже об этом помню, но после этого случая — пустота.

Старушка устроилась в большом кресле, стараясь не слишком помять чехол.

— Эдмон... да, это была личность. Даже в детстве твой дядя доставлял мне немало хлопот. Ох, и намучилась же я с ним! Например, он все время ломал игрушки, чтобы их разобрать, а потом снова собрать — но это не всегда. И не только игрушки! Он раскурочивал все: часы, проигрыватель, электрическую зубную щетку. Однажды он даже разобрал холодильник.

Как будто подтверждая слова старушки, старинные часы в гостиной принялись мрачно отбивать время. Маленький Эдмон и им показал, где раки зимуют.

— И еще у него была одна мания — тайники. Он переворачивал дом вверх дном и устраивал себе «норки». Одну он сделал при помощи одеял и зонтиков на чердаке, другую — из стульев и шуб в своей комнате. Он любил прятаться в них, вместе со своими сокровищами. Я как-то раз смотрела, там было полно подушек и всякого механического хлама, который он натаскал из разных агрегатов. Но, в общем, уютно.

— Все дети так делают...

— Может быть, но у него это принимало странные масштабы. Он ни в какую не желал больше спать в своей кровати — только в одной из этих «норок». Иногда он сидел там неподвижно целыми днями. Как будто в спячку впадал. Твоя мать говорила, что в прошлой жизни он, скорее всего, был белкой.

Джонатан улыбнулся, подбадривая старушку.

— Однажды он захотел построить хижину в гостиной под столом. Это стало последней каплей, переполнившей чашу, и твой дедушка прямо-таки вскипел, а он ведь всегда был такой спокойный. Он отшлепал этого сорванца, разобрал все его «норки» и заставил спать в постели.

Бабушка вздохнула.

— С той поры Эдмон весь ушел в себя. Как будто перерезали пуповину. Мы больше для него

не существовали. Но я думаю, что такое испытание пошло ему на пользу, он должен был понять, что люди не будут бесконечно терпеть его капризы. Ну, а дальше больше. Школу он на дух не выносил. Ты, конечно, опять скажешь: «как все дети». Но с ним все было сложней. Ты много знаешь детей, которые вешаются на ремне в туалете из-за того, что учитель на них накричал? А вот он пытался — семи лет от роду. Слава богу, уборщик его спас.

— Может быть, он был слишком ранимым...

— Ранимым? Ты смеешься? Через год он пытался зарезать одного из учителей ножницами. Целился в сердце. К счастью, только испортил ему портсигар. — Старушка подняла глаза к потолку, словно разрозненные воспоминания сыпались на нее, как хлопья снега.

— Потом стало чуть полегче, потому что некоторым учителям удалось его заинтересовать. По тем предметам, которые он любил, у него были отличные отметки, а по всем остальным хуже некуда. Вот так, никакой середины.

— Мама говорила, что он был гением.

— Он ее прямо-таки заворожил, когда рассказал ей, что ищет «абсолютное знание». Твоя мать с десяти лет верила в переселение душ, и вбила себе в голову, будто он в прошлой жизни был Эйнштейном или Леонардо да Винчи.

— И белкой?

— Почему бы нет? Будда говорил: «Чтобы родилась душа, нужно много жизней».

— Он проходил тест на уровень интеллектуального развития?

— Да. Результат был плохой. Двадцать три пункта из ста восьмидесяти, что означает легкое слабоумие. Воспитатели решили, что он ненормальный, что его нужно поместить в школу для дебилов. Но я-то знала, что он нормальный. Он просто был, что называется, не от мира сего. Помню, как-то раз — надо же, ему было-то от силы лет одиннадцать — он предложил мне на спор сделать четыре равнобедренных треугольника всего из шести спичек. Это не легко, если хочешь, сам попробуй...

Старушка ушла на кухню, взглянула на чайник и принесла шесть спичек. Джонатан задумался. Задача показалась ему разрешимой. Он испробовал несколько вариантов и через некоторое время был вынужден сдаться.

— Ну и как же это сделать? Бабушка Огюста сосредоточилась.

— Ты знаешь, по-моему, он мне так и не объяснил. Я только помню, как он намекнул: «Нужно думать по-другому, если думать так, как мы привыкли, ничего не получится». Представляешь, в одиннадцать-то лет! Ой! Кажется, чайник свистит. Вода, должно быть, вскипела.

Старушка вернулась с двумя чашками, наполненными очень ароматной желтоватой жидкостью.

— Знаешь, мне приятно, что ты интересуешься своим дядей. Теперь ведь как: умер человек, и все о нем забыли, словно его и не было.

Джонатан оставил спички и принялся осторожно прихлебывать вербеновый чай.

— А что произошло потом?

— Не знаю, как только он поступил в университет, мы потеряли его из виду. Твоя мать мне говорила, что он блестяще защитил диплом, потом работал на какой-то фирме, что-то они там выпускали съедобное, потом он оттуда ушел и уехал в Африку. Потом вернулся, жил на улице Сибаритов и никто ничего о нем не слышал до самой его смерти.

— От чего он умер?

— А, ты не знаешь? Невероятная история. Представь, его убили осы.

— Осы? То есть?

— Он гулял по лесу, случайно, наверное, наткнулся на осиное гнездо, ну а эти твари на него и набросились. Судебный медик и тот удивлялся: «Я никогда не видел столько укусов на одном человеке!» Он умер от того, что у него в организме было 0, 3 грамма яда на литр крови. Представляешь?

— А где его могила?

— Он попросил, чтобы его похоронили под сосной в лесу.

— А фотографии у тебя есть?

— Да вон, над комодом. Справа Сюзи, твоя мать, молодая еще совсем. Слева — Эдмон.

У Эдмона был открытый лоб, маленькие острые усики, уши без мочек, поднятые выше уровня бровей, как у Кафки. На лице его играла злая усмешка. Настоящий чертенок. Его сестра Сюзи была прелестна в своем белом платье. Через несколько лет она вышла замуж, но навсегда сохранила фамилию Уэллс. Как будто не хотела, чтобы ее супруг оставил потомкам память о себе.

Подойдя поближе, Джонатан заметил, что Эдмон поднял над головой своей сестры «рожки» из двух растопыренных пальцев.

— Он много хулиганил, да?

Огюста не ответила. Дымка грусти затуманила ее взгляд, когда она увидела сияющее лицо своей дочери. Сюзи погибла шесть лет назад. Пьяный шофер за рулем пятнадцатитонного грузовика столкнул ее машину в овраг. Два дня она была в агонии. Она звала Эдмона, но Эдмон не пришел. Он опять был где-то там...

— А ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы мне о нем рассказать?

— М-м-м... У него был друг детства, они с ним часто виделись. Они вместе учились в университете. Язон Брагель его зовут. У меня даже должен быть номер его телефона.

Огюста быстро справилась в компьютере и дала Джонатану адрес Брагеля. Она с нежностью смотрела на внука. Он был последним отпрыском семьи Уэллсов. Хороший мальчик.

— Давай допивай, а то остынет. У меня есть еще бисквитные пирожные, если хочешь. Я сама их пеку на перепелиных яйцах.

— Нет, спасибо, мне пора идти. Приходи как-нибудь посмотреть нашу новую квартиру, мы уже переехали.

— Спасибо, приду. Погоди, я тебе дам письмо. Перерыв весь большой шкаф, старушка, наконец, нашла среди жестяных коробок белый конверт, на котором было написано летящим почерком: «Для Джонатана Уэллса». Чтобы он случайно не открылся, его заклеили несколькими полосами клейкой ленты. Джонатан осторожно разорвал конверт. Из него выпал смятый листок, как будто вырванный из школьной тетрадки. На нем была написана одна-единственная фраза:

«САМОЕ ГЛАВНОЕ, НИКОГДА НЕ СПУСКАТЬСЯ В ПОГРЕБ!»

Усики муравья едва заметно дрожат. Он похож на машину, которую надолго оставили под слоем снега, а теперь пытаются завести. Самец возобновляет попытки снова и снова. Он растирает муравья, обмазывает теплой слюной.

Жизнь. Есть, мотор приходит в движение. Сезон прошел. Все начинается опять, как будто у него и не было этой «маленькой смерти».

Самец массирует муравья, чтобы передать ему калории. Муравью сейчас очень хорошо. Пока самец возится, муравей направляет на него свои усики. Дотрагивается до него. Он хочет познакомиться.

Муравей прикасается к первому сегменту, начиная от головы самца, и считывает его возраст: сто семьдесят три дня. По следующему сегменту слепой рабочий определяет его касту: самец-производитель. По третьему — его вид и его Город: рыжий лесной муравей из материнского Города Бел-о-кан. На четвертом сегменте рабочий находит номер кладки, который служит самцу именем: номер 327, отложен в начале осени.

На этом муравей прекращает свою обонятельную расшифровку. Остальные сегменты не несут информации. Пятый служит для распознавания молекул следов. Шестой используется для простых диалогов. Седьмой позволяет вести сложные диалоги сексуальной окраски. Восьмой предназначен для диалогов с Матерью. Ну и, наконец, три последних служат небольшими дубинками.

Вот и все, муравей проверил одиннадцать сегментов второй части усика. Но ему нечего сказать самцу. Муравей отодвигается и, в свою очередь, уходит греться на крышу Города. Самец делает то же самое. Работа посланника тепла закончена, время заняться восстановительной деятельностью.

Наверху самец № 327 осматривает разрушения. Город построен конусом, чтобы лучше

противостоять непогоде, но, несмотря на это, зима нанесла ему ущерб. Ветер, снег и град снесли верхний слой веток. Птичий помет залепил некоторые выходы. Нужно быстро приниматься за работу. № 327 добирается до толстого желтого пятна и вгрызается мандибулами в твердое, зловонное вещество. Он уже различает силуэт насекомого, которое идет ему навстречу, расчищая вход изнутри.

В глазке было темно. Кто-то смотрел с другой стороны, словно пытался увидеть сквозь дверь.

— Кто там?

— Это Гунь... Насчет переплета.

Дверь приоткрылась. Тот, кто назвался Гунем, опустил глаза на светловолосого мальчика лет десяти, еще ниже он увидел крошечного песика, карликовый пудель просунул нос у мальчика между ног и зарычал.

— Папы нет!

— Вот как? Профессор Уэллс должен был зайти ко мне и...

— Профессор Уэллс — мой дядя. Он умер. Николя хотел закрыть дверь, но незнакомец настойчиво поставил ногу в проем.

— Мои искренние соболезнования. Он не оставил для меня такую большую папку с бумагами? Я переплетчик. Он мне заплатил вперед за кожаный переплет для своих рабочих заметок. Мне кажется, он хотел составить энциклопедию. Он должен был зайти, и вот уже сколько времени о нем ни слуху, ни духу...

— Я же вам сказал, что он умер.

Незваный гость еще дальше просунул ногу и придавил дверь коленом, как будто хотел войти, оттолкнув мальчика. Зажатая собака истошно завизжала. Незнакомец остановился.

— Понимаешь, все равно как-то неудобно, я же обещал. Проверь, пожалуйста, где-то должна быть большая красная папка.

— Вы говорите, энциклопедия?

— Да, он сам так называл свою работу: «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», но я думаю, на обложке этого не написано...

— Мы бы ее нашли, если бы она тут была.

— Мне очень неловко надоедать, но...

Карликовый пудель оглушительно залаял. Незнакомец слегка отпрянул, и это позволило мальчику захлопнуть дверь перед его носом.

Весь Город уже проснулся. Коридоры заполнены посланниками тепла, спешащими согреть Племя. Но на некоторых перекрестках еще лежат неподвижные граждане. Напрасно посланники их тормошат и даже бьют — они не оживают. Они и не оживут. Они мертвы. Для них спячка стала роковой. Провести три месяца с практически остановившимся сердцем — это всегда риск. Они не страдали. Они перешли ото сна к смерти, когда резкий сквозняк загулял по Городу. Их трупы были вынесены и выброшены на свалку. Так каждое утро Город убирает свои отмершие клетки, вместе с мусором. Убрав нечистоты из артерий, Город насекомых кипит. Везде шевелятся лапки. Челюсти грызут. Усики трепещут от информации. Все ожило, как и раньше. Как до зимней анестезии.

Самец № 327 тащит веточку, раз в шестьдесят тяжелее его самого. К нему подходит солдат, которому, должно быть, уже больше пятисот дней. Чтобы привлечь к себе внимание самца, солдат стучит по его голове сегментами-дубинками. № 327 поднимает глаза. Солдат кладет свои усики на усики самца.

Солдат хочет, чтобы № 327 бросил восстанавливать крышу и отправился с группой муравьев в... охотничью экспедицию.

№ 327 трогает рот и глаза солдата.

Какая охотничья экспедиция?

Солдат дает ему понюхать ломтик сухого мяса, спрятанный в складке сустава торакса.

Похоже на то, что это мясо нашли прямо перед началом зимы в западном районе, угол 23 градуса относительно солнца в зените.

№ 327 пробует. Это, несомненно, мясо жесткокрылого насекомого. Точнее, листоеда. Странно. Жесткокрылые насекомые еще должны пребывать в спячке. Каждый знает, что рыжие муравьи просыпаются, когда воздух прогревается до 12 градусов тепла, термиты — при 13 градусах, мухи — при 14 градусах, а жесткокрылые насекомые — при 15 градусах тепла. Старого солдата эти аргументы не убеждают. Он объясняет № 327, что мясо принесено из особого района, искусственно обогреваемого подземным источником воды. Там нет зимы. В этом районе царит микроклимат, способствующий размножению специфических животных и растений.

А Племя очень голодно после пробуждения. Ему срочно нужны белки для восстановления сил. Тепла для этого недостаточно.

№ 327 соглашается.

Экспедиция сформирована из двадцати восьми муравьев касты «солдат». Большинство из них — старые бесполые муравьи, в том числе и собеседник самца № 327. Сам же № 327 — единственный участник экспедиции, принадлежащий к касте «самцов». Стоя поодаль, он разглядывает новых товарищей через сетку своих глаз.

Тысячи граней муравьиного глаза видят не тысячекратно умноженную картинку, а скорее картинку в клетку. Муравьи плохо различают детали. Но зато замечают малейшее движение.

Похоже на то, что участники экспедиции привыкли к дальним путешествиям. Их тяжелые животы до отказа наполнены кислотой. Головы защищены самым мощным оружием. Доспехи хранят следы от ударов мандибулами, полученных в битвах.

И вот разведчики уже несколько часов в пути. Они миновали много Городов Федерации, высоко возносящихся к небу и деревьям. Дочерние Города династии Ни: Йоди-лу-бэкан (самый большой производитель зерна), Жиу-ли-экан (чьи легионы убийц два года назад победили коалицию термитников Юга), Зеди-бей-накан (знаменитый своими химическими лабораториями, где производится сильно концентрированная боевая кислота), Ли-виу-кан (где кошенильный спирт имеет чрезвычайно ценный вкус смолы). Рыжие муравьи объединяются не только в Города, но и в коалиции Городов. Сила — в единстве. В Юрских горах можно встретить Федерации рыжих муравьев, состоящие из 15 000 муравейников, занимающие поверхность в 80 гектаров, общая численность населения которых — выше 200 миллионов особей.

Бел-о-кан еще не достиг такого уровня развития. Это молодая Федерация, ее первая династия была основана пять тысяч лет назад. Местная легенда гласит, что когда-то в эти края случайно забрела молодая девушка, заплутавшая в ужасную бурю. Не зная, как вернуться домой, она основала здесь Бел-о-кан, а Бело-кан породил Федерацию и сотни поколений королев династии Ни.

Первую королеву из этой династии звали Бело-киу-клуни, что означает потерявшийся муравей. С тех пор все королевы, занимавшие центральное гнездо, брали себе это имя.

Пока Бел-о-кан состоит из большого центрального Города и 64 дочерних Федеральных Городов, разбросанных в округе. Но он уже заявляет о себе, как о самой серьезной политической силе в этом районе леса Фонтенбло.

Пройдя союзные Города, оставив позади Ла-шола-кан, самый западный Город Бел-о-кана, участники экспедиции подходят к небольшим пригоркам: это летние гнезда или «аванпосты». Они еще пусты. Но № 327 знает, что скоро война и охота заполнят их солдатами.

Они идут прямой линией. Отряд проходит бирюзовую прерию и холм, окаймленный чертополохом. Они покидают охотничью территорию. Вдали, на севере, уже виден вражеский Город Ши-гае-пу. Но его жители пока еще спят.

Они идут дальше. Почти все живое вокруг них еще погружено в зимнюю спячку. Кое-где только несколько непосед высовывают головы из нор. Завидев рыжие доспехи, они боязливо прячутся обратно. Муравьи, по правде говоря, не славятся дружелюбием. Особенно, когда решительно идут вперед и вооружены до самых усиков...

Теперь участники экспедиции дошли до границ знакомых земель. Тут нет ни одного дочернего Города. Ни одного аванпоста на горизонте. Ни одной тропинки, прорытой заостренными лапками. Только несколько почти неуловимых следов, запахи которых говорят о том, что когда-то здесь прошли белоканцы. Они колеблются. Окружающая их растительность не значится ни на одной обонятельной карте. Она смыкается над ними темной, не пропускающей свет крышей. Похоже на то, что эта вегетативная масса с вкраплениями животного присутствия хочет взять их в плен.

Как сказать им о том, чтобы они туда не заходили? Он снял пиджак и расцеловал свое семейство.

— Уже закончили все разбирать?

— Да, папа.

— Хорошо. Кстати, вы кухню видели? Там в глубине есть дверь.

— Я как раз хотела с тобой о ней поговорить, — сказала Люси, — это, должно быть, подвал. Я попыталась ее открыть, но она заперта на ключ. Там есть большая щель. Насколько можно увидеть, там очень глубоко. Надо, чтобы ты сломал замок. Хоть на что-то сгодится муж-слесарь.

Она улыбнулась, он заключил ее в объятия. Люси и Джонатан были вместе уже тринадцать лет. Они познакомились в метро. Какой-то хулиган от нечего делать бросил в вагон слезоточивую бомбу. Через несколько минут все пассажиры очутились на полу, захлебываясь кашлем и слезами. Джонатан и Люси упали друг на друга. Когда они пришли в себя, Джонатан предложил Люси проводить ее домой. Потом он пригласил ее посетить одну из своих первых коммун, которая обосновалась в пустующей квартире, недалеко от Северного вокзала. Через три месяца они решили пожениться.

— Нет.

— То есть, как это нет?

— Нет, мы не будем ломать замок, и не будем пользоваться этим подвалом. Не надо больше о нем говорить, не надо к нему подходить, а главное, не надо думать о том, как его открыть.

— Ты шутишь? Объясни, в чем дело!

Джонатан не придумал веской причины для запрета подходить к подвалу. И невольно получил результат, обратный желаемому. Его жена и сын теперь были заинтригованы. Что он мог поделать? Сказать им, что вокруг дяди-благодетеля существовала некая тайна, что он предупредил их о некой опасности, связанной с подвалом?

Это было не объяснение. В лучшем случае, какое-то суеверие. Люди любят логику, а значит, Люси и Николя этим не удовольствуются.

Джонатан промямлил:

— Меня предупредил нотариус.

— О чем он тебя предупредил?

— Подвал кишмя кишит крысами!

— Фу! — скривился мальчик. — Крысы? Но они же точно пролезут в щель.

— Не беспокойтесь, мы все заделаем.

Теперь Джонатан был, в общем, доволен произведенным эффектом. Какая удача, что ему пришла в голову идея насчет крыс.

— Ну, так значит, договорились, никто больше к подвалу на пушечный выстрел не приближается, хорошо?

Он пошел к ванной комнате. Люси догнала его.

— Ты виделся со своей бабушкой?

— Было такое.

— И просидел у нее все утро?

— Ну, допустим.

— Но ты ведь не собираешься все время вот так бить баклуши? Ты ведь сам говорил всем на ферме в Пиренеях: «Праздность — мать всех пороков». Тебе надо найти другую работу. Деньги тают!

— Мы унаследовали квартиру площадью двести квадратных метров в роскошном районе на опушке леса, а ты мне о работе говоришь! Ты что, не умеешь ловить мгновение?

Джонатан хотел обнять жену, но она отпрянула.

— Умею, конечно, но я умею и о будущем думать. Я — домохозяйка, ты — безработный, что с нами будет через год?

— У нас еще кое-что есть.

— Не будь дураком, на этом кое-что можно продержаться несколько месяцев, а потом...

Люси уткнула кулачки в бока и выпятила грудь.

— Слушай, Джонатан, ты потерял работу потому, что не хотел ездить по ночам в опасные районы. Ладно, я тебя понимаю, но ты должен найти что-нибудь другое!

— Конечно, я найду работу, дай мне только прийти в себя. Я обещаю тебе, что потом, скажем, через месяц, я дам объявления.

В дверь просунулась светловолосая голова, за ней — ни дать ни взять легкая игрушка. Николя и Уарзазат.

— Папа, тут приходил какой-то дядька, сказал, что ему нужно сделать переплет для книги.

— Переплет для книги? Для какой книги?

— Не знаю, он что-то говорил про большую энциклопедию, которую написал дядя Эдмон.

— Вот оно что... Он вошел? Вы ее нашли?

— Нет, он был какой-то противный, к тому же книги-то все равно нет...

— Молодец, сынок, ты правильно сделал.

Новость озадачила Джонатана, а затем заинтриговала. Он обыскал всю квартиру, но безрезультатно. Потом он долго стоял на кухне, разглядывал дверь в подвал, большой замок и широкую щель. К какой тайне вела эта дверь?

Надо идти в эти заросли.

От одного из самых старых участников экспедиции поступает предложение. Если нужно передвигаться по негостеприимной территории, говорит он, лучше всего построиться в форме «змеи с большой головой». Все немедленно соглашаются — мол, как нам это самим не пришло в голову.

Пять разведчиков, возглавляющие группу, становятся перевернутым треугольником. Теперь они — глаза отряда. Продвигаясь вперед небольшими размеренными шагами, они прощупывают почву, вдыхают воздух, осматривают мох. Если ничего подозрительного не обнаруживается, они посылают обонятельное сообщение, означающее: «Опасности нет!» Затем разведчики возвращаются в арьергард, их сменяют «новенькие». Такая система ротации делает группу одним длинным существом, чей «нос» всегда остается сверхчувствительным.

«Опасности нет!» — звонко звучит двадцать раз. Двадцать первый прерван тошнотворной фальшивой нотой. Один из разведчиков неосторожно подошел к плотоядному растению. Дионея. Муравья привлек одуряющий аромат, и его лапки приклеились к смоле. Теперь все пропало. Прикосновение к ворсинкам включает механизм органических петель. Два широких листа с прожилками неумолимо закрываются. Длинная бахрома служит им зубами. Перекрещиваясь, она превращается в прочную решетку. Когда жертва совершенно расплющена, растительный хищник выделяет свои ненасытные ферменты, способные переварить самый жесткий панцирь.

И муравей растворяется. Все его тело превращается в пенящийся сок. Он испускает облачко пара, как сигнал бедствия.

Но, увы, ему уже ничем не поможешь. В долгосрочных экспедициях подобное случается сплошь и рядом. Впору ставить предупредительный знак — «Осторожно, опасность» на подступах к естественной ловушке.

Забыв про эту неприятность, муравьи снова идут по пахучей дороге. Феромоны следов указывают дорогу. Пройдя через заросли, экспедиция движется на запад, по-прежнему придерживаясь 23 градусов относительно солнца в зените. Путники дают себе чутьчуть отдохнуть, когда становится или слишком холодно, или слишком жарко. Они должны торопиться, чтобы не вернуться домой в разгар войны.

Уже бывало так, что участники экспедиции возвращаются и видят, что Город их окружен неприятельскими войсками. А прорывать блокаду всегда нелегко.

Так и есть, они нашли феромон следа, указывающий на вход в пещеру. От поверхности земли поднимается тепло. Разведчики углубляются в каменистую темноту.

Чем ниже они спускаются, тем лучше слышат тихое журчание ручейка. Это источник с теплой водой. Он дымится и сильно пахнет серой.

Муравьи утоляют жажду.

Потом они замечают странное животное: какой-то шарик с лапками. На самом деле это

навозный жук, катящий комочек из помета и песка, внутрь которого он отложил яйца. Как легендарный Атлант, он держит на плечах свой мир. Когда почва идет под уклон, шарик катится сам, а жук бежит за ним. Когда нужно подниматься в горку, жук задыхается и скользит, шарик скатывается вниз и за ним надо возвращаться. Странно, что здесь встретился навозный жук. Это скорее теплолюбивое насекомое...

Белоканцы пропускают навозника. Тащить этого толстяка с мощным панцирем тяжело, да и незачем, мясо у него невкусное.

Слева появляется черный силуэт и тут же прячется во впадине скалы. Уховертка. Она-то, напротив, восхитительна. Самый старый солдат среагировал быстрее всех. Он покачнул своим брюшком под шеей, принял позу для стрельбы, удержал равновесие, опершись на задние лапки, интуитивно прицелился и издалека выпустил каплю муравьиной кислоты. Едкий сок сорокапроцентной концентрации рассек пространство.

Цель поражена.

Уховертка убита прямо на бегу. И то сказать, муравьиная кислота действует уже при концентрации раствора сорок единиц на тысячу, а уж при сорока процентах из ста убивает наповал. Насекомое падает, все накидываются на его обгоревшее мясо. Осенние разведчики оставили хорошие феромоны. Похоже на то, что здесь есть, чем поживиться. Охота будет удачной.

Муравьи спускаются в артезианский колодец и распугивают каких-то, неизвестных им доселе, подземных жителей. Летучая мышь пытается положить конец их вторжению, но солдаты обращают ее в бегство, окутав облаком муравьиной кислоты.

Но несколько дней напролет отряд прочесывает теплую пещеру, собирая останки маленьких белых насекомых и кусочки зеленоватых грибов. При помощи анальных желез муравьи оставляют новые феромоны следов, которые должны позволить их братьям беспрепятственно охотиться здесь.

Задача выполнена. Пройдя через западные кустарники, они освоили этот район. Тяжело нагруженные съестными припасами, уже собираясь в обратный путь, они водружают в пещере химическое Федеральное знамя. Его запах плещется на ветру: «Бел-о-кан!»

— Повторите, пожалуйста!

— Уэллс, племянник Эдмона Уэллса.

Дверь открылась, и в нее вошел великан двухметрового роста.

— Господин Язон Брагель?.. Извините за беспокойство, но я хотел бы поговорить с вами о своем дяде. Я его не знал, а моя бабушка сказала мне, что вы были его лучшим другом.

— Ну, заходите... Так что конкретно вас интересует?

— Все. Я не знал его и очень об этом сожалею...

— М-м-м. Понятно. В любом случае, Эдмон был из тех, кого называют «ходячей тайной».

— Вы его хорошо знали?

— Как можно утверждать, что ты кого-то хорошо знаешь? Скажем так, нам нравилось часто проводить время вместе.

— Как вы познакомились?

— На факультете биологии. Я работал с растениями, он — с бактериями.

— Еще два параллельных мира.

— Да, только мой все-таки более дикий, — уточнил Язон Брагель, демонстрируя гостю настоящий лес, буйно разросшийся по всей его столовой. — Видите? Все это конкуренты, готовые убить друг друга за лучик света или за каплю воды. Как только листок оказывается в тени, растение забрасывает его, соседние листья развертываются шире. Вот уж действительно закон джунглей...

— А бактерии Эдмона?

— Он сам заявлял, что всего лишь занимается своими предками. Ну, углублялся больше, чем обычно, в изучение своего генеалогического древа...

— А почему бактерии? Почему не обезьяны, не рыбы?

— Он хотел изучить клетку на самом примитивном этапе развития. Он считал человека лишь конгломератом клеток, поэтому хотел постичь «психологию» частицы, для того чтобы понять функционирование целого. Кто-то из великих сказал, что большая, сложная проблема — это всего

лишь сумма маленьких, простых проблем. Он понимал это изречение буквально.

— Он работал только с бактериями?

— О нет. Он был мистиком в своем роде, настоящим энциклопедистом, хотел знать все. У Эдмона были свои странности. Например, он хотел управлять ритмом биения своего сердца.

— Но это невозможно!

— Да вроде бы некоторым индийским и тибетским йогам такой подвиг по плечу.

— А зачем это нужно?

— Не знаю... Он хотел научиться этому, чтобы иметь возможность умереть по своей воле, просто остановив свое сердце. Эдмон думал, что так он сможет выйти из игры в любой момент.

— Зачем?

— Может быть, он боялся старости.

— М-да... А чем он занимался после окончания факультета?

— Эдмон ушел работать в частную фирму, производящую живые бактерии для йогуртов. «Суитмилк корпорейшн». Там у него дела пошли хорошо. Он открыл бактерию, которая улучшала не только вкус, но и запах йогурта! Получил премию за лучшее изобретение шестьдесят третьего года...

— А потом?

— Потом Эдмон женился на китаянке, Линг Ми ее звали. Это была веселая, нежная девушка. Она быстро смягчила его суровый нрав. Эдмон души в ней не чаял. Встречаться мы, как водится, стали реже. Ну, как обычно.

— Я слышал, что он уезжал в Африку.

— Да, но он уехал после.

— После чего?

— После трагедии. У Линг Ми открылась лейкемия. Это приговор. Через три месяца она умерла. Бедный... Он-то утверждал, что люди ему неинтересны и что его волнуют только клетки... Урок был жестоким. И поделать он ничего не мог. А тут еще Эдмон из-за чего-то повздорил с коллегами по «Суитмилк корпорейшн». Он ушел с работы и сидел дома в полной прострации. Линг Ми заставила его поверить в человечество, а ее смерть снова сделала беднягу мизантропом.

— Он уехал в Африку, чтобы забыть Линг Ми?

— Может быть. Во всяком случае, чтобы залечить раны. Эдмон с головой ушел в биологические изыскания. Кажется, его захватила какая-то научная материя. Не скажу наверняка, что это было, но точно не бактерии. Скорее всего, он поехал в Африку потому, что там было легче изучать эту тему. Эдмон прислал мне открытку, в ней он писал только о том, что работает в Национальном центре научных исследований, вместе с неким профессором Розенфельдом. Я этого господина не знаю.

— А потом вы видели Эдмона?

— Да, один раз, случайно встретились на Елисейских полях. Мы поговорили немного. У него явно снова появился вкус к жизни. Но он был очень уклончив и ответов на все мои более-менее профессиональные вопросы не давал.

— Он вроде бы еще энциклопедию писал.

— Да, это было раньше. Фундаментальный труд. Хотел собрать все знания в одной книге.

— Вы ее видели?

— Нет. И я не думаю, чтобы Эдмон ее кому-то показывал. Да будь его воля, он закопал бы ее в дебрях Аляски, а стеречь поставил огнедышащего дракона. С него станется. Было в Эдмоне что-то от «великого колдуна».

Джонатан собрался уходить.

— Да! Еще вопрос: вы знаете, как из шести спичек сложить четыре равнобедренных треугольника?

— Еще бы. Это любимый тест Эдмона на уровень интеллектуального развития.

— Ну и как же? Язон расхохотался.

— А вот этого я вам нипочем не скажу! Как говорил Эдмон: «Каждый сам находит свой путь». Вот увидите, самому найти ответ куда как приятнее.

Когда несешь на спине много мяса, обратный путь кажется гораздо длиннее, чем дорога к цели путешествия. Отряд идет быстрым шагом, надеясь попасть домой до того, как стемнеет и похолодает.

С марта по ноябрь муравьи способны работать двадцать четыре часа в сутки без малейшей передышки, но любое понижение температуры их усыпляет. Поэтому экспедиции редко отправляются куда-то дольше, чем на один день.

Город муравьев долго размышлял над этой проблемой. Город знал, как важно расширять территорию для охоты и знакомиться с дальними странами, где растут другие цветы и травы и живут другие существа со своими обычаями.

В восемьсот пятидесятом тысячелетии Би-стин-га, рыжая королева из династии Га (восточная династия, исчезнувшая сто тысяч лет назад), охваченная безумным честолюбием, захотела найти «края» земли. Она послала сотни экспедиций по четырем основным направлениям. Ни одна из них не вернулась. Нынешняя королева, Бело-киу-киуни не настолько кровожадна. Ее любопытство ограничивается маленькими золотистыми жесткокрылыми насекомыми, похожими на драгоценные камни (обитающими далеко на юге), и хищными растениями, которые ей иногда доставляют живыми, прямо с корнями. Она надеется в один прекрасный день их приручить.

Бело-киу-киуни знает, что лучший способ узнать о новых территориях — это по-прежнему расширять Федерацию. Все больше экспедиций на дальнее расстояние, все больше дочерних Городов, все больше аванпостов. Война со всеми, кто хочет помешать этому продвижению.

Конечно, так весь свет быстро покоришь, но политика маленьких, упорных шажков идеально вписывается в общую философию муравьев: «Медленно, но всегда вперед».

Сегодня Федерация Бел-о-кан насчитывает 64 дочерних Города. 64 Города под одним запахом. 64 Города, связанных сетью в 125 километров прорытых дорог и в 780 километров обонятельных тропинок. 64 Города — 64 союзника во время сражений и во время голода.

Концепция Федерации Городов позволяет некоторым Городам специализироваться. И Бело-киу-киуни мечтает о том, что наступит время, когда один Город будет заниматься только зерном, другой — только мясом, третий — только войной.

Но это — в будущем.

Во всяком случае, такая концепция согласовывается с другим основополагающим принципом философии муравьев: «Будущее принадлежит специалистам». Разведчикам еще далеко до аванпостов. Они ускоряют шаг. Когда они снова проходят мимо хищного растения, один солдат предлагает выкорчевать его и отнести Бело-киу-киуни.

Собирается военный совет. Муравьи спорят, выделяя и воспринимая крошечные летучие молекулы запахов. Феромоны. В действительности, это гормоны, отделяющиеся от их тел. Можно представить себе эти молекулы в виде аквариума, где каждая рыбка является словом. Благодаря феромонам муравьи ведут диалоги с бесчисленным количеством нюансов. Судя по нервно дергающимся усикам, дискуссия протекает оживленно.

Это очень обременительно.

Мать не знает этого вида растений.

Мы можем понести потери, станет меньше рук, чтобы нести добычу.

Когда мы приручим хищные растения, они станут особым видом оружия. Всего лишь высадив их в ряд, можно будет противостоять противнику.

Мы устали, скоро ночь.

Муравьи решают отказаться от своего намерения, огибают растение и идут своей дорогой. Когда отряд приближается к цветущей рощице, самец № 327, который идет последним, чувствует запах красной маргаритки. Такой разновидности он никогда не видел. Тут и думать нечего.

Мы не взяли дионею, но мы принесем маргаритку.

Он на мгновение отстает и аккуратно срезает стебель цветка. Чик! Затем, крепко держа свою находку, он бежит догонять товарищей.

Только товарищей-то больше нет. Первая экспедиция нового года, конечно, находится перед ним, но в каком виде... Да, вот это шок. Лапки № 327 начинают дрожать. Все его друзья лежат мертвыми.

Что же могло произойти? Атака должна была быть мгновенной. Они не успели встать в боевую позицию, они по-прежнему вытянулись в виде «змеи с большой головой».

Он осматривает тела. Никто не выстрелил кислотой. У рыжих муравьев даже не было времени выделить феромоны тревоги.

№ 327 начинает расследование.

Он осматривает усики одного из собратьев. Обонятельный контакт. Никакого химического изображения. Они шли себе — и вдруг как отрезало.

Надо понять, надо понять. Несомненно, есть объяснение. Сначала надо прочистить сенсорный аппарат. При помощи двух изогнутых когтей передней лапки № 327 скребет свои фронтальные стерженьки, убирая едкую пену, появившуюся от волнения. Он сгибает их в направлении рта и лижет. Вытирает их маленькой шпорой-щеткой, что скорая на выдумку мать-природа проделала поверх его третьего локтя.

Потом опускает чистые усики на уровень глаз и медленно приводит их в движение частотой 300 вибраций в секунду. Ничего. Он набирает обороты: 500, 1000, 2000, 5000, 8000 вибраций в секунду. Он использует уже две трети своих воспринимающих способностей.

В мгновение ока он чувствует самые легкие ароматы, плывущие вокруг: пар росы, пыльцу, споры и еще какой-то едва уловимый запах, смутно ему знакомый, но не поддающийся идентификации.

Он еще «прибавляет газу». Максимальная мощность: 12 000 вибраций в секунду. Вращаясь, его усики образуют всасывающие потоки воздуха, притягивающие всю пыль.

Есть: он узнал этот легкий запах. Это запах виновных. Да, это могут быть только они, беспощадные северные соседи, уже доставившие им столько забот в прошлом году. Они: муравьи-карлики из Ши-гае-пу...

Значит, они тоже уже проснулись. Должно быть, они устроили засаду и применили новое молниеносное оружие.

Нельзя терять ни секунды, надо поднимать по тревоге всю Федерацию.

« — Их убил лазерный луч очень большой амплитуды, шеф.

— Лазерный луч?

— Да, новое оружие, поражающее на расстоянии наши самые большие корабли. Шеф...

— Вы думаете, что это...

— Да, шеф, только венеряне способны на такое. Это их почерк.

— Если это так, возмездие будет ужасным. Сколько у нас осталось боевых ракет в кольце Ориона?

— Четыре, шеф.

— Этого недостаточно, надо будет попросить подкрепления...»

— Хочешь еще немного супа?

— Нет, спасибо, — сказал Николя, полностью загипнотизированный зрелищем.

— Ну-ка, давай смотри и в тарелку тоже, или я выключу телевизор!

— Ой, ну мам, ну пожалуйста...

— Тебе еще не надоели эти бредни про маленьких зеленых человечков и планеты с названиями стиральных порошков? — спросил Джонатан.

— Мне интересно. Я уверен, что в один прекрасный день мы увидим пришельцев.

— Не знаю... Столько времени об этом говорят!

— К самой близкой звезде послали зонд, «Марко Поло» называется. Скоро мы узнаем, кто наши соседи.

— Ничего из этого не выйдет, раньше тоже посылали зонды и все впустую, только космос засоряли. Я ведь тебе уже говорил, это слишком далеко.

— Может быть, но кто тебе сказал, что пришельцы не прилетят к нам сами? Ведь до сих пор никто так и не знает, откуда взялись все эти НЛО.

— Даже если так, зачем нам встречаться с другими мыслящими существами? В конце концов, дело кончится войной. Тебе не кажется, что у землян и без того хватает проблем?

— Это было бы так интересно. Может быть, мы стали бы ездить на каникулы в новые места.

— Появились бы в основном новые заботы. Джонатан взял Николя за подбородок.

— Ладно, сынок, когда ты подрастешь, то поймешь, что единственное действительно необыкновенное существо, чей разум отличается от нашего, это... женщина!

Люси для виду запротестовала, а затем рассмеялась вместе с мужем. Николя насупился. Ну и шуточки у этих взрослых... Чтобы успокоиться, он стал искать рукой собачью шерстку. Под столом не было никого.

— А где Уарзазат?

В столовой собаки не было.

— Уарзи! Уарзи!

Николя засвистел в четыре пальца. Обычно после этого пудель сразу давал о себе знать: слышался лай, а за ним стук когтей по полу. Николя снова засвистел — безрезультатно. Он отправился искать собаку по многочисленным комнатам квартиры. Родители присоединились к нему. Пуделя нигде не было. Входная дверь была закрыта. Пес не мог выйти сам, отпирать и запирать двери он как-то еще не научился.

Почему-то все направились на кухню, а точнее, к двери в подвал. Щель все еще не заделали. И она была достаточно широкой, чтобы Уарзазат в нее пролез.

— Он там, я уверен, что он там! — застонал Николя. — Надо идти за ним.

Как будто в ответ на эти слова из подвала послышалось отрывистое тявканье. Но слышалось оно очень издалека.

Они подошли к запретной двери. Джонатан преградил жене и сыну дорогу своим телом.

— Я сказал, в подвал ходить нельзя!

— Дорогой, — ответила Люси, — надо идти искать собаку. Почем знать, может, на нее напали крысы. Ты же сам говорил, что там крысы...

Лицо Джонатана окаменело.

— Черт с ней, с собакой. Завтра купим новую. Мальчик остолбенел.

— Папа, я не хочу новую! Уарзазат — мой друг, ты не можешь вот так бросить его погибать.

— Да что с тобой, — подхватила Люси, — давай я пойду, если ты боишься!

— Ты боишься, папа, ты трус?

Джонатан не выдержал их напора. Он пробормотал: «Хорошо, я пойду, посмотрю» — и отправился за электрическим фонарем. Он осветил щель. Там было темно, что называется, хоть глаз выколи, там была темнота, поглощающая все.

Он вздрогнул. Ему ужасно хотелось убежать. Но жена и сын толкали его в эту пропасть.

Злость переполняла его. Боязнь темноты брала верх.

Николя расплакался.

— Он умер! Я уверен, что он умер! И все из-за тебя!

— Может быть, он ранен, — успокаивала его Люси, — надо пойти посмотреть.

Джонатан снова подумал о письме Эдмона. Тон фразы был категоричным. Но что делать?

Когда-нибудь кто-то из них обязательно не выдержит и спустится вниз. Надо было решаться. Сейчас или никогда. Он вытер ладонью мокрый лоб.

Нет, само это никогда не пройдет. Ему, наконец, представился случай победить свои страхи, сделать шаг, противостоять опасности. Тьма хочет поглотить его? Тем лучше. Он готов идти до конца. В любом случае терять ему больше нечего.

— Я иду!

Он взял свои инструменты и сломал замок.

— Что бы ни случилось, оставайтесь тут, ни в коем случае не ходите меня искать и не зовите полицию. Ждите меня!

— Ты как-то странно говоришь. Это всего-навсего подвал, самый обыкновенный, как в любом доме.

— Сомневаюсь...

Освещенный оранжевым овалом заходящего солнца самец № 327, единственный, оставшийся в живых из первой весенней охотничьей экспедиции, бежит один. Один как перст.

Лапки его скользят в лужах, грязи и прошлогодних листьях. Ветер высушил его губы. Пыль покрыла янтарным слоем его тело. Он не чувствует больше своих мускулов. Большинство его когтей сломано.

№ 327 спешит. Он уже различает близкую цель в конце обонятельного пути. С каждым шагом растет среди пригорков белоканских Городов, приближается к нему необъятная пирамида Бел-о-кана. Материнский Город — пахучий, вдохновляющий и завораживающий маяк.

№ 327 достигает, наконец, подножия величественного муравейника, поднимает голову. Его Город вырос еще больше. Начато строительство нового защитного слоя купола. Вершина горы из веточек бросает вызов луне.

Молодой самец в мгновение ока находит на уровне земли еще открытый вход и кидается в него.

И вовремя. Все рабочие и солдаты, работавшие снаружи, уже вернулись. Охранники собираются запирать муравейник, чтобы сохранить внутри тепло. Как только № 327 переступает порог, каменщики начинают работу, дверь за ним закрывается. Практически захлопывается.

Вот и все, ничего не осталось от холодного, варварского внешнего мира. № 327 снова окунулся в цивилизацию. Теперь он может отдохнуть и раствориться в недрах Племени, Он больше не один, его много.

Подходят часовые. Они не узнают самца под слоем пыли. Он быстро выделяет опознавательный запах и успокаивает их.

Какой-то рабочий замечает исходящий от него запах усталости. Он предлагает самцу № 327 трофаллаксию, ритуальный дар своего тела.

Каждый муравей имеет в брюшной полости особый карман, по сути, второй желудок, который не переваривает пищу. Это своего рода кладовая для общественных нужд. Пища может долго храниться в нем, оставаясь совершенно свежей и нетронутой. По мере необходимости муравей срыгивает ее и отправляет в нормальный, переваривающий желудок. Или выплевывает и угощает соплеменника.

Жесты всегда одинаковы. Угощающий муравей приближается к объекту трофаллаксии и похлопывает его по голове. Если принимающий муравей согласен, он опускает усики. Или же, наоборот, высоко поднимает их в знак отказа. Значит, соплеменник не так уж голоден.

Самец № 327 не колеблется. Его энергетические резервы настолько истощены, что он, того гляди, застынет, как в столбняке. Муравьи сближают свои рты. Пища поднимается.

Угощающий муравей срыгивает сначала слюну, потом молочко и зерновую кашку. Очень вкусно и хорошо восстанавливает силы.

Угощение заканчивается, самец отодвигается. Он вспоминает обо всем. Погибшие. Засада. Нельзя терять ни секунды. Он поднимает усики и распрыскивает вокруг себя информацию в виде крошечных капелек.

Тревога. Война. Карлики уничтожили нашу первую экспедицию. У них новое оружие разрушительной силы. Боевая тревога. Война объявлена.

Приближается патруль. Запахи тревоги действуют им на нервы. Вокруг № 327 собирается толпа.

Что такое?

Что происходит?

Он говорит, что объявлена война.

А доказательства у него есть?

Отовсюду сбегаются муравьи.

Он говорит о новом оружии и уничтоженной экспедиции.

Это серьезно.

А доказательства у него есть?

Самец теперь в центре клубка муравьев.

Тревога, тревога, война объявлена, боевая тревога!

А доказательства у него есть?

Эта обонятельная фраза повторяется всеми.

Нет, у него нет доказательств. Он был так потрясен, что не подумал о том, чтобы принести их. Движение усиков. Головы с сомнением покачиваются.

Где это произошло?

На запад от Ла-шола-кана, на полпути между новым пунктом охоты, открытым разведчиками, и нашими Городами. Зона, где часто встречаются патрули карликов. Это невозможно, наши разведчики вернулись. Они ясно говорят: карлики еще не проснулись!

Этот феромон выделяют какие-то неизвестные усики. Толпа рассеивается. Этим усикам поверили. А ему, № 327, не поверили. В чем-то его рассказ похож на правду, но все-таки это невероятно. Никогда весенние войны не начинаются так рано. Со стороны карликов было бы безумием нападать, пока они еще даже не все проснулись.

Каждый возвращается к своему занятию, не обращая внимания на информацию, переданную самцом № 327.

Единственный выживший из первой охотничьей экспедиции потрясен. Черт возьми, не могли же убитые ему померещиться! Муравьи должны заметить, что их стало меньше.

Его усики нелепо спадают ему на лоб. Он испытывает унизительное чувство собственной ненужности. Чувство, что он живет не для других, а только для себя. Он вздрагивает от ужаса при этой мысли. Он бросается вперед, лихорадочно бежит, собирает рабочих, берет их в свидетели. Никто не хочет остановиться даже тогда, когда он выделяет ритуальную формулу:

Я — разведчик, я был лапкой.
На месте я был глазами.
Вернувшись, я стал побудительным стимулом.

Всем наплевать. Его слушают без внимания. Потом спокойно уходят. Хватит нас будоражить!

Джонатан спустился в подвал четыре часа назад. Его жена и сын извелись от беспокойства.

— Мам, давай позовем полицию?

— Нет, не сейчас.

Люси подошла к двери в подвал.

— Папа умер? Мама, скажи, папа умер так же, как и Уарзи?

— Да что ты, сыночек, что за глупости ты говоришь! У Люси на душе кошки скребли. Она наклонилась, вглядываясь в щель. При свете мощной, недавно купленной, галогенной лампы ей казалось, что она различает вдали... винтовую лестницу.

Люси села на пол. Николя уселся рядом. Она обняла его.

— Он вернется, надо потерпеть. Он просил нас ждать, подождем еще.

— А если он больше не вернется?

№ 327 устал. Ему кажется, что он плывет против течения. Он тратит силы, но вперед не продвигается.

Он решает обратиться к самой Бело-киу-киуни. Матери четырнадцать зим, у нее огромный опыт, а бесполые муравьи, костяк населения муравейника, живут три года максимум. Она одна может помочь ему распространить информацию. Молодой самец идет самой короткой дорогой, ведущей в сердце Города. Тысячи рабочих муравьев, нагруженных яйцами, семенят по этой широкой галерее. Они поднимают свой груз с сорокового подземного этажа в ясли солярия, расположенные на тридцать восьмом надземном этаже. Огромный поток белых круглых скорлупок в лапках муравьев движется снизу вверх и справа налево.

Ему надо идти в противоположном направлении. Это нелегко. № 327 задевает нескольких кормилиц, и те возмущенно кричат на грубияна. Его самого толкают, топчут, отпихивают, царапают.

К счастью, коридор заполнен не под завязку. Самцу удается расчистить себе дорогу в этой кишащей толпе.

Затем он выбирает тоннели поменьше, так дорога длиннее, но легче, он трусит быстрым шагом. Из крупных артерий он переходит в мелкие, из них — в вены и тоненькие жилки. Он преодолевает километры, проходит мосты, арки, пересекает пустые и запруженные толпой площади.

Самец № 327 легко ориентируется в потемках, благодаря своим трем фронтальным инфракрасным глазкам. Чем ближе подходит он к запретному Городу, тем сильней становится сладковатый запах Матери. Охранников становится все больше. Тут представлены все подкасты солдат всех размеров и со всеми видами оружия. Малыши с длинными исцарапанными мандибулами, здоровяки с твердым, как дерево, тораксом, приземистые богатыри с короткими усиками, артиллеристы, чьи вытянутые брюшки наполнены ядом, вызывающим конвульсии.

Обладатель всех необходимых опознавательных запахов, самец № 327 беспрепятственно проходит через посты заграждения. Солдаты спокойны. Чувствуется, что большие войны за обладание территориями еще не начались.

Уже почти достигнув цели, № 327 выделяет свой опознавательный запах перед привратником, потом проходит последний коридор, ведущий к королевской ложе.

На пороге он останавливается, потрясенный красотой неповторимого места. Это большой круглый зал, построенный с непогрешимой точностью по архитектурным и геометрическим законам, тайну которых королевы матери передают своим дочерям из усиков в усики.

Главный свод насчитывает двенадцать голов в высоту и тридцать шесть голов в диаметре (голова — принятая в Федерации единица измерения, равная трем миллиметрам в человеческих единицах измерения). Цементные пилястры поддерживают этот храм насекомых, созданный так, чтобы, благодаря вогнутой форме пола, пахучие молекулы, выделенные индивидуумом, отталкивались и как можно дольше не впитывались стенами. Это удивительный обонятельный амфитеатр.

В центре его отдыхает толстая дама. Она лежит на животе и время от времени протягивает свою лапку к желтому цветку. Иногда цветок с сухим стуком защелкивается. Но лапка уже в безопасности.

Эта дама — Бело-киу-киуни.

Бело-киу-киуни, последняя королева рыжих муравьев центрального Города.

Бело-киу-киуни, единственная производительница духа и тела Племени.

Бело-киу-киуни, которая правила уже в эпоху большой войны с пчелами, в эпоху завоевания южных термитников, во время восстановления мира с территорией пауков, в эпоху страшной изнурительной войны, навязанной дубовыми осами. В прошлом году она координировала усилия Городов, направленные на сопротивление северным пограничным притязаниям муравьев-карликов.

Бело-киу-киуни, побившая рекорды долголетия.

Бело-киу-киуни, его мама.

Эта живая легенда здесь, совсем рядом с ним, как и раньше. Только теперь ее ласкают и увлажняют слюной двадцать молодых услужливых рабочих, а раньше он, № 327, ухаживал за ней своими маленькими, еще неловкими лапками.

Молодое плотоядное растение щелкает челюстями, Мать испускает скромную обонятельную жалобу. Никто не знает, откуда у нее эта слабость к растительным хищникам.

№ 327 приближается. Вблизи Мать не очень красива. У нее вытянутый череп, снабженный двумя огромными шаровидными глазами, которые, кажется, смотрят во все стороны одновременно. Ее инфракрасные глазки сгруппированы в середине лба. Ее усики, наоборот, расставлены слишком широко. Они очень длинные, очень легкие и вибрируют короткими, прекрасно рассчитанными толчками.

Уже много дней назад Бело-киу-киуни восстала из великого сна, с тех пор она не прекращает нести яйца. Ее брюшко, в десять раз толще, чем у остальных муравьев, подергивается от непрерывных судорог. Сейчас она откладывает восемь маленьких яиц, светло-серых, с жемчужным отливом, последнее поколение белоканцев. Будущее, круглое и липкое, покидает ее лоно и катится по полу. Его тут же подхватывают кормилицы.

Молодой самец узнает запах этих яиц. Это бесполые солдаты и самцы. Холодно, и железа,

производящая «девочек», еще не активизировалась. Как только позволит погода, Мать будет производить столько яиц каждой касты, сколько необходимо Городу. Рабочие примутся сообщать ей, что не хватает мукомолов или артиллеристов, и она станет поставлять их по заявке. Бывает, что Бело-киу-киуни выходит из ложи и вдыхает запах коридоров. Ее усики достаточно чувствительны, чтобы уловить малейшую недостачу в той или иной касте. И она тут же пополняет личный состав.

Мать производит на свет еще четыре маленьких подразделения солдат, потом поворачивается к своему гостю. Она трогает его и лижет. Контакт с королевской слюной — всегда особое событие. Эта слюна — не только универсальное дезинфицирующее средство, но еще и настоящая панацея от всех болезней, кроме тех, конечно, что находятся в голове.

Если Бело-киу-киуни и не узнает персонально каждого из своих бесчисленных детей, то этим «слюнным» приветствием она показывает, что узнала запах. Он свой.

Усиковый диалог может начаться.

Добро пожаловать в лоно Племени. Ты покинул меня, но ты снова возвращаешься.

Это ритуальная фраза Матери, адресованная детям. Сказав ее, королева спокойно вдыхает феромоны его одиннадцати сегментов. Ее безмятежность передается молодому самцу № 327... Она уже поняла, что его к ней привело... Первая экспедиция на Запад полностью уничтожена. Вблизи от места катастрофы пахло муравьями-карликами. Скорее всего они открыли новое секретное оружие.

Он — разведчик, он был лапкой.
На месте он был глазами.
Вернувшись, он стал побудительным стимулом.

Конечно. Но загвоздка в том, что он не может поднять Племя. Его запахи никого не убеждают. Он надеется, что Бело-киу-киуни знает, как передать сообщение и объявить тревогу.

Мать принюхивается к нему с удвоенным вниманием. Она улавливает малейшие летучие молекулы, исходящие от его суставов и лапок. Да, есть следы крови и тайны. Это может быть и войной... Но вполне может ею и не быть.

Она дает ему понять, что, в любом случае, не обладает никакой политической властью. В Племени решения принимаются коллективно: формируются рабочие группы, которые занимаются проектами по своему выбору. Если он не может создать нервный центр, то есть организовать группу, опыт Матери для него бесполезен.

И она даже не может ему помочь.

Самец №327 настаивает. Наконец-то у него есть собеседница, готовая выслушать все, он изо всех сил выделяет самые соблазнительные молекулы. По его мнению, эта катастрофа должна стать первоочередной заботой. Надо сейчас же послать разведчиков, чтобы попытаться узнать, что представляет из себя секретное оружие.

Бело-киу-киуни отвечает, что Племя изнемогает под гнетом «первоочередных забот». Еще не закончено весеннее пробуждение, не достроен наружный слой Города. Пока последняя ветка покрытия не будет уложена, начинать войну опасно. К тому же Племени не хватает белков и сахара. Наконец, пора уже понемногу готовиться к празднику Возрождения. Это требует от каждого максимальной отдачи сил... Даже разведчики перегружены. Этим и объясняется то, что его сигнал тревоги не может быть услышан.

Пауза. Слышно только чмоканье рабочих, которые вылизывают панцирь Матери. А она снова принялась теребить свое хищное растение. Она изгибается, чуть ли не прячет брюшко под торакс. Свисают только две передние лапки. Когда растительные челюсти захлопываются, она успевает быстро убрать лапку. Потом призывает №327 в свидетели того, какое бы это было великолепное оружие.

Можно было бы высадить стену из хищных растений для защиты всей северо-западной границы. Вот только пока эти маленькие чудовища не умеют отличать жителей Города от чужаков...

№ 327 возвращается к теме, которой он одержим. Бело-киу-киуни спрашивает его о том, сколько граждан погибло во время « несчастного случая». Двадцать восемь. Все из подкасты солдат-разведчиков? Да, он был единственным самцом в экспедиции. Королева сосредоточивается и последовательно откладывает двадцать восемь жемчужин, таких же, какими были и уничтоженные

братья.

Двадцать восемь муравьев погибли, эти двадцать восемь яиц их заменят.

Однажды, с роковой неизбежностью, чьи-то пальцы лягут на эти страницы, чьи-то глаза прочтут эти слова, чей-то рассудок воспримет их смысл.

Я не хочу, чтобы этот миг наступил слишком рано. Последствия могут быть ужасными. И сейчас, когда я пишу эти фразы, я все еще борюсь за то, чтобы сохранить свой секрет.

Тем не менее, необходимо, чтобы однажды стало известно все, что произошло. Даже очень хорошо спрятанные тайны в конце концов становятся явью озера. Время — их злейший враг.

Кто бы вы ни были, прежде всего, я вас приветствую. В то время, когда вы читаете мои строки, я, скорее всего, мертв уже добрый десяток, если не сотню, лет. По крайней мере, я на это надеюсь. Иногда я сожалею о том, что получил это знание. Но я человек, и, даже если моя родовая солидарность находится в данный момент на самой низкой ступени развития, я помню свой долг. Свои обязанности, наложенные на меня лишь тем уже, что я родился однажды среди вас, людского рода вселенной. Я должен передать свою историю.

Все истории похожи, если изучить их поближе. Сначала «будущий» герой спит. Потом он переживает кризис. Этот кризис провоцирует реакцию героя. В зависимости от того, какой была его реакция, он умирает или начинает развиваться. Первая история, которую я вам расскажу, это история нашей вселенной. Потому что мы в ней живем. И потому что все в большом и в малом, подчиняется одним и тем же законам и связаны узами взаимозависимости.

Например, вы переворачиваете страницу, вы прикасаетесь указательным пальцем к целлюлозе бумаги. От этого контакта происходит неуловимое нагревание. Но оно, тем не менее, вполне реально. Это нагревание вызывает движение электрона, который уходит из орбиты своего атома и ударяется о другую частицу. Но эта частица, на самом-то деле, «относительно» себя самой, огромна. И столкновение с электроном для нее — настоящее потрясение. До этого она была инертной, пустой и холодной. Из-за того, что вы перевернули страницу, она пережила кризис. Ее лижут гигантские языки пламени. Своим незначительным жестом вы дали начало событиям, последствия которых вы никогда не узнаете. Может быть, родились миры, а в них — люди, и эти люди изобретут металлургию, прованскую кухню и межпланетные путешествия. Они даже могут оказаться умнее нас. И они никогда бы не существовали, если бы к вам в руки не попала бы эта книга, и если бы ваш палец не произвел бы нагревание именно в этом месте листа бумаги.

Точно так же и наш мир находится, несомненно, в уголке книжной страницы, в подошве ботинка или в пивной пене поверх кружки из какой-то другой гигантской цивилизации.

Наше поколение уже не сможет это проверить. Но мы знаем, что когда-то наша вселенная, или, может быть, частица, включающая нашу вселенную, была пустой, холодной, черной, неподвижной. Потом что-то (или кто-то) спровоцировало кризис. Перевернули страницу, наступили на камень, сдули пену с пивной кружки. Произошла какая-то катастрофа. Наша частица проснулась. У нас, мы знаем, это был огромный взрыв. Его назвали Big Band.

Каждую секунду, быть может, рождается мир, неизмеримо большой, неизмеримо маленький, неизмеримо далекий, но подобный нашему, родившемуся более пятнадцати миллиардов лет назад. Мы не знаем других миров. Но о нашем нам известно то, что он ведет начало со взрыва самого «маленького» и самого «простого» атома: водорода.

Представьте же себе это огромное пространство тишины, вдруг разбуженное исполинским взрывом. Зачем сдули пену с пива? Не важно. Важно то, что водород загорается, взрывается, пышет жаром. Мощный свет пронизывает нетронутый доселе космос. Кризис. То, что было недвижимо, приходит в движение. То, что было холодным, нагревается. То, что хранило безмолвие, обретает голос.

Потом изначальное пожарище водорода трансформируется в гелий, в атом чуть посложнее водорода. Но уже из этого можно вывести первое важное правило игры нашей вселенной: ВСЕГДА К БОЛЕЕ СЛОЖНОМУ.

Правило это кажется очевидным. Но ничто не говорит о том, что в соседних вселенных оно такое же. Там, быть может, это ВСЕГДА К БОЛЕЕ ГОРЯЧЕМУ, или ВСЕГДА К БОЛЕЕ ТВЕРДОМУ, или ВСЕГДА К БОЛЕЕ СМЕШНОМУ.

У нас тоже все может становиться более горячим, или более твердым, или более смешным, но это не изначальное правило. Это, что называется, постольку-поскольку. Наше коренное правило, на котором зиждутся все остальные, звучит так: ВСЕГДА К БОЛЕЕ СЛОЖНОМУ.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самец № 327 бредет по южным коридорам Города. Он не обрел покоя. Он повторяет знаменитую фразу:

Он — разведчик, он был лапкой.
На месте он был глазами.
Вернувшись, он стал побудительным стимулом.

Почему она не действует? Где ошибка? Его тело кипит от непереданной информации. Он чувствует, что Племя пострадало и даже не заметило этого. А стимул боли — это он. Он должен заставить Город отреагировать.

О, как тяжело держать в себе послание страдания и не находить усиков, которые захотели бы его воспринять. Он так мечтает освободиться от этого бремени, разделить с другими страшное знание.

Рядом с ним проходит муравей — посланец тепла. Чувствуя, каково на душе у собрата, он думает, что тот неудачно проснулся, и предлагает ему солнечных калорий. Они придают № 327 немного сил, которые он тут же использует, чтобы попытаться убедить соплеменника. *Тревога, карлики устроили засаду и перебили всю нашу экспедицию, тревога!*

Но № 327 растерял даже те крохи правдоподобия, которыми обладал вначале. Посланец уходит, как ни в чем не бывало. № 327 не отступает. Он бежит по коридорам, испуская послание тревоги.

Иногда воины останавливаются, слушают его, даже начинают разговаривать, но его слова о разрушительном оружии кажутся чистейшим вымыслом. И группа, способная выполнить военное задание, не сформировывается.

И № 327 понуро бредет дальше.

Неожиданно, проходя пустынным тоннелем четвертого подземного этажа, он различает шум позади себя. Кто-то его преследует.

Самец № 327 оборачивается. Своими инфракрасными глазками он исследует коридор. Он видит черные и красные пятна. Никого. Странно. Он, наверное, ошибся. Но шаги снова раздаются позади него. Цок... цок-цок... цок... цок-цок. Это кто-то, кто хромает на две лапки из шести, и этот кто-то приближается.

Чтобы увериться в своей правоте, № 327 оборачивается на каждом перекрестке, потом выжидает. Шаги замолкают. Как только он трогается с места, они звучат опять: цок... цок-цок... цок... цок-цок.

Сомнений нет — его преследуют.

Кто-то, кто прячется, когда № 327 оборачивается. Странное поведение, совершенно непонятное. Зачем одной клетке Племени тайно преследовать другую? Здесь все вместе, никто ничего не скрывает.

Но незримое присутствие не становится от этого менее ощутимым. По-прежнему на расстоянии, по-прежнему скрытое. Цок... цок-цок... цок... цок-цок. Как реагировать? Когда он был еще личинкой, кормилицы учили его тому, что всегда нужно идти навстречу опасности. Он останавливается и делает вид, что моется. Преследователь теперь недалеко. № 327 почти чувствует его. Делая вид, что умывается, №327 шевелит антеннами. Есть, он воспринимает обонятельные молекулы преследователя. Это маленький солдат, возраст — один год. Он выделяет странный запах, перекрывающий обычные опознавательные запахи. На что он похож, сразу и не скажешь — пожалуй, так пахнут камни скалы.

Маленький солдат больше не прячется. Цок... цокцок... цок... цок-цок. № 327 видит его в инфракрасном излучении. Солдатику действительно не хватает двух лапок. Запах камней скалы

становится сильней.

№ 327 выделяет:

Кто там?

Ответа нет.

Почему вы меня преследуете?

И этот вопрос остается без ответа.

№ 327 решает выбросить этот случай из головы и снова пускается в путь, но вскоре обнаруживает, что навстречу ему идет еще один незнакомец. На сей раз это большой солдат. Галерея узкая, они не разойдутся.

Повернуть? Это значит встретиться с хромым, который, кстати, торопится к самцу. № 327 в ловушке.

Теперь он чувствует — это два воина. И оба несут с собой запах камней скалы. Большой солдат раскрывает свои длинные клешни.

Это западня!

Немыслимо, чтобы один муравей Города хотел убить другого. Расстройство иммунной системы? Они не узнали его опознавательные запахи? Они принимают его за чужака? Это так же невероятно, как если бы его желудок вдруг взбунтовался против собственных кишок...

Самец № 327 выделяет сильнее прежнего.

Я, как и вы, клетка Племени. Мы — один и тот же организм.

Это молодые солдаты, они, должно быть, ошиблись. Но его послания отнюдь не успокаивают его собеседников. Хромой солдатик прыгает ему на спину и хватает за крылья, а большой солдат зажимает голову мандибулами. И они тащат его, обездвиженного, в сторону свалки.

№ 327 борется. При помощи сегмента для сексуальных диалогов он выделяет разнообразные эмоции, неизвестные бесполым муравьям. Непонимание перерастает в панику.

Чтобы не запачкаться об его «абстрактные» мысли, хромой, по-прежнему вцепившийся в его мезотонум, мандибулами отрезает ему усики. Он уничтожает этим все феромоны № 327, а главное, его опознавательные запахи. Хотя там, куда он отправляется, они ему не больно-то и нужны...

Страшная троица толчками продвигается по самым безлюдным коридорам. Хромой солдатик методично продолжает свою «генеральную уборку». Похоже на то, что он хочет стереть всю информацию, которую можно считать с самца № 327. Самец больше не сопротивляется. Сломленный, он готовится угаснуть, замедляя биение своего сердца.

«Зачем столько жестокости, столько ненависти, братья мои? Зачем?

Мы едины, мы одно целое, все мы дети Земли и Господа.

Прекратим на этом наши бессмысленные споры. Двадцать второе столетие будет духовным, или его не будет вовсе. Оставим наши старые споры, основанные на гордости и двойственности. Индивидуализм — вот наш истинный враг! Если вы оставляете страждущего брата своего умирать с голоду, вы долее недостойны быть частью огромного мирового сообщества. Если погибающий просит у вас помощи и поддержки, а вы закрываете перед ним дверь, вы — не с нами.

Я знаю вас, без зазрения совести одевающихся в шелка! Вы думаете только о бренном теле, вы хотите славы только для себя — лишь для вас и вашей семьи. Я знаю вас, говорю я вам. Ты, ты, ты и ты! И напрасно вы улыбаетесь перед экранами, ибо то, о чем я говорю, очень серьезно. Я говорю вам о будущем человечества. Так долее продолжаться не может. Такая жизнь бессмысленна. Мы тратим все, мы уничтожаем все. Не стало лесов — их вырубили для того, чтобы делать одноразовые салфетки. Все стало одноразовым: вилки, ручки, одежда, фотоаппараты, машины, и вы сами, не замечая того, тоже становитесь одноразовыми. Отрекитесь от этой суеты сует. Вы должны сами отречься от нее сегодня, или завтра вас заставят от нее отречься.

Идите к нам, вливайтесь в ряды нашего благочестивого воинства. Все мы солдаты Всевышнего, братья мои».

На экране появилось лицо диктора: «Эта евангельская проповедь была предложена вам преподобным Макдональдом из новой Церкви адвентистов сорок пятого дня и фирмой замороженных продуктов "Суитмилк". После короткой рекламы вы увидите продолжение научно-фантастического сериала "Я пришелец и горжусь этим"».

Люси не могла, как Николя, отключать сознание перед телевизором. Уже восемь часов, как Джонатан внизу, и ни слуху ни духу!

Ее рука потянулась к телефону. Джонатан велел ничего не предпринимать. А если он погиб или засыпан землей?

Люси еще не решалась спуститься в подвал. Ее рука словно сама собой взяла трубку. Люси набрала номер спасателей.

— Алло, это служба спасения?

— Я же просил тебя никуда не звонить, — раздался из кухни слабый, бесцветный голос.

— Папа! Папа!

Люси положила трубку, из которой слышалось: «Алло, говорите, назовите адрес». Раздался щелчок.

— Ну да, ну конечно, это я, не надо было волноваться. Я же вам велел спокойно меня ждать. Не волноваться?! Да-а...

Джонатан не только держал в руках того, кто был Уарзазатом и стал куском окровавленного мяса. Джонатан изменился сам. Он не казался запуганным или угнетенным, он даже улыбался. Нет, не то, как же его описать? Создавалось впечатление, что он постарел или заболел. Взгляд его был лихорадочным, лицо — мертвенно-бледным, он дрожал и выглядел обессиленным.

Увидев истерзанное тело своего любимца, Николя разрыдался. Можно было подумать, что бедного пуделя изрезали тысячью бритвенных лезвий. Его положили на развернутую газету.

Николя стал оплакивать своего друга. Все было кончено. Никогда больше Уарзазат не будет скакать вдоль стены, услышав слово «кошка». Никогда больше не откроет дверь за ручку в веселом прыжке. Никогда больше Николя не доведется защищать его от больших немецких овчарок.

Уарзазата больше не было.

— Завтра отвезем его на Пер-Лашез, на собачье кладбище, — сказал Джонатан. — Купим ему могилу за четыре с половиной тысячи франков, знаешь, такую, где можно поставить фотографию.

— П-правильно... — всхлипнул Николя, — уж это он заслужил.

— А потом пойдем в Общество защиты животных, и ты выберешь другую собаку. Может, на этот раз, возьмешь себе мальтийскую болонку? Они тоже очень милые.

Люси не могла прийти в себя. Она не знала, с какого вопроса начать. Почему его так долго не было? Что случилось с собакой? Что случилось с ним самим? Хочет ли он есть? Подумал ли он о том, как они волновались?

— Что там внизу? — спросила она наконец без дрожи в голосе.

— Ничего особенного.

— Ты знаешь, на кого ты похож? А собака... Можно подумать, что она угодила в электромясорубку. Что с ней произошло?

Джонатан провел грязной рукой по лбу.

— Нотариус был прав, там внизу полно крыс. Уарзазата разорвали бешеные крысы.

— А ты?

Он усмехнулся.

— Я малость покрупнее, они меня боятся.

— Это безумие! Что ты делал там восемь часов? Что там внизу, в этом проклятом подвале? — вспылила Люси.

— Я не знаю, что там внизу. Я до конца не дошел.

— Ты не дошел до конца!

— Нет, там очень-очень глубоко.

— За восемь часов ты не дошел до конца... нашего подвала!

— Нет. Я остановился, когда увидел собаку. Везде была кровь. Ты знаешь, Уарзазат дрался отчаянно. Невероятно, что такой малыш сумел так долго продержаться.

— Где ты остановился? На полдороги?

— Кто его знает? В любом случае дальше я идти не мог. Я тоже боялся. Ты ведь в курсе, что я не выношу темноту и насилие. Любой бы остановился на моем месте. Невозможно все время идти в

неизвестность. Ты представить себе не можешь, как там... Как там темно. Там смерть.

Когда он произнес эту фразу, левый угол его рта дернулся в мучительной гримасе. Люси никогда не видела своего мужа таким. Она поняла, что не стоит больше давить на него. Она обняла его за талию и поцеловала в холодные губы.

— Успокойся, все позади. Заколотим дверь и не будем больше об этом говорить.

Он отпрянул.

— Нет. Ничего не закончилось. Я остановился в опасной зоне. Насилие всегда пугает, даже если оно направлено против животных. Любой на моем месте поступил бы так же. Но я должен довести дело до конца, может быть, цель совсем близка...

— Ты что, хочешь туда вернуться?!

— Да. Эдмон там прошел, я тоже пройду.

— Эдмон? Твой дядя?

— Он что-то делал там внизу, я хочу знать, что именно.

Люси подавила стон.

— Пожалуйста, ради меня и Николя, не спускайся туда больше.

— У меня нет выбора.

Губы Джонатана снова дернулись.

— Я всегда все делал наполовину. Я всегда останавливался тогда, когда мой разум говорил мне, что я на волосок от краха. И посмотри, во что я превратился. В человека, который, конечно, ничего не потерял, но который ничего и не достиг. Поскольку я все время доходил до половины пути, я ни разу не проник в суть вещей. Я должен был остаться в слесарной мастерской, пусть бы на меня напали, пусть переломали бы все ребра. Это было бы крещением, я испытал бы насилие и научился бы с ним бороться. А вместо этого я, как страус, прятал голову в песок и остался большим младенцем.

— Ты бредишь.

— Нет, я не брежу. Нельзя вечно жить в коконе. С этим подвалом мне предоставляется уникальный случай сделать решительный шаг. Если я его не сделаю, я навсегда перестану себя уважать. Кстати, ведь ты сама толкнула меня на это, вспомни-ка.

Джонатан снял запачканную кровью рубашку.

— Не отговаривай меня, мое решение окончательное.

— Ну, хорошо, тогда я пойду с тобой! — заявила Люси, беря электрический фонарь.

— Нет, ты останешься здесь! Муж крепко схватил ее за руки.

— Пусти меня! Да что с тобой? Какая муха тебя укусила?

— Прости, но ты должна понять, подвал — это мое и только мое. Это мой прыжок, это мой путь. И никто не должен вмешиваться, слышишь меня?

Позади них Николя продолжал плакать над останками Уарзазата. Джонатан отпустил запястья Люси и подошел к своему сыну.

— Ну, возьми себя в руки, малыш!

— Я больше так не могу, Уарзи умер, а вы только и делаете, что ссоритесь.

Джонатан решил отвлечь его. Он взял спичечный коробок, вытащил из него шесть спичек и положил их на стол.

— Смотри, я загадаю тебе загадку. Из этих шести спичек нужно сложить четыре равнобедренных треугольника. Пораскинь-ка мозгами, тебе эта задачка по плечу.

Удивленный мальчик шмыгнул носом, слезы высохли. Он тут же начал раскладывать спички разными способами.

— Хочешь, дам тебе совет. Чтобы найти разгадку, нужно думать не так, как всегда. Если размышляешь как обычно, ничего не получается.

Николя сумел сделать три треугольника. Но не четыре. Он поднял свои большие голубые глаза, похлопал ресницами.

— А ты нашел разгадку, папа?

— Нет еще, но я чувствую, что недалек от решения.

Джонатан в мгновение ока успокоил своего сына, но не жену. Люси бросала на него гневные

взгляды. И вечером они спорили все так же яростно. Но Джонатан ничего не захотел рассказать о подвале и его тайнах.

На следующий день он встал рано и провел все утро, устанавливая у входа в подвал железную дверь с большим висячим замком. Единственный ключ он повесил себе на шею.

Спасение приходит неожиданно, в виде землетрясения.

Боковой толчок потрясает сначала стены. С потолков обрушивается шквал песка. Затем следует второй толчок, потом третий и четвертый... Глухие содрогания сменяют друг друга, учащаются, приближаются к странной троице. Слышится страшный непрерывный грохот. Все приходит в движение.

Разбуженный тряской молодой самец учащает биение сердца, атакует своих палачей двумя неожиданными ударами мандибул и удирает по вспоротому тоннелю. Перескакивая через трещины, он взмахивает своими еще зачаточными крыльями, чтобы ускорить бег и удлинить прыжки.

Усиливающиеся толчки заставляют его остановиться и, приникнув к земле, переждать песчаный ливень. Целые участки коридоров обрушиваются на нижние этажи. Мосты, арки и часовни рассыпаются, увлекая за собой в своем падении миллионы изумленных муравьев.

Запахи тревоги первой степени выделяются и распространяются. В течение первого этапа возбуждающие феромоны заполняют верхние галереи. Все, кто чувствует этот запах, немедленно начинают дрожать, пускаются в бегство и выделяют еще более отчаянные феромоны. Так безумие растет как снежный ком.

Облако тревоги распространяется, как туман, проникая во все вены пострадавшего участка, достигая главных артерий. Чуждый объект, попавший в тело Племени, провоцирует то, что тщетно пытался вызвать молодой самец: токсины боли. Мгновенно черная кровь, составленная из толп белоканцев, начинает течь быстрее. Население эвакуирует яйца, находящиеся неподалеку от травмированной зоны. Солдаты перестраиваются в боевые порядки.

Когда самец № 327 оказывается на просторном перекрестке, наполовину запруженном толпой и песком, толчки прекращаются. Наступает тревожная тишина. Все останавливаются, страшась последующих событий. Поднятые усики трепещут. Ожидание. Вдруг навязчивый стук ударов сменяется каким-то глухим рычанием. Все чувствуют, что наружный слой веток Города нарушен. Что-то огромное проникает в купол, разрушает стены, опускается сквозь крышу.

В самой середине перекрестка появляется розовое тонкое щупальце. Оно хлещет воздух и пол со страшной скоростью, стараясь атаковать как можно больше граждан. Так как солдаты бросаются на щупальце, вцепляясь в него мандибулами, на его конце образуется большая черная гроздь. Облепленный муравьями язык взмывает вверх и исчезает для того, чтобы отправить добычу в глотку. Затем появляется снова, еще более длинный, клейкий и молниеносный.

Объявляется тревога второй степени. Рабочие стучат окончанием брюшка по полу, чтобы поднять еще ничего не знающих о драме солдат с нижних этажей.

Весь Город гудит от звуков этого первобытного тамтама. Можно подумать, что «организм» Города прерывисто дышит: тук, тук, тук! Тук... тук... тук, — отвечает чужак, начавший стучать по куполу, чтобы углубиться еще дальше. Все прижимаются к стенам, пытаясь спрятаться от взбесившейся красной змеи, мечущейся по галереям. Если улов оказывается небогатым, язык просовывается глубже. Появляется клюв, за ним гигантская голова. Зеленый дятел! Бич весны... Эти прожорливые насекомоядные птицы проделывают в крышах муравьиных Городов скважины глубиной до шестидесяти сантиметров и пируют до отвала.

Время объявлять тревогу третьей степени. Некоторые рабочие, просто обезумев от перевозбуждения, не выражающегося в действиях, начинают исполнять пляску страха. Движения их крайне неритмичны: прыжки, щелканье мандибулами, плевки... Другие, в полной истерике, бегут по коридорам и кусают все, что шевелится. Извращенный результат страха: Город, не в силах уничтожить нападающий объект, начинает уничтожать себя сам.

Катаклизм локализовался на западном верхнем пятнадцатом этаже, но тревога третьей степени привела весь Город в боевую готовность. Рабочие спускаются в самые глубокие подземелья, чтобы спрятать от опасности яйца. Им навстречу идут тесные ряды солдат с поднятыми мандибулами.

За все то время, пока сменялись бесчисленные поколения, Муравьиный Город научился обороняться от таких неприятностей. Среди мечущейся толпы муравьи из касты артиллеристов строятся в отряды и определяют первоочередные задачи.

Они окружают самый уязвимый участок дятла: шею. Они становятся в позицию близкого огня. Их брюшки нацеливаются на птицу. Огонь! Изо всей силы своих сфинктеров они выстреливают струями сверхконцентрированной муравьиной кислоты.

У птицы возникает неожиданное и болезненное ощущение, будто ее шея затянута шарфом из булавок. Птица борется, хочет освободиться. Но она зашла слишком далеко. Ее крылья увязли в земле и веточках купола. Она снова атакует языком, пытаясь убить как можно больше крошечных противников.

Новый отряд солдат принимает эстафету. Огонь! Дятел дергается. Сейчас это уже не булавки, а иглы. Он нервно стучит клювом. Огонь! Кислота брызгает снова. Птица дрожит, ей уже трудно дышать. Огонь! Кислота разъедает нервные окончания. Птица в западне.

Стрельба прекращается. Отовсюду бегут солдаты с широкими мандибулами, они проникают в раны, оставленные кислотой. С другой стороны остатков купола на поверхность земли вырывается легион солдат, он находит хвост птицы и начинает буравить самый пахучий участок: анальное отверстие. Инженерные войска быстро расширяют проход и проникают во внутренности птицы.

Первому отряду удалось прорвать кожу на горле. Когда потекла красная кровь, выделение феромонов тревоги прекратилось. Битва выиграна. В горле проделано широкое отверстие, туда устремляются целые батальоны. В гортани птицы еще остались живые муравьи. Их спасают.

Потом солдаты проникают внутрь головы, ища ходы, которые им позволят достичь мозга. Один рабочий находит дорогу: сонная артерия. Надо еще определить нужную: ведущую от сердца к мозгу, а не наоборот. Вот она! Четыре солдата рассекают трубопровод и бросаются в красную жидкость.

Увлекаемые сердечным потоком, они скоро достигают середины полушарий мозга. Сейчас они примутся за серое вещество.

Зеленый дятел, обезумев от боли, перекатывается с боку на бок, но он ничего не может сделать с захватчиками, разъедающими его внутренности. Группа муравьев проникла в легкие и выделяет там кислоту. Птица заходится кашлем.

Целый армейский корпус проникает в пищевод, чтобы в пищеварительной системе осуществить стыковку со своими коллегами из анального отверстия, быстро поднимающимися по толстой кишке, разрушая по дороге все органы, до которых можно дотянуться мандибулами. Они копают живое мясо, как они обычно копают землю, берут последовательно приступом зоб, печень, сердце, селезенку и поджелудочную железу так, как они берут крепости.

Иногда несколько муравьев тонут в неожиданном потоке крови или лимфы. Но это случается только с неосторожными, не знающими, где и как нужно надрезать.

Остальные методично продвигаются вперед среди черной и красной плоти. Они умеют отпрянуть, чтобы их не раздавили спазмы. Они избегают участков, где находится желчь или желудочный сок.

В конце концов две армии воссоединяются на уровне почек. Птица все еще жива. Ее сердце, исполосованное мандибулами, продолжает посылать кровь по разрушенной системе труб.

Рабочие, не дожидаясь последнего вздоха жертвы, формируют цепочки, передающие из лапок в лапки куски еще трепещущего мяса. Ничто не может устоять перед маленькими хирургами. Когда они начинают распиливать части мозга, дятла сотрясает последняя конвульсия.

Весь Город сбегается, чтобы освежевать монстра. Коридоры кишат муравьями, прижимающими к себе кто перышко, кто пушинку в качестве сувенира.

Уже принялись за работу отряды каменщиков. Они будут реконструировать пострадавшие купол и коридоры.

Со стороны создается впечатление того, что муравейник ест птицу. Проглотив ее, он ее переваривает, распределяет ее плоть и жир, ее перья и кожу в те уголки, где они будут полезнее всего для Города.

Генезис: Как создавалась муравьиная цивилизация? Чтобы это понять, надо вернуться на

сотни миллионов лет назад, к тому моменту, когда на Земле начала зарождаться жизнь.

Насекомые появились одними из первых.

Они казались плохо приспособленными к окружающему миру. Маленькие, хрупкие, они были идеальной добычей для хищников. Чтобы выжить, некоторые из них, например саранча, выбрали путь размножения. Они откладывали так много яиц, что обязательно должны были пережить все.

Другие, например осы и пчелы, выбрали яд, передавая через поколения отравленные жала, делающие их устрашающими.

Третьи, например тараканы, выбрали несъедобность. Специальная железа придавала их плоти такой отвратительный вкус, что никто не хотел их есть.

Четвертые, например богомолы или ночные бабочки, выбрали маскировку. Похожие на травинки или кору, они были незаметными в негостеприимных природных условиях.

Однако в этих первобытных джунглях многие насекомые не нашли своей «уловки» и, казалось, были обречены на исчезновение.

К этим «пасынкам» прежде всего следует отнести термитов. Появившееся около ста пятидесяти миллионов лет назад на земной поверхности травоядное лесное племя не имело никаких шансов на выживание. Слишком много хищников вокруг, слишком мало дано природой, чтобы дать им отпор...

Что же стало с термитами?

Многие погибли, а выжившие оказались в таком тупике, что сумели вовремя найти оригинальное решение: «Не бороться больше поодиночке, создать группы солидарности. Нашим врагам будет труднее бороться с двадцатью термитами, оказывающими сопротивление, чем с одним, пытающимся спастись бегством». Так термиты встали на путь наивысшей сложности, название которому — социальная организация.

Эти насекомые стали жить маленькими ячейками, сначала семейными: сплотившись вокруг Матери-производительницы. Потом семьи стали деревнями, деревни разрослись и превратились в Города. Их Города из песка и цемента вскоре покрыли всю поверхность земного шара.

Термиты стали первыми разумными хозяевами нашей планеты и ее первым обществом.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самец № 327 больше не видит двух убийц с запахом скальных камней. Он действительно от них оторвался. Если немного повезет, их может завалить осыпь...

Но надо быть реалистом. До спасения ему еще далеко. У него больше нет никаких опознавательных запахов. Как только он встретит первого воина, его песенка будет спета. Его братья автоматически сочтут его чужеродным телом. Ему даже не дадут ничего объяснить. Выстрел кислотой или удар мандибулами без предупреждения, вот что ждет тех, кто не может выделить опознавательных запахов Федерации.

Это непостижимо. Как же так получилось? Все из-за этих проклятых воинов, как-то связанных с камнями скал. Что на них нашло? Они, наверное, сумасшедшие. Хотя и редко, но бывает, что ошибки в генетическом программировании влекут за собой психологические инциденты такого типа, что-то подобное тому, что случилось с муравьями, которые в истерике нападали на всех во время тревоги третьей степени. Но у этих двоих вид-то был не истерический и не дегенеративный. Казалось даже, что они прекрасно знают, что они делают. Можно даже подумать... Известна только одна ситуация, когда клетки сознательно разрушают другие клетки одного и того же организма. Кормилицы называют это раком. Можно подумать... это были клетки, пораженные раком.

Этот запах камней скалы в таком случае — запах болезни... Тогда снова надо объявлять тревогу. Теперь самец № 327 должен разгадать две тайны: секретное оружие карликов и раковые клетки в Бел-о-кане. А он не может ни с кем поговорить. Надо подумать. Может быть, в нем самом есть какие-то скрытые ресурсы... Надо что-то делать.

Он решил протереть усики. Смачивание (как странно лизать усики, не чувствуя характерного вкуса опознавательных феромонов), протирка, чистка щеткой локтевого сустава, сушка.

Что же делать, черт подери?

Для начала остаться в живых.

Только одно существо может вспомнить его инфракрасный образ, не нуждаясь в опознавательных запахах, это — Мать. Но запретный Город кишит солдатами. Но и другого выхода нет. В конце концов, разве не гласит старая поговорка Бел-о-кана: «Часто в самой гуще опасности ты находишь спасение».

— Эдмон Уэллс не оставил здесь доброй памяти о себе. Кстати, когда он уходил, никто его не уговаривал остаться.

Это сказал пожилой человек с приятным лицом, один из заместителей директора «Суитмилк корпорейшн».

— Но он, кажется, открыл новую пищевую бактерию, усиливающую аромат йогуртов...

— Это да, надо признать, что в химии у него были неожиданные, гениальные озарения. Но не постоянно, иногда.

— У вас с ним были неприятности?

— Честно говоря, нет. Скорее, можно сказать, что он не влился в команду. Он был в стороне. И хотя его бактерия принесла миллионы, я думаю, что никто здесь никогда по-настоящему его не ценил.

— Вы не могли бы выразиться яснее?

— Над командой стоит начальник. Эдмон не выносил начальников, кстати, и никакой другой формы иерархической власти тоже. Он всегда презирал руководителей, которые только «руководят, чтобы руководить, и ничего не производят», как он говорил. Но все мы вынуждены гнуть спину перед нашими начальниками. В этом нет ничего плохого. Так уж заведено. А он становился в позу. Я думаю, что нас, равных ему по положению, это раздражало даже больше, чем самих начальников.

— Почему он уволился?

— Он поссорился с одним из наших заместителей директора из-за одного дела, в котором, должен признать... он был совершенно прав. Этот заместитель директора рылся в его столе, и Эдмон вспылил. Когда он увидел, что все поддерживают его противника, то был вынужден уйти.

— Но вы только что сказали, что он был прав...

— Иногда выгодней трусливо принять сторону знакомого, хотя и неприятного человека, чем храбро защищать чужака, даже симпатичного. У Эдмона здесь друзей не было. Он не обедал с нами, не ходил пропустить стаканчик, он всегда, казалось, витал в облаках.

— А зачем вы признаетесь мне в вашей «трусости»? Вы могли бы мне этого не рассказывать.

— Видите ли... с тех пор, как он умер, я часто говорю себе, что мы все-таки вели себя неправильно. Вы его племянник, я вам все рассказал и немного облегчил душу...

В глубине узкого прохода можно различить деревянную крепость. Запретный Город. На самом деле, это корень сосны, вокруг которого возвели купол. Корень — сердце и становой хребет Бел-о-кана. Сердце, так как там находятся королевский дворец и бесценный запас продуктов. Становой хребет, так как он позволяет Городу противостоять дождям и бурям.

Если присмотреться, видно, что стены запретного Города инкрустированы сложными узорами, подобными варварским письменам. Эти коридоры проделаны первыми обитателями корня — термитами.

Когда пять тысяч лет назад Бело-киу-киуни-основательница приземлилась в этих шестах, она сразу на них натолкнулась. Война длилась долго, около тысячи лет, но белоканцы в конце концов победили. И обнаружили Город «из твердого материала», с деревянными, никогда не обрушивающимися коридорами. Они пришли в восторг. Этот корень сосны открыл перед ними новые градостроительные и архитектурные перспективы. Сверху — приподнятая, плоская плита, внизу — корни, уходящие в глубь земли. Это было ну просто идеально. Однако рыжих муравьев наплодилось столько, что корень уже не мог их вместить. Тогда стали рыть подземелья ниже корней. И натащили веток на обезглавленное дерево, чтобы расширить вершину.

Теперь запретный Город почти безлюден. Все, кроме Матери и ее отборных телохранителей, живут на окраинах.

№ 327 приближается к корню осторожными, неровными шагами. Равномерное подрагивание

говорит о том, что кто-то идет, а неритмичные звуки могут быть приняты за шуршание осыпающегося песка. Ему остается только надеяться, что он не встретит ни одного солдата. Он начинает ползти. Он всего в двух сотнях голов от запретного Города. Он уже различает десятки проходов в корне, точнее, головы муравьев-привратников, закрывающих эти проходы.

В результате неизвестных генетических извращений у привратников широкие головы, круглые и плоские, что делает их похожими на большой гвоздь, в точности повторяющий формой шляпки окружность отверстия, которое они должны охранять.

Эти живые двери уже доказали свою эффективность. Семьсот восемьдесят лет назад во время войны Земляничных Кустов Город был завоеван желтыми муравьями. Все оставшиеся в живых белоканцы укрылись в запретном Городе, и муравьи-привратники, пятясь, герметично закрыли все входы.

Желтым муравьям понадобилось два дня, чтобы вскрыть эти замки. Привратники не только закрывали доступ в Город, они еще и сражались своими длинными мандибулами. У каждого входа один-единственный привратник удерживал сотню желтых муравьев. В конце концов враги прогрызли хитин на головах привратников и ворвались в Город. Но герои погибли не зря. Другие Федеральные Города получили время, чтобы собрать подкрепление, и через несколько часов Город был освобожден.

Самец № 327, конечно, не собирается в одиночку бороться с привратником. Он рассчитывает воспользоваться моментом, когда двери откроют, например, для того, чтобы выпустить кормилицу с материнскими яйцами. Тогда можно будет проскочить, пока двери еще не закрылись.

Вот как раз голова зашевелилась, она открывает проход... патрулю. Ничего не получилось, бесполезно и пытаться, патруль тут же вернется и убьет его.

Голова привратника снова двигается. № 327 пригибает лапки, готовый прыгнуть. Но нет! Ложная тревога, привратник просто поменял позу. Наверное, тело у него ужасно затекает оттого, что шея все время прижата к деревянному ошейнику.

Ну, была не была, № 327 не может больше ждать. Он бросается на препятствие. Как только он оказывается на расстоянии действия усиков, привратник обнаруживает отсутствие опознавательных феромонов. Он немного отступает, чтобы получше закрыть отверстие, потом выделяет молекулы тревоги.

«Чужеродное тело в запретном Городе! Чужеродное тело в запретном Городе!» — повторяет он, как сирена.

Привратник вращает клешнями, чтобы устрашить незваного гостя. Он бы прошел вперед, чтобы уничтожить его, но приказ неумолим: прежде всего закрывать вход!

Надо торопиться. У самца есть преимущество: в отличие от своего противника он видит в темноте. № 327 бросается вперед, уворачивается от разыгравшихся, но двигающихся вслепую мандибул и проскакивает дальше, чтобы дотянуться до основания клешней. Он отрубает их одну за другой. Течет прозрачная кровь. Две безобидные культи продолжают двигаться.

Но № 327 по-прежнему не может пройти вперед, труп противника закрывает проход. Застывшие лапки продолжают рефлекторно упираться в дерево. Что делать? № 327 упирается брюшком привратнику в лоб и напирает. Тело трепещет, хитин, разъеденный муравьиной кислотой, начинает плавиться, испуская серый дым. Но голова слишком велика. № 327 вынужден проделать то же самое четыре раза, прежде чем расчищает себе путь по уже плоскому черепу.

Он может пройти. С другой стороны он обнаруживает атрофированные торакс и брюшко. Муравей был только дверью, и ничем другим.

Конкуренты: Когда пятьдесят миллионов лет спустя появились первые муравьи, им пришлось нелегко. Дальние потомки тифииды — дикой осы-одиночки, муравьи не обладали ни большими мандибулами, ни жалами. Они были маленькими и тщедушными, но сообразительными, и быстро поняли, что им следует брать пример с термитов. Им надо было объединяться.

Они создали свои Деревни, построили свои примитивные Города. Увидев, что у них появились соперники, термиты сразу забеспокоились. Они считали, что на Земле есть место только для одного вида общественных насекомых.

Войны отныне стали неизбежны. Во всем мире, на островах, на деревьях и на горах, армии

термитов сражались с юными армиями муравьев.

Такого в животном мире еще не бывало: миллионы мандибул схлестнулись не за съедобную добычу, а за «политическую» цель!

Поначалу более опытные термиты выигрывали все сражения, но потом муравьи многому научились. Они копировали оружие термитов и изобретали новое. Мировые термито-муравьиные войны охватили планету и длились от тридцати до пятидесяти миллионов лет. Со временем муравьи стали стрелять муравьиной кислотой, и вот тогда в военных действиях наступил коренной перелом.

В наши дни эти войны еще продолжаются, но термиты теперь побеждают редко.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

— Так значит, вы познакомились с ним в Африке?

— Да, — ответил профессор. — У Эдмона было горе, кажется, жена умерла. И он с головой ушел в изучение насекомых.

— Почему насекомых?

— А почему нет? Насекомые с давних пор притягивают людей. Наши самые отдаленные предки боялись комаров, переносили лихорадку, блох, которые вызывали зуд, пауков, которые кусались, жуков-долгоносиков, пожиравших их продуктовые запасы. Это осталось в крови.

Джонатан находился в Фонтенбло, в Национальном центре научных исследований по энтомологии и беседовал с профессором Розенфельдом, красивым стариком с длинными волосами, стянутыми на затылке в косичку.

— Насекомые загадочны. Они меньше и слабее нас, но они нас не боятся, а иногда даже и нападают на нас. Кстати, если вдуматься, все мы находим последнее пристанище в желудке насекомых. Потому что нашими останками лакомятся личинки мясной мухи...

— Я как-то об этом не думал.

— Насекомые долго считались воплощением зла. Не случайно Вельзевул, например, один из приспешников Сатаны, изображается с головой мухи.

— У муравьев репутация лучше, чем у мух.

— Смотря где. Разные культуры относятся к ним по-разному. В Талмуде они — символ честности. В тибетском буддизме они символизируют тщету и суету земных трудов. Африканцы из племени бауле, это Берег Слоновой Кости, верят, что если беременную женщину укусит муравей, то ребенок родится с муравьиной головой. А некоторые полинезийцы, наоборот, считают их маленькими божествами.

— Эдмон раньше работал с бактериями, почему же он их забросил?

— Бактерии не внушали ему и тысячной доли той страсти, которую он испытывал к насекомым, особенно к муравьям. Они были для него всем. Он требовал от властей запретить игрушечные муравейники, такие пластиковые аквариумы с королевой и шестьюстами муравьями, они продавались на каждом углу. Еще он предлагал разводить рыжих муравьев как санитаров леса, чтобы они уничтожали паразитов. Неплохо придумано, скажу я вам. В прошлом муравьев уже использовали для борьбы с походным шелкопрядом, пожиравшим сосны в Италии, и против паутинных пилильщиков, уничтожавших еловые леса в Польше.

— То есть смысл в том, чтобы натравить одних насекомых на других?

— Как вам сказать... Эдмон называл это «вмешательством в их дипломатию». В прошлом веке мы наломали столько дров с ядохимикатами. Нельзя атаковать насекомое в лоб. Тем более нельзя его недооценивать и пытаться подчинить себе, как это сделали с млекопитающими. У насекомых другая философия, другое временное пространство, другие размеры. У насекомых, например, есть панацея от всех ядохимикатов — иммунитет. Вы знаете, почему до сих пор не удается побороть саранчу? Она, мерзавка, ко всему приспосабливается. Попробуйте травить ее инсектицидами — девяносто девять процентов погибнет, но один процент выживет. И этот один процент не только будет обладать иммунитетом, он еще и произведет на свет потомство с «прививкой» против этой химии. Двести лет назад мы дали маху: стали без конца увеличивать токсичность ядохимикатов. Да настолько, что убили

больше людей, чем насекомых. И вывели сверхстойкую породу саранчи, способную поглощать самый страшный яд без малейшего для себя вреда.

— Вы хотите сказать, что действенного средства борьбы с насекомыми не существует?

— Судите сами. И комары, и саранча, и жуки долгоносики, и мухи це-це живут по-прежнему, и муравьи — тоже. Они противостоят всему. В 1945 году заметили, что только муравьи и скорпионы пережили ядерный взрыв. Даже к этому приспособились!

Самец № 327 пролил кровь клетки Племени. Он совершил самое страшное насилие против своего собственного организма. Ему горько. Но разве был у него, гормона информации, другой способ выжить, чтобы выполнить свою миссию?

Он убил потому, что его пытались убить. Это цепная реакция. Как рак. Если Племя ведет себя по отношению к нему ненормально, он вынужден отвечать тем же. И он должен привыкнуть к этой мысли.

Он убил братскую клетку. Быть может, он убьет еще.

— Но зачем он уехал в Африку? Муравьи-то, вы сами говорите, есть везде.

— Конечно, но они разные... Я думаю, что после смерти жены Эдмон уже ничем не дорожил, сейчас я даже спрашиваю себя, не хотел ли он, чтобы муравьи помогли ему покончить жизнь самоубийством.

— Как это?

— А так, что они его чуть не сожрали, вот как! Африканские муравьи магнаны... Вы видели фильм «Когда Марабунта гневается»?

Джонатан отрицательно покачал головой.

— Марабунта — это лавина черных бродячих муравьев магнанов, по-научному annoma nigricans, которые движутся по равнине, уничтожая все на своем пути.

Профессор Розенфельд встал, словно для того, чтобы противостоять невидимой волне.

— Сначала слышен сильный шум: крики, писк, крылья хлопают, зверюшки улепетывают, лапками шуршат. Магнанов еще не видно. Потом из-за пригорка возникает несколько воинов. А за разведчиками вскоре появляются и остальные, бесконечными, насколько хватает взгляда, колоннами. Холм становится черным. Это как поток лавы, расплавляющей все, к чему она прикасается.

Профессор, жестикулируя, ходил взад-вперед, поглощенный своим рассказом.

— Это ядовитая кровь Африки. Живая кислота. Количество их устрашает. Колония магнатов ежедневно, кладет в среднем полмиллиона яиц. Можно заполнять целые ведра... Ну и этот поток серной кислоты течет, поднимается на склоны и деревья. Ничто его не останавливает. Птицы, ящерицы, насекомоядные млекопитающие, что на свою беду приблизились к нему, немедленно превращаются в мелкое крошево.

Апокалиптическое зрелище! Магнаны не боятся никого. Однажды я видел, как не в меру любопытная кошка в мгновение ока буквально растворилась в них. Они даже через ручьи переправляются, делая плавучие мосты из собственных трупов!.. На Берегу Слоновой Кости, в районах, соседствующих с центром по изучению экологии в Ламто, где мы наблюдали за этими муравьями, местные племена до сих пор не придумали, как с ними бороться. Когда объявляют о том, что крошечные Аттилы пройдут через деревню, люди спасаются бегством, прихватив с собой все самое ценное. Они ставят ножки столов и стульев в ведра с уксусом, уходят и молятся своим богам. Когда они возвращаются, всю их деревню как корова языком слизнула. Не остается ни крошки съестного, ни кусочка какой-либо органической субстанции. И конечно, никаких насекомых-паразитов. Так что если нужно вычислить хижину снизу доверху, лучше магнанов средства не найти.

— А как же вы их изучали, если они такие свирепые?

— Ждали полуденной жары. У насекомых нет системы регуляции температуры, как у нас.

Когда на улице плюс восемнадцать, температура их тела тоже восемнадцать градусов. Когда наступает жара, их кровь закипает. Вытерпеть этого они не могут. Поэтому с первыми палящими лучами они выкапывают себе гнездо-бивак и ждут в нем щадящей температуры. Это как мини-спячка, только муравьев в нее вгоняет не холод, а жара.

— Ну и что же дальше?

Джонатан не умел вести диалог. Он считал, что дискуссия — это сообщающиеся сосуды. Один собеседник что-то знает, — это наполненный сосуд, другой этого не знает — пустой сосуд. Как правило, пустым сосудом бывал он сам, Джонатан. Тот, кто не знает, должен навострить уши и время от времени подогревать пыл собеседника восклицаниями типа «ну а дальше?», «расскажите мне об этом», а также своевременными покачиваниями головой.

Если другие способы общения и существуют, то Джонатан о них не знал. Кстати, наблюдая за своими современниками, он пришел к выводу, что те вели не диалог, а параллельные монологи. Каждый пытался использовать другого просто в качестве бесплатного психоаналитика. Ну а раз так, то Джонатан предпочитал действовать по-своему. Может быть, он производил впечатление невежды, но по крайней мере он все время что-то узнавал. Разве не гласит китайская поговорка: «Тот, кто задает вопрос, глупец в течение пяти минут, тот, кто его не задает, глупец всю свою жизнь»?

— Что дальше? Ну и пошли мы туда, вот что дальше. Поверьте мне, это было нечто. Мы хотели найти их королеву, пропади она пропадом. Знаменитую жирную дурынду, которая откладывает пятьсот тысяч яиц в день. Мы хотели просто посмотреть на нее и сфотографировать. Все надели толстые болотные сапоги. Эдмону не повезло, у него был сорок третий размер ноги, а сапоги ему достались сорокового размера. И он пошел в кроссовках... Я помню все так, как будто это было вчера. В половине первого мы нарисовали на земле предполагаемые очертания гнезда-бивака и начали рыть вокруг него траншею глубиной в метр. В половине второго мы достигли внутренних помещений. И оттуда полилось что-то вроде черной, потрескивающей жидкости. Тысячи взбудораженных солдат щелкали мандибулами. У этого вида муравьев они острые, как лезвие бритвы. Муравьи забирались нам в сапоги, а мы, при помощи лопаты и кирки, продолжали продвигаться к «брачному чертогу». В конце концов, мы нашли свое сокровище. Королеву. Насекомое, размерами раз в десять больше наших европейских королев. Мы сфотографировали ее во всех ракурсах, пока она, наверное, вопила «Боже, храни Королеву» на своем пахучем языке... Результаты не заставили себя ждать. Отовсюду сбежались воины и сплелись в клубки на наших ногах. Некоторые прыгали вверх, опираясь на своих собратьев, уже вгрызшихся в каучук. Оттуда они ползли под брюки, потом под рубашки. Мы все превратились в Гулливеров, но наши лилипуты мечтали только о том, чтобы искромсать нас в салат и съесть! Надо было особенно внимательно следить за тем, чтобы они не проникли ни в одно естественное отверстие: ни в нос, ни в рот, ни в уши, ни в задний проход. Иначе пиши пропало, они прогрызутся внутрь!

Потрясенный, Джонатан молча слушал. А профессор как будто помолодел и с юношеской энергией переживал заново свои приключения, сопровождая рассказ мимикой.

— Мы изо всех сил отряхивались, чтобы прогнать муравьев. Их привлекало наше дыхание и наш пот.

Мы все делали упражнения гимнастики йогов, чтобы медленнее дышать и контролировать наш страх. Старались не думать, забыть об этих гроздьях воинов, которые хотели нас убить. И мы отсняли две пленки фотографий, некоторые со вспышкой. Когда мы закончили, то все побежали из траншеи. Все, кроме Эдмона. Муравьи покрыли его всего, с головой, они уже почти съели его. Мы вытащили его за руки, раздели и с помощью мачете соскоблили все челюсти и головы, вросшие в него. Мы поплатились все, но не так, как он. Он же был без сапог. И еще он запаниковал, у него выделились феромоны страха.

— Это ужасно.

— Нет, это прекрасно, если остаешься в живых. Это, кстати, не отвратило Эдмона от муравьев. Наоборот, он стал их изучать с еще большим рвением.

— А потом?

— Он вернулся в Париж. С тех пор я больше ничего о нем не слышал. Думал, вот ведь свинья, даже ни разу не позвонил старине Розенфельду. Потом я прочел в газете, что он умер. Что ж, пусть земля ему будет пухом.

Профессор подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел на старый жестяной эмалированный термометр.

— М-да-а, тридцать градусов — это в апреле-то! С каждым годом все жарче и жарче. Если и

дальше так пойдет, через десять лет Франция превратится в тропики.

— Неужели все так серьезно?

— Мы не отдаем себе в этом отчета, потому что все происходит постепенно. Но энтомологи замечают мелкие детали: в парижском бассейне появляются виды насекомых, типичные для экваториальных регионов. Вы не обратили внимания на то, что бабочки становятся все пестрее?

— Действительно, я только вчера видел одну, светящуюся, черно-красную, она сидела на машине...

— Несомненно, это была пестрянка с пятью пятнами. Это ядовитая бабочка, которая до сих пор встречалась только на Мадагаскаре. Если так пойдет дальше... Вы представляете себе магнанов в Париже? То-то будет переполох. Забавно было бы посмотреть...

Почистив усики и съев несколько теплых кусков «взломанного» привратника, самец без запахов трусит по деревянным коридорам. Недалеко уже материнская ложа, он чувствует ее. Температура, к счастью, двадцать пять градусов тепла, при такой погоде в запретном Городе народу немного. Можно будет проскочить незаметно.

Вдруг он чувствует запах двух воинов, идущих ему навстречу. Большой и маленький. У маленького не хватает лапок...

Они одновременно на расстоянии втягивают запахи друг друга.

Невероятно, но это он!

Невероятно, но это они!

№ 327 удирает со всех ног, в надежде оторваться. Он заворачивает и заворачивает в трехмерном лабиринте. Он покидает запретный Город. Привратники его не задерживают, они запрограммированы на фильтрацию входящих внутрь. Теперь его лапки топчут мягкую землю. Он делает вираж за виражом.

Но двое его преследователей тоже бегут быстро и не отстают. Тут самец толкает рабочего с травинкой, и тот падает на землю. № 327 делает это нечаянно, но убийцы с запахом скальных камней задержаны.

Нужно воспользоваться этой отсрочкой. Самец быстро прячется в углублении в стене.

Хромой приближается. № 327 вжимается в свое укрытие.

— Куда он делся?

— Он снова спустился.

— Как это снова спустился?

Люси взяла Огюсту за руку и проводила ее к двери в подвал.

— Он там со вчерашнего вечера.

— И еще не поднялся?

— Нет. Не знаю, что он там внизу делает, но он категорически запретил мне звать спасателей... Он уже много раз спускался и поднимался.

Огюста вытаращила глаза.

— Но это немыслимо! Его дядя, между прочим, строго-настрого запретил ему...

— Он спускается туда теперь с кучей инструментов, со стальными деталями, с большими бетонными плитами. А что уж он там сооружает...

Люси обхватила голову руками. Она дошла до предела, она чувствовала, что снова впадет в депрессию.

— А нельзя за ним спуститься?

— Нет. Он поставил замок и запирает на него дверь изнутри.

Огюста не нашлась что ответить.

— Ну, ладно, ладно. Могла ли я вообразить, что воспоминания об Эдмоне наделают столько дел...

Специализация: В современных больших муравьиных Городах длящееся миллионы лет распределение обязанностей спровоцировало генетические изменения.

Так, некоторые муравьи рождаются с огромными мандибулами-ножницами, чтобы стать солдатами, другие снабжены, мандибулами-дробилками, чтобы перемалывать зерна в муку, третьи имеют сверхразвитые слюнные железы, чтобы смачивать и дезинфицировать молодые личинки.

Как если бы среди нас солдаты рождались с пальцами в виде ножей, крестьяне — с ногами в форме клещей, чтобы залезать на деревья и собирать фрукты, кормилицы — с десятком молочных желез.

Но из всех «профессиональных» изменений самое потрясающее — это изменения для любви.

Для того чтобы массы рабочих не отвлекались на эротические волнения, они рождаются бесполыми. Вся репродуктивная энергия заключена в специалистах: самцы и самки, принцы и принцессы этой параллельной цивилизации.

Они рождены и экипированы только для любви. У них есть множество игрушек, помогающих им при совокуплении. Начиная с крыльев и заканчивая инфракрасными глазками, а также приемно-передаточными усиками для выражения абстрактных чувств.

Эдмон Уэллсэ

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Его укрытие — не тупик, оно ведет в маленький грот. № 327 прячется в нем. Воины с запахом скальных камней проходят мимо, не обнаружив его. Вот только грот не пустой. В нем есть кто-то теплый и пахучий. И этот кто-то выделяет вопрос.

Кто вы?

Обонятельное послание было ясным, четким, повелительным. Своими инфракрасными глазками № 327 видит большое существо, которое говорит с ним. Существо весит, должно быть, как минимум девяносто песчинок. Но это не солдат. Это кто-то, кого он никогда еще не обонял, никогда не видел.

Это самка.

И какая самка! Какое-то время № 327 изучает ее. Ее хрупкие лапки с идеальными изгибами украшены крошечными волосками, очаровательно клейкими от половых гормонов. Ее мощные усики трепещут от сильных запахов. Ее глаза с красным отливом похожи на две ягоды черники. У нее массивное, гладкое брюшко обтекаемой формы. Широкий щит торакса увенчан пленительно зернистым мезотонумом. И наконец, длинные крылья, в два раза больше, чем у него самого.

Самка раздвигает свои прелестные маленькие мандибулы и... бросается ему на грудь, чтобы обезглавить его.

Ему трудно дышать, он задыхается. Так как у него нет опознавательных запахов, самка не собирается ослаблять хватку. Это чужеродное тело, которое надо уничтожить.

Пользуясь своим маленьким ростом, № 327 все-таки кое-как высвобождается. Он прыгает самке на плечи и сжимает ей голову. Колесо совершило оборот. И каждый получает свою долю неприятностей. Самка пытается освободиться.

Когда она слабеет, № 327 выставляет вперед свои усики. Он не хочет убивать самку, он просит всего лишь выслушать его. Положение у него сложное. Он хочет совершить с ней АС. Да, абсолютную связь.

Самка (он определяет номер ее кладки, № 56) отклоняет усики, избегая контакта. Потом она выгибается, чтобы высвободиться. Но он крепко врос в ее мезотонум и усиливает давление мандибул. Если так пойдет дальше, он вырвет голову самки, как сорняк. Она не двигается. Он тоже.

Своими глазками с полем обозрения в 180 градусов самка прекрасно видит агрессора, устроившегося на ее тораксе. Он совсем маленький.

Самец!

Она вспоминает уроки кормилиц:

Самцы — неполноценные существа. В отличие от всех остальных клеток Города, они снабжены только половиной хромосом вида. Они выводятся из неоплодотворенных яиц. То есть это просто большие зародышевые клетки, или, скорее, большие сперматозоиды, живущие на свободе.

У нее на спине сидит сперматозоид, который вот-вот ее задушит. Эта мысль ее почти смешит. Почему некоторые яйца оплодотворены, а другие — нет? Вероятно, это зависит от температуры. Когда температура воздуха ниже двадцати градусов, сперматека не может активизироваться, и Мать

несет неоплодотворенные яйца. Значит, самцы — дети холода. Как смерть.

Она в первый раз видит одного из них в плоти и хитине. Что он может здесь делать, в гинецее девственниц? Это запретная территория, предназначенная для женских половых клеток. Если любая инородная клетка может вот так просто проникнуть в их хрупкое святилище, значит, дверь распахнута для любой инфекции!

Самец № 327 снова пытается наладить общение усиками. Но самка не дает ему этого сделать. Когда он расставляет усики, она пригибает их к голове, когда он касается второго сегмента, она отводит усики назад. Она не хочет.

Он усиливает давление челюстей, ему удается произвести контакт седьмого сегмента его усиков с ее седьмым сегментом. Самка № 56 ни с кем так не общалась. Ее учили избегать непосредственных контактов и только выделять и улавливать запахи в воздухе. Но она знает, что эфирный способ общения обманчив. Мать однажды выделила феромон на этот счет.

Между двумя сознаниями всегда будут стоять недопонимание и ложь: из-за того, что существуют запахи-паразиты, сквозняки, из-за несовершенства восприятия и выделения.

Единственный способ избежать этих помех — абсолютная связь. Прямой контакт усиков. Непосредственный переход информации с нейромедиаторов одного мозга на нейромедиаторы другого.

Для нее это просто дефлорация ее сознания. Во всяком случае, что-то трудное и неизвестное.

Но выбора у нее нет, если самец будет и дальше так же стискивать ее голову, он ее убьет. Она опускает лобовые стебельки на плечи в знак покорности.

АС можно начинать. Их усики приближаются друг к другу. Небольшой электрический разряд. Это от нервозности. Сначала медленно, потом все быстрее, двое насекомых ласкают друг другу зубчатые сегменты. Понемногу начинает пузыриться полная смутных чувств пена. Эта жирная субстанция смазывает усики и позволяет ускорить ритм их трения. Головы насекомых некоторое время подрагивают не в такт, после чего стебельки усиков прекращают свой танец и прилипают друг к другу по всей длине. Перед нами единое существо с двумя головами, двумя телами и одной парой усиков.

Чудо природы происходит. Феромоны перемещаются из одного тела в другое через тысячи крохотных пор и капилляров их сегментов. Два сознания сливаются. Мысли не нужно больше кодировать и расшифровывать. Они передаются в своей первоначальной простоте: образы, музыка, чувства, запахи.

На этом совершенно прямом языке самец № 327 рассказывает самке № 56 о своих приключениях: о гибели экспедиции, об обонятельных следах солдат-карликов, о встрече с Матерью, о том, как его пытались уничтожить, о потере опознавательных запахов, о борьбе с привратником, о пахнущих скальными камнями, что до сих пор преследуют его.

АС закончена, самка убирает усики назад в знак ее добрых намерений. № 327 спускается с ее спины. Теперь он в ее власти, она может легко устранить его. Самка приближается, ее мандибулы широко раздвинуты... она дарит ему несколько своих опознавательных феромонов. С ними № 327 на какое-то время спасен. Самка № 56 предлагает ему трофаллаксию, он соглашается. Потом она немного жужжит своими крыльями, чтобы уничтожить все запахи их разговора.

Ну вот, он сумел кого-то убедить. Информация передана, понята, принята другой клеткой. Он создал свою рабочую группу.

Время: Понятие о течении времени у людей и муравьев совершенно разное. Для людей время абсолютно. Периодичность и длина секунд одинаковы, что бы ни происходило.

У муравьев, напротив, время относительно. В жаркую погоду секунды становятся совсем короткими. В холод они скручиваются и удлиняются до бесконечности, вплоть до потери уснувшего сознания.

Это эластичное время дает им отличное от нашего понятие о скорости происходящего. Чтобы определить событие, насекомые используют не только пространство и время, они добавляют третье измерение: температуру.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Отныне они вдвоем озабочены тем, как, пока еще не поздно, убедить максимум собратьев в серьезности дела «О секретном разрушительном оружии». Но они должны учитывать два обстоятельства. С одной стороны, вдвоем им не удастся обратить в свою веру достаточное число рабочих до праздника Возрождения, отнимающего столько энергии. Им нужен третий сообщник. С другой стороны, нужно иметь в виду, что воины с запахом скальных камней могут появиться снова. Так что нужна конспиративная квартира.

№ 56 предлагает свое помещение. Она прорыла в нем тайный проход, который позволит им в случае чего спастись бегством. № 327 не очень удивлен, сейчас модно делать тайные ходы. Началось это сто лет назад, во время войны с муравьями-харкунами клея. Королева Федерального Города, Ха-иекте-дуни, поощряла форменный психоз усилением мер безопасности. Она построила себе «бронированный» запретный Город. Стены были укреплены большими камнями, склеенными между собой цементом термитов.

И все бы хорошо, да только в этом убежище был всего лишь один выход, Поэтому, когда Город окружили полчища муравьев-харкунов клея, королева оказалась заперта в собственном дворце. Харкуны безо всякого труда взяли ее в плен и утопили в отвратительном, мгновенно засыхающем клее. За королеву Ха-иекте-дуни немедленно отомстили, Город освободили, но ее ужасная и нелепая смерть надолго потрясла умы белоканцев.

И, поскольку у муравьев есть чудесная возможность изменять ударом мандибулы форму своего жилища, каждый начал копать свой секретный коридор. Если один муравей сделал себе секретный проход в норке, это еще ничего, но когда проходов миллион, то это уже катастрофа. «Официальные» коридоры обрушивались, потому что их со всех сторон подрывали «частными» коридорчиками. Выходишь в свой секретный выход и оказываешься в настоящем лабиринте из «чужих» секретных коридоров. Дело дошло до того, что целые кварталы стали рассыпаться, ставя под угрозу само будущее Бел-о-кана. И тогда Мать наложила запрет. Больше никто не имел права копать лично для себя. Но как проверить все жилища?

№ 56 отодвигает несколько камней и открывает темное отверстие. Это там. № 327 осматривает укрытие и находит его великолепным. Остается найти третьего сообщника. Они выходят, тщательно заделывают дверь. Самка № 56 выделяет:

Подойдет первый попавшийся. Предоставь это мне.

И вскоре они видят большого бесполого солдата, волокущего кусок бабочки. Самка на расстоянии обращается к нему с эмоциональным посланием, в котором говорится о большой опасности для Племени. Она использует язык чувств с такой изысканной виртуозностью, что самец изумляется. Солдат немедленно оставляет свою добычу и начинает беседу.

Большая опасность для Племени? Где, от кого, как, почему?

Самка кратко обрисовывает ему катастрофу, постигшую первую весеннюю экспедицию. Ее манера выражаться полна чудесных ароматов. Уже сейчас в ней есть обаяние и авторитет королевы. Воин быстро переходит на их сторону.

Когда мы выступаем? Сколько нужно солдат, чтобы атаковать карликов?

Он представляется. Это бесполый муравей № 103683 летней кладки. Большой блестящий череп, длинные мандибулы, глаз почти не видно, лапки короткие. Это сильный союзник, к тому же еще и энтузиаст от рождения. Самка № 56 должна даже немного

охладить его пыл.

Она объявляет ему, что в самом Племени есть шпионы, может быть, наемники, продавшиеся карликам. Они мешают белоканцам выяснить тайну секретного оружия.

Их легко узнать по характерному запаху скальных камней. Действовать надо быстро. Вы можете рассчитывать на меня.

Они распределяют зоны влияния. № 327 отправится попытаться убедить кормилиц солярия. Они в основном достаточно наивны.

№ 103683 соберет солдат. Если он сумеет собрать легион, это будет великолепно.

Я могу также расспросить разведчиков, собрать другие сведения о секретном оружии карликов.

Что же касается № 56, то она пойдет в грибницы и хлева, в поисках стратегической поддержки.

Встреча здесь же в 23 градуса тепла.

На этот раз по телевизору показывали передачу «Культуры мира», репортаж о традициях Японии:

«Японцы, островной народ, в течение веков привыкли жить в изоляции. Мир для них разделен надвое: японцы и все остальные, иностранцы с необъяснимыми обычаями, варвары, именуемые гайдзинами. У японцев всегда было очень обостренное национальное чувство. Например, если японец уезжает жить в Европу, он автоматически исключается из группы. Если он возвращается всего год спустя, то его родители, его семья не признают его больше своим. Жить среди гайдзинов — значит проникнуться «чужим» духом, самому стать гайдзином. Даже друзья детства будут обращаться с ним, как с туристом».

На экране проплывали храмы и священные места Шинто. Бесстрастный голос продолжал:

«Их понятия о жизни и смерти отличаются от наших. Для них смерть человека не имеет особого значения. Они тревожатся только тогда, когда исчезает производящая ячейка. Чтобы привыкнуть к мысли о смерти, японцы создали культ борьбы. Даже малышей-первоклашек обучают в школе восточным единоборствам».

Два воина в одежде древних самураев возникли в центре экрана. Их торсы были закрыты черными выпуклыми щитами, головы увенчаны овальными касками, с двумя длинными перьями возле ушей. Испустив воинственный клич, воины бросились друг к другу и стали сражаться на длинных саблях.

Новый кадр: человек, сидящий на корточках, держит двумя руками короткий меч и упирается им себе в живот.

«Ритуальное самоубийство, "сеппуку", также является одной из особенностей японской культуры. Нам, конечно, трудно понять...»

— Телевизор, все время телевизор! Он отупляет! Он забивает наши головы одинаковыми картинками. И показывают они к тому же какой-то бред. Вам еще не надоело? — воскликнул Джонатан, вернувшийся несколько часов назад.

— Оставь. Это его успокаивает. После смерти собаки ему приходится несладко... — механически сказала Люси.

Джонатан взял сына за подбородок.

— Ну что, толстяк, плохи дела.

— Тихо, не мешай.

— Ух ты! Как он стал с нами разговаривать!

— Не с нами, а с тобой, — уточнила Люси. — Ты не больно-то часто его видишь, вот и не удивляйся, что он с тобой холодноват.

— Эй, Николя, а ты сделал четыре треугольника из спичек?

— Нет, это мне не катит. Я телик смотрю.

— Ну, если это тебе не катит...

Джонатан с решительным видом начал манипулировать валявшимися на столе спичками.

— Обидно. Это... развивает.

Николя не слышал, все его мысли заняты передачей о Японии. Джонатан вышел из его комнаты.

— Что ты делаешь? — спросила Люси.

— Ты же видишь, я собираюсь. Я возвращаюсь туда.

— Что? О нет!

— У меня нет выбора.

— Джонатан, теперь скажи мне, что там внизу тебя так приворожило? Я ведь, в конце концов, твоя жена.

Джонатан ничего не ответил. Глаза его бегали, губы по-прежнему дергались в некрасивой гримасе. Устав с ним бороться, Люси вздохнула:

— Ты убил крыс?

— Когда я там, они держатся на расстоянии. А иначе я достану вот это.

Джонатан потряс большим кухонным ножом, который до этого долго затачивал. Взяв в другую руку галогенный фонарь, он направился к двери в подвал. За спиной у него был рюкзак с большим запасом провизии и его инструментами слесаря-взломщика. Едва слышно Джонатан бросил:

— До свидания, Николя. До свидания, Люси. Люси не знала, что делать. Она схватила мужа за руку.

— Ты не можешь вот так вот взять и уйти! Ты должен поговорить со мной!

— Люси, я тебя умоляю!

— Ну как с тобой разговаривать, чтобы ты понял? С тех пор как ты стал спускаться в этот проклятый подвал, ты сам не свой. У нас денег в обрез, а ты накупил целую кучу инструментов и книг про муравьев.

— Я интересуюсь слесарным делом и муравьями. Это мое право.

— Нет, это не твое право. Ты должен кормить сына и жену. И если все пособие уходит на покупку книг про муравьев, я...

— Ты подашь на развод? — закончил за жену Джонатан.

Люси подавленно отбросила его руку.

— Нет.

Он взял ее за плечи. Его губы снова передернулись.

— Доверься мне. Мне нужно дойти до конца. Я не сошел с ума.

— Ты не сошел с ума? Да ты посмотри на себя! Краше в гроб кладут, можно подумать, что тебя по-прежнему лихорадит.

— Мое тело стареет, голова — молодеет.

— Джонатан! Скажи мне, что происходит внизу!

— Нечто потрясающее. Надо спускаться все ниже, все ниже и ниже, если хочешь однажды подняться... Ты знаешь, это как в бассейне, достигаешь дна и отталкиваешься, чтобы всплыть.

И он зашелся в безумном хохоте, который еще секунд тридцать зловещими раскатами гремел на винтовой лестнице.

Плюс тридцать пятый этаж. Тонкое покрывало из веточек создает эффект витража. Солнечные лучи сверкают, проходя сквозь этот фильтр, потом звездным дождем падают на землю. Мы в солярии Города, на «заводе» по производству граждан Бел-о-кана. Здесь стоит

страшная жара. Тридцать восемь градусов. Так и должно быть, солярий полностью развернут на юг, чтобы как можно дольше получать тепло белой звезды. Иногда, когда веточки начинают служить катализатором, температура поднимается до пятидесяти градусов!

Движутся сотни лапок. Самая многочисленная каста здесь — это кормилицы. Они складывают яйца, снесенные Матерью. Двадцать четыре кучки составляют штабель, двенадцать штабелей — ряд. Насколько хватает взгляда, ряды уходят вдаль. Когда солнце прячется за облаком, кормилицы перемещают кучки яиц. Надо, чтобы самые маленькие были всегда хорошо обогреты. «Влажное тепло — для яиц, сухое тепло — для коконов» — вот старый мирмесеянский рецепт по выращиванию здоровых малышей.

Слева находятся рабочие, отвечающие за температуру. Они собирают выделяющие тепло комочки перегноя и сохраняющие тепло кусочки черного дерева. Благодаря двум этим «батареям» в солярии постоянно поддерживается температура от двадцати пяти до сорока градусов, в то время как на улице всего пятнадцать.

Пробегают артиллеристы. Если здесь начнет околачиваться какой-нибудь зеленый дятел...

Справа лежат яйца постарше. Их метаморфоза долговременна: постепенно, пока кормилицы их облизывают, маленькие яички растут и желтеют. За время одной до семи недель они превращаются в личинки, покрытые золотистым пушком.

Длительность процесса зависит еще и от погоды.

Кормилицы чрезвычайно сосредоточенны. Они не жалеют ни своей слюны с антибиотиками, ни своего внимания. Никакая грязь не должна пристать к личинкам. Они ведь такие хрупкие. Даже феромоны диалогов сведены к строгому минимуму.

Помоги мне отнести их в тот угол... Осторожно, твоя кучка может развалиться...

Кормилица несет личинку раза в два длиннее ее самой. Конечно, это будущий артиллерист. Она кладет «снаряд» в уголок и облизывает его.

В центре этого просторного инкубатора лежат кучей личинки, чьи десять сегментов тела уже обозначены, они кричат, требуя пищи. Личинки вертят головами, вытягивают шеи и дергаются, пока кормилицы не дадут им немного молочка или кусочек мяса насекомого. Через три недели, когда они достаточно «созреют», личинки прекратят есть и двигаться. Наступает фаза летаргии. Они собирают всю свою энергию, чтобы создать кокон, который превратит их в куколок.

Кормилицы перетаскивают эти большие желтые свертки в соседний зал, полный сухого песка, впитывающего влагу. «Влажное тепло — для яиц, сухое тепло — для коконов» — никогда не помешает это повторить.

В этой парилке белый, с голубоватым отливом кокон становится желтым, потом — серым, потом — коричневым. Этакий философский камень наоборот. Под скорлупой происходит чудо природы. Меняется все: нервная система, дыхательный аппарат, пищеварительный тракт, органы чувств, панцирь...

Куколка в парилке вырастает за несколько дней. Яйцо сварилось, великий миг близится. Созревшую куколку относят в сторону, к куколкам, находящимся на том же этапе. Кормилицы аккуратно протыкают скорлупу, высвобождают усик, лапку и, наконец, муравей появляется полностью, белый, шатающийся, дрожащий. Его хитин, еще мягкий и светлый, через несколько дней станет рыжим, как у всех белоканцев.

Среди всей этой суматохи № 327 не знает толком, к кому и обратиться. Он адресует тихий запах кормилице, помогающей новорожденному сделать первые шаги. Происходит нечто очень важное. Кормилица даже не поворачивает голову в его сторону. Она бросает обонятельную, едва слышную фразу:

Тише. Нет ничего важнее рождения новой жизни.

Артиллерист подталкивает его движениями дубинок на концах усиков:

Тук, тук, тук. Не мешайте. Проходите.

У № 327 низкий уровень энергии, он не может выделять и убеждать. Ах, если бы он умел говорить так, как № 56! Тем не менее, он пытается заговорить с другими кормилицами, но те не обращают на него никакого внимания. От этого он вдруг спрашивает себя, действительно ли его миссия так важна, как он себе воображает. Может быть, Мать права, есть первоочередные задачи. Продолжать жить, вместо того чтобы начинать войну, например.

Пока он обдумывает эту странную идею, рядом с его усиками проносится залп муравьиной кислоты.

В него стреляет кормилица. Она бросила кокон, который держала, и прицелилась в него. К счастью, она промахнулась.

№ 327 бросается на террористку, но та уже пробежала в ясли, опрокинув кучку яиц, чтобы преградить ему проход. Скорлупа разбивается, течет прозрачная жидкость.

Она уничтожила яйца! Что это с ней? Начинается паника, отовсюду бегут кормилицы, чтобы защитить зарождающееся поколение.

Самец № 327, поняв, что ему не догнать беглянку, опускает брюшко под торакс и прицеливается. Но до того, как он успел выстрелить, преступница падает под огнем артиллериста, видевшего, как она опрокинула яйца.

Вокруг заизвесткованного муравьиной кислотой тела собирается толпа. № 327 склоняет усики к трупу. От кормилицы, несомненно, исходит слабый запах. Запах скальных камней.

Социальность: У муравьев, как и у людей, социальность в крови. Новорожденный муравей слишком слаб, чтобы, разбить кокон, в который он заключен. Человеческий младенец не способен даже ходить или есть самостоятельно.

Муравьи и люди — это два вида, где ребенку должно помогать окружение, где он не может или не хочет учиться в одиночку.

Эта зависимость от взрослых является, конечно, слабостью, но благодаря ей начинается другой процесс — накопления знаний. Взрослые могут выжить, и неспособные к этому дети с самого начала вынуждены требовать знаний от старших.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Минус двадцатый этаж. Самка № 56 еще не начала разговор о секретном оружии с крестьянами, то, что она видит, слишком интересно, чтобы она могла выделить что бы то ни было.

Каста самок слишком ценна, они проводят все свое детство не выходя из гинецеи принцесс. Часто из всего мира им известна лишь сотня коридоров, немногие из них пускались в путешествия ниже десятого подземного этажа или выше десятого надземного... Однажды № 56 пыталась выйти, чтобы увидеть большой Внешний Мир, о котором ей рассказывали кормилицы, но стража не пустила ее. Можно было еще как-то спрятать запах, но как спрячешь крылья? Стражники тогда сказали ей, что снаружи живут гигантские монстры, что они едят маленьких принцесс, выходящих на улицу до праздника Возрождения. С тех пор № 56 раздирали любопытство и ужас.

Спустившись на минус двадцатый этаж, она понимает, что перед тем, как выходить в дикий большой Внешний Мир, она может открыть много чудес в своем собственном Городе. Здесь она впервые видит грибницы.

Белоканская легенда гласит, что первые грибницы были открыты во время войны Злаков, в пятидесятитысячном тысячелетии.

Отряд артиллеристов занял Город термитов. Там он неожиданно обнаружил колоссальный зал. В центре его раскинулась огромная белая лепешка, которую без устали полировали сотни рабочих-термитов.

Муравьи попробовали лепешку и пришли в восторг. Это была... как будто целая съедобная деревня! Пленники признались в том, что это гриб. На самом деле, термиты питаются только целлюлозой, но, когда они не могут ее переварить, они прибегают к помощи грибов, которые делают целлюлозу усваиваемой.

Муравьи, со своей стороны, легко переваривают целлюлозу, им такие грибы совсем не нужны. Но они отлично поняли, как выгодно иметь эту культуру внутри своего Города: это позволяло выдерживать осады и нехватку продовольствия.

В больших залах минус двадцатого этажа Бел-о-кана выращивают грибы. Муравьи, в отличие от термитов, предпочитают другие сорта грибов. В Бел-о-кане культивируют в основном пластинчатые грибы. Образовалась целая сельскохозяйственная технология.

Самка № 56 идет через клумбы этого белого сада. В стороне рабочие готовят «постель», на которой будет расти гриб. Они нарезают листья маленькими квадратиками, затем скоблят их, измельчают и месят, в результате получается своеобразный паштет. Этот паштет из листьев укладывается на компост из экскрементов (муравьи собирают свои экскременты в специальные емкости). Потом его увлажняют и на какое-то время оставляют ферментировать.

Забродивший паштет покрывается клубком белых съедобных нитей. Вот он, слева. Рабочие орошают его своей дезинфицирующей слюной и срезают все, что вырастает выше маленького белого конуса. Если дать грибам расти, они взорвут зал. Рабочие с плоскими мандибулами собирают нити и делают вкусную и питательную муку.

Сосредоточенность рабочих здесь также максимальная. Ни один сорняк, ни один гриб-паразит не должны проникнуть сюда и воспользоваться плодами труда садовников. Вот в этих условиях, в общем-то малоблагоприятных, № 56 пытается установить усиковый контакт с садовником, тщательно обрезающим один из белых конусов.

Городу грозит большая опасность. Нам нужна помощь. Вы хотите присоединиться к нашей рабочей группе?

Какая опасность?

Карлики открыли секретное оружие огромной силы, нужно быстро реагировать.

Садовник невозмутимо спрашивает № 56 о том, что она думает по поводу его прекрасного пластинчатого гриба. № 56 отвечает комплиментом. Садовник предлагает ей попробовать гриб. Самка откусывает белую массу и тут же чувствует жар в пищеводе. Яд! Гриб пропитан мирмикасином, быстродействующей кислотой, обычно используемой в разбавленном виде в качестве гербицида. № 56 кашляет и вовремя выплевывает ядовитую пищу. Садовник оставляет свой гриб и, расставив мандибулы, бросается ей на торакс. Они катятся по компосту, бьют друг друга по головам, распрямляя порывистыми движениями усиковые дубинки. Бум! Бум! Драка не на жизнь, а на смерть. Крестьяне их разнимают.

Что это с вами, с обоими?

Садовник бежит. Расправив крылья, № 56 в гигантском прыжке прижимает его к земле. Тогда она и замечает легкий запах скальных камней. Сомнений нет, она тоже столкнулась с членом этой невероятной банды убийц.

Она зажимает ему усики.

Кто ты? Почему ты пытался меня убить? Что это за запах камня?

Молчание. № 56 выворачивает садовнику усики. Это очень больно, убийца брыкается, но не отвечает. Обычно № 56 не делает зла братским клеткам, но садовнику она продолжает выкручивать усики.

Садовник не двигается. Он окаменел по собственной воле. Его сердце почти не бьется,

он сейчас умрет. С досады № 56 обрезает ему усики, но она борется уже с трупом.

Их снова окружают крестьяне.

Что происходит? Что вы с ним сделали?

№ 56 чувствует, что оправдываться не время, пора спасаться, что она и делает, взлетая, взмахнув крыльями. № 327 прав: происходит что-то ошеломляющее, клетки Племени сошли с ума.

2

ВСЕ НИЖЕ

Минус сорок пятый этаж: бесполый муравей № 103683 входит в залы для борьбы. Это помещения с низким потолком, где солдаты тренируются в ожидании весенних войн. Воины борются по двое. Сначала противники ощупывают друг друга, чтобы определить ширину плеч и длину лапок. Они поворачиваются, касаются друг друга боками, тянут за волоски, испускают обонятельные вызовы, щекочутся дубинками на концах усиков. Наконец они бросаются друг на друга, сталкиваются панцирями. Каждый старается ухватиться за сочленения торакса. Как только одному это удается, другой пытается укусить его за колени. Их жесты порывисты. Борцы поднимаются на задние лапки, в бешенстве падают и катятся по земле.

Обычно они замирают, дотянувшись до какой-то части тела противника, затем неожиданно наносят удар по другой конечности. И это только упражнения, они ничего не ломают, кровь не льется. Борьба прекращается, как только один муравей оказывается на спине. В знак поражения он отводит усики назад. Но, тем не менее, схватки достаточно жестоки. Чтобы как следует уцепиться за что-нибудь, когти часто залезают в глазные впадины. Мандибулы щелкают в воздухе.

Поодаль артиллеристы, сидя на брюшке, прицеливаются и стреляют по камешкам, расположенным на расстоянии в пятьсот голов от них. Залпы кислоты частенько достигают цели.

Старый воин говорит новобранцу о том, что все решается до начала боя. Мандибулы или выстрел кислотой только узаконивают положение, уже признанное обоими противниками. Всегда еще до начала схватки один из двоих решает победить, а другой соглашается быть побежденным. Все дело в распределении ролей. После того как каждый выбрал себе роль, победитель может, не целясь, стрелять кислотой, он все равно попадет в цель, побежденный же может выдать свой лучший удар мандибулой, он даже не сумеет ранить противника. Совет один — надо выбирать победу. Все происходит в голове. Надо выбирать победу, и ничто не устоит перед тобой.

Два дуэлянта налетают на солдата № 103683. В ответ он с силой отталкивает их и продолжает свой путь. Он ищет квартал наемников, расположенный под ареной для борьбы. Вот и проход.

Этот зал еще больше зала легионеров. Но ведь наемники и живут там же, где тренируются. Их держат здесь только на случай войны. Все племена региона соседствуют тут, племена союзнические и побежденные: желтые муравьи, красные муравьи, черные муравьи, муравьи-харкуны клея, примитивные муравьи с отравленным жалом и даже муравьи-карлики.

Опять-таки термиты стоят у истоков идеи кормить иностранные племена для того, чтобы вести их вместе с собой в наступление во время сражений.

Что касается муравьиных Городов, то им приходилось, в результате дипломатических

ухищрений, объединяться с термитами в войнах против других муравьев.

Отсюда и возникло интересное предложение: почему бы просто не нанять муравьиные легионы, чтобы они постоянно жили бы в термитнике? Мысль эта оказалась поистине революционной. И эффект неожиданности сработал просто блестяще, когда мирмесеянские армии столкнулись с братьями своего вида, воюющими на стороне термитов. Мирмесеянской цивилизации, обычно быстро адаптирующейся ко всему, на этот раз пришлось проявить изобретательность.

Муравьи охотно пошли бы по стопам своих противников, наняв легионы термитов. Но этому помешало одно немаловажное обстоятельство: термиты — фанатичные приверженцы монархии. Безупречно лояльные, они не способны воевать против своих. Только муравьи, чьи политические режимы так же разнообразны, как и их психология, в состоянии выдержать все превратности и всю двусмысленность жизни наемника.

Впрочем, прекрасно обошлись и без термитов. Большие Федерации рыжих муравьев удовлетворились тем, что усилили свои армии многочисленными муравьиными иностранными легионами, воюющими под единым обонятельным белоканским флагом:

№ 103683 подходит к наемникам-карликам. Он их спрашивает, не слышали ли они о том, что в Ши-гае-пу появилось секретное оружие, способное уничтожить в мгновение ока экспедицию из двадцати восьми рыжих муравьев. Те отвечают, что и знать не знают ни про какие такие чудеса.

№ 103683 спрашивает других наемников. Один желтый муравей говорит, что он видел нечто подобное. Но это была не атака карликов, а... гнилая груша, неожиданно упавшая с дерева. Все выделяют искрящиеся феромоны смеха. Такой у желтых муравьев юмор.

№ 103683 поднимается в зал, где тренируются его коллеги. Он всех знает лично. Его слушают внимательно, ему доверяют. Группа «розыска секретного оружия карликов» скоро включает больше тридцати решительно настроенных воинов. Ах, если бы № 327 это видел!

Внимание, организованная банда пытается уничтожить всех, кто проявляет интерес к секретному оружию. Несомненно, это рыжие наемники карликов. Их можно узнать, они все выделяют запах скальных камней.

Из соображений безопасности воины решают назначить первую встречу на дне Города, в одном из самых глубоко расположенных залов пятидесятого этажа. Туда никто никогда не спускается. Там они спокойно обдумают план наступления.

Но тут организм № 103683 сигнализирует ему о внезапном ускорении времени. 23 градуса тепла. Он уходит, торопясь на свидание с № 327 и № 56.

Эстетика: Есть ли на свете что-нибудь прекраснее муравья? Линии его тела чисты и изогнуты, аэродинамика совершенна. Корпус насекомого тщательно продуман и создан так, чтобы каждый его член безукоризненно входил в предназначенный ему паз. Каждое сочленение — чудо механики. Щитки подогнаны друг к другу так, словно были созданы дизайнером на компьютере. Ничто не скрипит, ничто ничему не мешает. Треугольная голова рассекает воздух, длинные, изогнутые лапки обеспечивают удобное положение относительно почвы. Он похож на итальянскую гоночную машину.

Когти позволяют ему ходить по потолку. Панорамное видение глаза — 180 градусов. Усики поглощают огромное количество невидимой нам информации, их окончания могут служить молотком. Брюшко полно карманов, фильтров, отделений, в которых насекомое может хранить химические вещества. Мандибулы режут, щиплют, захватывают. Великолепная сеть внутренних трубопроводов позволяет выделять обонятельные послания.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Николя не хотел спать. Он опять сидел перед телевизором. «Новости», в которых говорилось о возвращении зонда «Марко Поло», закончились. Вывод: в соседних солнечных системах нет ни малейшего следа жизни. На всех планетах, где побывал зонд, ему встретились только каменистые пустыни или аммиачные моря. Ни намека на мох, амебу или микроба.

«А вдруг папа прав? — спросил себя Николя. — Вдруг мы — единственная форма разумной жизни во вселенной?..» Обидно, но похоже на правду.

После «Новостей» передавали большой выпуск передачи «Культуры мира», на сей раз посвященный индийским кастам.

«С рождения и всю свою жизнь индиец живет в своей касте. Каждая каста подчиняется своим правилам, которые нельзя нарушить, не потеряв связи как со своей кастой, так и со всем остальным обществом. Чтобы понять такое положение вещей, нам надо вспомнить...»

— Уже час ночи, — сказала Люси.

Николя был переполнен информацией. С тех пор как началась вся эта свистопляска с подвалом, он проводил у телевизора по четыре часа в день. Это помогало ему не думать и перестать быть самим собой. Голос матери вернул его к суровой реальности.

— Ну, ты не устал?

— Где папа?

— Он еще в подвале. Уже пора спать.

— Я не хочу спать.

— Хочешь, я тебе что-нибудь расскажу?

— Давай! Расскажи мне что-нибудь интересное! Люси проводила его в его комнату и села на край кровати, расплетая свои длинные, рыжие волосы. Она остановилась на старинной еврейской сказке.

— Жил-был каменотес, который устал дробить гору под палящими лучами солнца. «Мне надоела такая жизнь. Тесать и тесать камень, пока не свалишься с ног... да еще это солнце, все время солнце! Ах, как бы я хотел быть на его месте! Я жил бы высоко в небе, я был бы всемогущим, горячим, заливал бы весь мир своими лучами», — сказал себе каменотес. И случилось чудо: его мольба была услышана, и каменотес тут же превратился в солнце. Он был счастлив оттого, что его желание исполнилось. Но, радостно посылая всюду свои лучи, он заметил, что облака преграждают им дорогу. «На что мне быть солнцем, если простые облака могут не пропустить мои лучи! — воскликнул он. — Если облака сильнее солнца, я лучше буду облаком». И он стал облаком. Он обогнул весь мир, летел, проливал дождь, но вдруг поднялся ветер и развеял его. «Ах, ветер может разогнать облака, значит, он сильнее, я хочу быть ветром», — решил каменотес.

— И тогда он стал ветром?

— Да, и он веял надо всем миром. Он устраивал бури, шквалы и тайфуны. Но вдруг он заметил, что путь ему преграждает стена. Очень высокая и очень прочная. Это была гора. «Зачем мне быть ветром, если простая гора может меня остановить? Она сильнее всех!» — сказал наш герой.

— И тогда он превратился в гору!

— Точно. И тут он почувствовал, что что-то стучит по его боку. Что-то, что сильнее его, что дробит его изнутри. Это был... маленький каменотес!

— Кла-асс!

— Понравилась история?

— Полный улет!

— Не то что телевизор?

— Куда там!

Люси засмеялась и обняла сына.

— Скажи, ма, как по-твоему, папа тоже копает?

— Может быть, кто знает? Во всяком случае, похоже, он думает, что если будет туда спускаться, то станет другим.

— Ему здесь плохо?

— Нет, сынок, просто ему стыдно быть безработным. Он думает, что лучше быть солнцем. Подземным солнцем.

— Папа думает, что он — король муравьев. Люси улыбнулась.

— Это у него пройдет. Ты знаешь, он ведь совсем как ребенок. А дети всегда интересовались муравейниками. Разве ты никогда не играл с муравьями?

— Конечно играл, мама.

Люси поправила сыну подушку и поцеловала его.

— Теперь тебе надо спать. Давай, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама.

На прикроватном столике Люси увидела спички. Мальчик опять пытался сделать четыре треугольника. Люси вернулась в гостиную и снова взяла в руки книгу по архитектуре, рассказывающую историю их дома.

Оказывается, в нем любили селиться ученые, в основном из гугенотов. Мишель Сервэ, например, провел здесь несколько лет.

Одно место в книге особенно заинтересовало Люси. В нем говорилось о том, что во время религиозных войн под домом был прорыт подземный ход, позволяющий гугенотам бежать за пределы Города. Подземный ход необыкновенной глубины и длины...

Трое насекомых садятся в кружок, чтобы провести абсолютную связь. Так им не нужно рассказывать о своих приключениях, они мгновенно узнают все, что произошло с каждым, как будто они — одно существо, только разделившееся на три части, чтобы лучше вести расследование.

Они сближают свои усики. Мысли текут, соединяются. Происходит взаимный обмен. Каждый мозг действует как транзистор, который передает полученное электрическое сообщение дальше, обогатив его. Подобное объединение трех муравьиных разумов дает результат, качественно превышающий их таланты, просто взятые вместе.

Но волшебство вдруг нарушается: № 103683 замечает посторонний запах. У стен есть усики. Точнее, двое усиков, виднеющихся у входа в жилище самки № 56. Кто-то их подслушивает...

Полночь. Прошло два дня с тех пор, как Джонатан ушел. Люси лихорадочно расхаживала по гостиной. Она вышла взглянуть на Николя, спящего сном праведника, как вдруг что-то остановило ее взгляд. Спички. Интуиция подсказала ей в эту минуту, что, разгадав загадку со спичками, можно приоткрыть завесу тайны над подвалом. Четыре равнобедренных треугольника из шести палочек...

«Надо думать по-другому, если думаешь как обычно, ничего не получится», — повторял Джонатан. Люси взяла спички и вернулась в гостиную, где долго колдовала над ними. Наконец, совершенно вымотанная тревогой, она отправилась спать.

В эту ночь ей приснился странный сон. Сначала она увидела дядю Эдмона, или, по крайней мере, человека, похожего на того, кого описывал Джонатан. Она увидела длинную очередь, вытянувшуюся среди каменистой пустыни. Мексиканские солдаты охраняли очередь и следили за тем, чтобы «соблюдался порядок».

Вдали виднелся десяток виселиц, на которых вешали людей. Когда несчастные недвижимо повисали, их снимали и вешали новых. И очередь продвигалась...

За Эдмоном стоял Джонатан, за ним она сама, за ней — толстый господин в крошечных очочках. Все приговоренные к смерти как ни в чем не бывало спокойно разговаривали.

Когда, наконец, им надели на шеи веревки и вздернули их, всех четверых рядышком, они по-дурацки застыли в ожидании. Дядя Эдмон первым решился заговорить, охрипшим (не без причины) голосом:

— Ну и что мы здесь делаем?

— Не знаю... живем. Мы родились, поэтому стараемся прожить как можно дольше. Но сейчас все подходит к концу, — ответил Джонатан.

— Мой дорогой племянник, ты — пессимист. Конечно, мы повешены и окружены мексиканскими солдатами, но это лишь превратности судьбы, всего лишь навсего. Кстати, и из этого положения, несомненно, есть выход. Вы хорошо связаны сзади?

Четверо висельников поерзали в своих веревках.

— Нет, — сказал толстый господин. — Я сумею освободиться.

И он избавился от веревок.

— Теперь развяжите нас.

— Но как?

— Раскачивайтесь, как маятник, пока не дотянетесь до моих рук.

Толстый господин стал извиваться и постепенно превратился в живые часы с маятником.

Когда он развязал Эдмона, тем же способом освободились от пут все остальные.

Тогда дядя сказал: «Делайте, как я!» — и маленькими прыжками, каким-то образом держась шеей, стал передвигаться от веревки к веревке, к последней виселице в ряду. Другие последовали его примеру.

— Но дальше идти нельзя! За этой балкой ничего нет, они нас заметят.

— Смотрите, в балке есть маленькое отверстие. Зайдем в него.

И тут Эдмон прыгнул на балку, стал крошечным и исчез внутри ее. Джонатан и толстый господин сделали то же самое. Люси сказала себе, что у нее никогда так не получится, но, тем не менее, она вскочила на деревянный брус и пролезла в отверстие!

Внутри была винтовая лестница. Четверо вприпрыжку побежали по ступеням. Они уже слышали, как солдаты, заметившие беглецов, кричат: «Los gringos, los gringos, cuidado!» [Держите америкашек! *(исп.)*.]

Послышались грохот сапог и выстрелы. За беглецами началась охота.

Лестница привела их в современный номер гостиницы с видом на море. Они вошли и закрыли дверь. Комната № 8. Вертикальная восьмерка на двери превратилась в восьмерку опрокинутую, символ бесконечности. Номер был роскошный, они почувствовали себя в безопасности.

Но, когда все облегченно вздохнули, Люси вдруг бросилась на шею своему мужу. «А как же Николя, — закричала она, — мы забыли про Николя!» И она оглушила его старинной вазой, на которой был изображен младенец Геркулес, душащий змею. Джонатан упал на ковер и превратился... в очищенную креветку, которая начала смешно дергаться.

Дядя Эдмон вышел вперед.

— Ну как, не жалеете?

— Я вас не понимаю, — сказала Люси.

— Поймете, — улыбнулся он. — Идите за мной. Он провел ее на балкон, выходивший на море, и щелкнул пальцами. Шесть горящих спичек тут же спустились с облаков и выстроились над его ладонью.

— Слушайте меня внимательно, — отчетливо произнес он. — Мы все думаем одинаково. Мы все одинаково банально воспринимаем мир. Как будто фотографируем с

большого расстояния. Это реальность, но не единственная. НАДО... ДУМАТЬ... ПО-ДРУГОМУ! Смотрите.

Спички секунду повертелись в воздухе, потом опустились на землю. Они подползли друг к другу, как живые, чтобы образовать...

На следующий день совсем разволновавшаяся Люси купила паяльную лампу. В конце концов, она справилась с замком. Когда она собиралась переступить порог подвала, в кухню вошел заспанный Николя.

— Мам! Ты куда?

— Я иду искать твоего отца. Он воображает, будто он маленькая тучка и может пройти сквозь скалу. Пойду, проверю, не зашел ли он слишком далеко. Я расскажу тебе.

— Нет, мама, не надо, не уходи... Я же останусь один.

— Не волнуйся, сынок, подожди немного, и я вернусь.

Она осветила вход в подвал. Там было темно, так темно...

Кто тут?

Два усика выдвинулись вперед, за ними — голова, потом торакс и брюшко. Это хромой солдатик с запахом скальных камней.

Трое друзей хотят напасть на него, но видят за ним мандибулы сотни вооруженных до зубов солдат. Все они пахнут скальными камнями.

«Бежим по секретному ходу!» — бросает самка №56.

Она отодвигает гальку и открывает подземный проход. Потом, взмахивая крыльями, она поднимается до потолка и оттуда стреляет кислотой по первому ряду незваных гостей. Два ее единомышленника убегают, в то время как со стороны отряда воинов слышится решительный приказ:

Убейте их!

№ 56, в свою очередь, ныряет в отверстие, залпы кислоты едва не попадают туда.

Быстро! Догоните их!

Сотни лапок бросаются за ней в погоню. Как же много этих шпионов! Они с грохотом бегут по коридору, догоняя троицу.

Ползком, с отведенными назад усиками, самец, самка и солдат продвигаются по проходу, в котором больше нет ничего секретного. Так они покидают зону гинецеи и спускаются на нижние этажи. Узкий коридор вскоре оканчивается развилкой. Затем перекрестки множатся, но самцу № 327 удается сориентироваться, он ведет за собой товарищей по несчастью.

Вдруг на повороте тоннеля они натыкаются на отряд солдат, и тот бросается им навстречу. Невероятно: хромой уже догнал их. Коварное насекомое знает самые короткие пути!

Три беглеца отступают и снова удирают. Когда они наконец могут немного перевести дух, № 103683 предлагает не воевать на территории противника, потому что тот слишком хорошо знает хитросплетения коридоров.

Когда противник кажется сильней тебя, действуй так, чтобы ему было непонятно. Это старое изречение первой Матери прекрасно подходит к случаю. № 56 осеняет: она предлагает спрятаться вглубь стены!

Пока воины с запахом скальных камней их не обнаружили, трое беглецов начинают изо всех сил рыть боковую стену, вгрызаясь и переворачивая землю полными мандибулами. Их усики и глаза засыпаны землей. Иногда, чтобы дело пошло быстрее, они проглатывают большой кусок жирной почвы. Когда выемка становится достаточно большой, они забираются в нее, восстанавливают внешнюю стену и ждут. Их преследователи появляются и галопом пробегают мимо. Но вскоре возвращаются, на этот раз гораздо медленнее. Они

топчутся за тонкой перегородкой...

Но нет, они ничего не заметили. Однако и оставаться здесь нельзя. Скальные воины, в конце концов, найдут несколько молекул троицы. И троица начинает копать. № 103683 своими самыми большими мандибулами роет первый, самка и самец убирают песок и складывают его позади себя.

Тем временем убийцы разгадали их маневр. Они простукивают стены, обнаруживают их следы и начинают лихорадочно рыть. Трое муравьев совершают вираж вниз. В любом случае в этой черной патоке нелегко преследовать кого бы то ни было. Каждую секунду здесь появляется три новых коридора, а два старых — осыпаются. Вот и попробуйте составить точную карту Города в таких условиях! Единственные постоянные ориентиры — это купол и корень.

Трое муравьев медленно продвигаются в плоти Города. Иногда они натыкаются на длинную лиану, на самом деле это плющ, посаженный муравьями-крестьянами, чтобы Город не обрушился во время дождей. Случается, что земля становится твердой, беглецы ударяются мандибулами о камень, приходится поворачивать.

Самец и самка больше не чувствуют дрожи от преследователей. Троица решает остановиться. Они находятся в воздушном кармане, затерянном в сердце Бел-о-кана. Непроницаемая капсула, без запаха. О ней не знает никто. Необитаемый остров в пустоте. Кто найдет их в этой крошечной пещере? Они чувствуют себя здесь как в темном овале брюшка их прародительницы.

№ 56 барабанит усиками по черепу соседа — просит о трофаллаксии. № 327 складывает усики в знак согласия, потом прикладывает свой рот ко рту самки. Он отрыгивает немного молочка тли, которым его угостил первый охранник. У № 56 тут же поднимается настроение. № 103683 барабанит, в свою очередь, по ее черепу. Они соединяют губы, и № 56 отдает пищу, которую только что приняла. Затем все трое ласкают и растирают друг друга. О, как приятно муравью отдавать...

Они восстановили силы, но они знают, что не могут здесь оставаться до бесконечности. Кислород скоро закончится, и хотя муравьи достаточно долго могут прожить без пищи, воды, воздуха и тепла, отсутствие этих жизненно важных элементов в конце концов провоцирует смертельный сон.

Контакт усиков.

— *Что теперь будем делать?*

— *Когорта из тридцати примкнувших к нам воинов ждет нас в зале пятидесятого этажа, в подземелье.*

— *Идем туда.*

Они снова берутся за саперные работы, ориентируясь благодаря органу Джонстона, чувствительному к магнитным полям земли. Логически рассуждая, они должны находиться между зернохранилищами минус восемнадцатого этажа и грибницами минус двадцатого. Чем ниже они спускаются, тем ниже становится температура. Наступает ночь, холод сковывает почву, проникая в глубину. Их движения замедляются. В конце концов, они застывают в тех самых позах, в которых копали, и засыпают, ожидая потепления.

— Джонатан, Джонатан, это я, Люси!

Чем больше она углублялась в эту кромешную темноту, тем сильнее ее охватывал страх. Этот нескончаемый спуск по поворотам лестницы в конце концов погрузил ее в странное состояние, ей стало казаться, что она все больше и больше погружается вовнутрь себя самой. У нее совершенно пересохло в горле, она почувствовала тупую боль в животе, в солнечном сплетении появился комок тревоги, затем закололо в желудке.

Ее колени, ноги продолжали двигаться автоматически. Может быть, они тоже скоро

откажут, заболят и Люси прекратит спускаться?

Перед глазами проплывали картины ее детства. Ее авторитарная мать, не прекращавшая винить Люси во всех смертных грехах, всегда несправедливая к ней и снисходительная к младшим братьям-любимчикам... Ее отец, потухший человек, трепетавший перед женой, избегавший малейших размолвок с ней и беспрекословно выполнявший любой каприз этой августейшей особы. Ее отец, трус...

Тяжелые воспоминания сменились чувством раскаяния по отношению к Джонатану. На самом деле Люси вменяла ему в вину все, что могло ей напомнить ее отца. И именно осыпая его бесконечными упреками, она уничтожала, ломала его, постепенно делая похожим на своего отца. Начался новый виток... Люси, сама того не замечая, воссоздала то, что она ненавидела больше всего на свете: брак своих родителей. Теперь надо было выйти из замкнутого круга. Она уже сердилась на себя за все головомойки, которые устраивала своему мужу. Надо было исправлять положение.

Она продолжала заворачивать, спускаться. Осознание своей вины освободило ее тело от страхов и угнетающей боли. Она все заворачивала и спускалась, как вдруг чуть не натолкнулась на дверь. На обычную дверь, частично покрытую надписями, на чтение которых она не стала тратить времени. Люси потянула за ручку, и дверь открылась, даже не скрипнув. За дверью продолжалась лестница. Появилась одна-единственная новая деталь — железистые скальные прожилки на поверхности каменных стен. Смешавшись с влагой, источником которой скорее всего являлась подземная река, железо приняло оттенок красной охры.

Но Люси показалось, что начался какой-то новый этап. Вдруг ее фонарь высветил у нее под ногами пятна крови. Наверное, это кровь Уарзазата. Значит, маленький храбрый пудель дошел досюда... Брызги крови были везде, но на стенах их следы было трудно отличить от прожилок ржавого железа.

Неожиданно Люси услышала какой-то шум. Что-то зашуршало, как будто к ней приближались какие-то существа. Шаги были неровными, словно существа боялись, не решались подойти. Она остановилась, чтобы рассеять темноту фонарем. Когда Люси увидела то, что так странно шуршало, ее грудь разорвал нечеловеческий вопль. Но там, где она находилась, услышать ее никто не мог.

Утро наступает для всех обитателей Земли. И трое друзей продолжают спускаться. Минус тридцать шестой этаж. № 103683 хорошо знает эти места, он думает, что уже можно безбоязненно выходить. Воины скальных камней потеряли их.

Они выходят в низкие, совершенно безлюдные галереи. Кое-где слева и справа видны отверстия, старые хранилища, покинутые уже как минимум спячек десять назад. Земля липкая. Откуда-то сочится влага. Вот почему этот район сочли нездоровым, он пользуется в Бел-о-кане дурной славой.

Здесь чем-то плохо пахнет.

Самец и самка чувствуют себя не очень уверенно. Они ощущают чье-то недружелюбное присутствие, чьи-то следящие усики. Здесь, должно быть, полно насекомых-паразитов и бездомных.

Они идут вперед, широко раскрыв мандибулы, по мрачным залам и тоннелям. Пронзительный скрежет заставляет их подскочить на месте. Звуки не меняют тональности. Они сливаются в гипнотический речитатив, отзывающийся эхом во всех глиняных пещерах.

Солдат думает, что это сверчки. Это их любовные песни. Его мнение успокаивает самца и самку лишь частично. Просто невероятно, чтобы сверчки дошли до того, что уже не боятся Федеральных войск даже в стенах Города!

А № 103683 не удивлен. Разве не гласит последнее изречение Матери: «Лучше

укреплять свои силы, чем пытаться все контролировать»? Вот и результат...

Со всех сторон раздаются разные шумы. Как будто кто-то очень быстро роет. Неужели воины с запахом скальных камней нашли их? Нет... Перед ними появляются две лапы. Когти похожи на грабли. Лапы загребают и откидывают назад землю, пропуская вперед огромное черное тело.

Только бы это был не крот!

Все трое застывают, разинув мандибулы.

Это крот.

Песчаный вихрь. Комок черной шерсти и белых когтей. Кажется, что он плывет между осадочными породами, как лягушка в пруду. Муравьи сметены, смешаны с землей, впечатаны в глину. Но они целы и невредимы. Землеройная машина прошла. Крот искал всего лишь червей. Самая любимая его забава — укусить червя в нервный узел, чтобы парализовать, а затем живого оттащить к себе в нору.

Три муравья выходят из неподвижности и продолжают свой путь, перед этим еще раз тщательно вымывшись.

Они входят в очень узкий коридор с высоким потолком. Солдат-проводник выделяет предупредительный запах, показывая вверх. Потолок просто усеян красными, в черных горошинах, клопами. Дьявольские красноклопы!

Эти насекомые длиной в три головы (девять миллиметров) носят на спине рисунок, похожий на изображение каких-то злых глаз. Питаются они в основном падалью, но не брезгуют и убойной.

Один клоп немедленно падает на троицу. Он еще не долетел до земли, а № 103683 уже опускает брюшко под торакс и стреляет муравьиной кислотой. Клоп приземляется в виде горячей жижи.

Друзья торопливо поедают его, а затем быстро пересекают зал, пока на них не свалилось еще одно чудовище.

Разум: Настоящие опыты я начал проводить в январе 1958 года. Первая тема: разум. Разумны ли муравьи?

Чтобы выяснить это, я поставил перед бесполым рыжим муравьем (formica rufa) ящик средних размеров.

В глубине отверстия я поместил кусочек засохшего меда. Вход в отверстие загородил соломинкой, не тяжелой, но очень длинной и хорошо укрепленной. Обычно муравей расширяет отверстие, но здесь перегородка была из твердого пластика. Муравей не мог его прогрызть.

Первый день: муравей рывками тянет за соломинку, слегка ее приподнимает, оставляет, возвращается и снова приподнимает.

Второй день: муравей делает все то же самое. Он пытается также разгрызть соломинку у основания. Безрезультатно.

Третий день: без изменений. Можно сказать, что насекомое упорствует в своих неверных выводах и настаивает на них, потому что не способно представить себе другой путь рассуждений. Это было бы доказательством его неразумности.

Четвертый день: без изменений.

Пятый день: без изменений.

Шестой день: проснувшись утром, я обнаружил, что соломинку вытащили из отверстия. Это произошло ночью.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Дальше галереи наполовину обрушены. Сверху гроздьями свисает холодная и сухая земля, сдерживаемая белыми корнями. Иногда она осыпается кусками. Это называется «внутренний град». Единственный способ уберечься от него — удвоить бдительность и отскакивать в сторону при малейшем запахе обвала.

Три муравья продвигаются вперед ползком, отогнув усики назад, широко расставив лапки. № 103683, кажется, прекрасно знает, куда он их ведет. Земля снова становится влажной.

От нее исходит тошнотворный запах. Запах жизни. Животный запах.

Самец № 327 останавливается. Он не совсем уверен, но ему показалось, что стена предательски шевельнулась. Он подходит к подозрительному участку — стена снова вздрагивает. Кажется, что в ней вырисовывается рот. № 327 отступает. На этот раз существо маловато для крота. Рот выкручивается в спираль, из середины ее вырастает выступ и бросается на муравья.

Самец испускает обонятельный крик.

Земляной червь! Самец рассекает его ударом мандибулы. Но змеящиеся твари стекают со всех стен. Их столько, что можно подумать, будто находишься в желудке у птицы.

Один из червей решает обвиться вокруг торакса самки, она сухо щелкает мандибулами и разрезает его на множество кусочков, каждый из которых, извиваясь, уползает в свою сторону. Другие черви тоже хотят поиграть и закручиваются вокруг лапок, голов муравьев. Особенно невыносимо прикосновение к усикам. Все трое одновременно готовятся к стрельбе и выпускают кислоту на безобидных аскарид. Еще мгновение, и пол покрыт дергающимися телами цвета охры, словно продолжающими бросать муравьям вызов.

Троица переходит в галоп.

Когда они успокаиваются, № 103683 показывает друзьям новую анфиладу коридоров, которую нужно пройти. Чем дальше они идут, тем неприятней становится запах, но они привыкают к нему все больше и больше. Ко всему привыкаешь. Солдат показывает на стену и говорит, что копать надо здесь.

Это старые компостные санитарные пункты, место встречи совсем рядом. Мы любим здесь собираться, здесь спокойно.

Они затевают игру «пройди сквозь стену». Выйдя с другой стороны, друзья попадают в большой зал, где пахнет экскрементами.

Тридцать солдат, присоединившихся к ним, уже действительно здесь и ждут их. Но чтобы поговорить с ними, надо хоть немного уметь собирать головоломки, потому что солдаты разорваны на кусочки. И головы лежат далеко от тел...

Троица растерянно оглядывает зал. Кто же мог убить их здесь, у подножия Бел-о-кана?

«Это кто-то, кто пришел снизу», — выделяет самец №327.

«Не думаю», — возражает самка № 56, но предлагает ему, тем не менее, углубиться в почву.

Самец вонзает мандибулы в землю. Он чувствует боль. Внизу — скала.

«Огромная гранитная скала, — уточняет чуть позже № 103683, — *это дно, твердый пол Города. И она очень толстая и широкая. Мы ни разу не дошли до краев».*

В конце концов, может быть, это дно мира. И тут появляется странный запах. Кто-то входит в зал. Кто-то, кто сразу вызывает у них симпатию. Нет, это не муравей Племени, это насекомое ломешуза.

Еще совсем личинкой № 56 слышала, как Мать говорила об этом насекомом:

«Никакое удовольствие не может сравниться с наслаждением, получаемым от нектара ломешузы. Ее секреция удовлетворяет все физические желания, разрушает самую твердую волю».

Выпив этого нектара, перестаешь чувствовать боль, страх и теряешь разум. Муравьи-наркоманы, потерявшие свою поставщицу зелья, всегда покидают Город в поисках новых доз. Они больше не едят и не пьют, они бредут до изнеможения. Потом, если они не находят новой ломешузы, они обнимают какую-нибудь былинку и умирают так, в конвульсиях невыносимой ломки.

Дитя № 56 однажды спросило, почему же этому бедствию разрешен вход в Город, ведь термиты и пчелы, со своей стороны, уничтожают их беспощадно. Мать ответила, что есть два способа бороться с бедой: либо ты ее избегаешь, либо проходишь через нее. И второй способ не всегда худший. Секреция ломешузы, в маленьких дозах или смешанная с другими субстанциями, — прекрасное лекарство.

Самец № 327 подходит первым. Завороженный божественным ароматом, исходящим от ломешузы, он лижет волоски на ее брюшке. Они истекают галлюцинаторным нектаром.

Удивительно: брюшко отравительницы с двумя длинными волосками в точности повторяет форму муравьиной головы с двумя усиками!

Самка № 56 тоже подбегает, но она не успевает полакомиться. Свистит залп кислоты.

№ 103683 прицелился и выстрелил. Сожженная ломешуза корчится от боли. Солдат в двух словах объясняет, почему он так поступил.

«То, что это насекомое находится на такой глубине — ненормально. Ломешузы не умеют рыть землю. Кто-то специально привел ее сюда, чтобы помешать нам идти дальше! Здесь что-то спрятано».

Самец и самка пристыжены и одновременно восхищены проницательностью своего товарища. Все трое долго ищут. Они переворачивают гравий, обнюхивают самые дальние закоулки зала. Мало что достойно внимания. Но, в конце концов, они обнаруживают знакомый затхлый запах. Легкий запах убийц скальных камней. Едва ощутимый, всего две или три молекулы, но этого достаточно. Он исходит из этого угла. Прямо из-под этого небольшого камня. Они отодвигают камень и обнаруживают секретный ход. Еще один.

Но у него есть потрясающая особенность: он прорыт не в земле и не в дереве. Он пробит в гранитной скале! Никакие мандибулы не справятся с этим камнем.

Коридор довольно широк, но троица спускается осторожно. После недолгого перехода друзья попадают в просторный зал, полный провизии. Мука, мед, зерно, всевозможное мясо... в невероятном количестве, можно прокормить весь Город в течение пяти спячек! И от всего этого исходит тот же запах скальных камней, что и от их преследователей.

Кто же здесь тайком спрятал все это богатство? И поставил ломешузу в качестве сторожа! Никогда ни о чем подобном не было слышно между усиками Племени... Друзья основательно подкрепляются, потом соединяют свои усики, чтобы подвести итог. Дело становится все более и более темным. Секретное оружие, уничтожившее первую экспедицию, воины с особым запахом, везде нападающие на них, ломешуза, тайник с провизией под основанием Города... Это уже выходит за пределы гипотезы о наемных шпионах на службе у карликов. Или тогда эти шпионы чертовски хорошо все организовали!

У №327 и его друзей не хватает времени углубиться в размышления. В глубинах Города что-то глухо подрагивает. *Бум, бум, бум-бум, бум, бум, бум-бум!* Наверху рабочие барабанят брюшками по полу. Это что-то серьезное. Это тревога второй степени. Троица не может игнорировать призыв. Лапки друзей автоматически разворачиваются. Их тела, движимые неодолимой силой, уже спешат воссоединиться с Племенем.

Хромой, на расстоянии наблюдавший за ними, облегченно вздыхает. Уф! Они ничего не нашли...

В конце концов, так как ни мать, ни отец не поднимались из погреба, Николя решил известить полицию. В комиссариате появился изголодавшийся ребенок с красными глазами и

рассказал о том, что его мама с папой исчезли в подвале, что, скорее всего, их сожрали крысы или муравьи. Двое изумленных полицейских пошли за ним к подвалу дома № 3 по улице Сибаритов.

Разум (продолжение): Опыт повторяется, теперь он записывается на видеокамеру. Объект: другой муравей того же вида, из того же муравейника.

Первый день: муравей тянет, толкает и кусает соломинку без всякого результата.

Второй день: без изменений.

Третий день: есть! Он что-то придумал. Он тянет соломинку, раздувает брюшко и упирается им в отверстие, потом перехватывает соломинку и начинает заново. Так, маленькими толчками, он медленно вытягивает соломинку из отверстия.

Вот как это произошло...

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Тревога дана по причине необычайного события. Ла-шола-кан, дочерний Город на западе, был атакован легионами муравьев-карликов. Значит, они решились снова это сделать...

Теперь война была неминуема.

Уцелевшие муравьи, сумевшие прорваться через кольцо шигаепунцев, рассказывают что-то невероятное. По их версии, дело обстояло так.

В семнадцать градусов тепла длинная ветка акации приблизилась к главному входу Ла-шола-кана. Ветка, ненормально подвижная. Она одним ударом вошла во вход и обрушила его... вращаясь!

Стража вышла, чтобы атаковать копающий неопознанный объект, но была полностью уничтожена. Затем, застыв от страха, все стали ждать, пока ветка утихомирится. Но этого не случилось.

Ветка снесла купол, как будто это был розовый бутон, она промела все коридоры. Солдаты тщетно стреляли изо всех сил, кислота не действовала на растительного агрессора.

Лашолаканцы изнемогали от ужаса. Потом, наконец, все прекратилось. На два градуса тепла наступила передышка, а затем появились легионы карликов, продвигавшиеся боевым шагом.

Отразить первую атаку развороченному Городу было трудно. Потери исчислялись десятками тысяч. Уцелевшие, в конце концов, укрылись в корне сосны и держат осаду. Но они долго не простоят, у них нет никаких продуктовых запасов, и бои уже идут в древесных артериях запретного Города.

Ла-шола-кан является частью Федерации. Бел-о-кан и все соседние дочерние Города должны его спасти. Приказ о выступлении был дан еще до того, как усики приняли окончание первого рассказа о драме. Кто там еще говорит, что надо отдохнуть, набраться сил? Первая весенняя война началась.

Пока самец № 327, самка № 56 и солдат № 103683 бегут вверх по этажам, все вокруг них кипит.

Кормилицы спускают яйца, личинок и куколок на минус сорок третий этаж. Доильщики тли прячут свой зеленый скот на самое дно Города. Крестьяне готовят измельченные продуктовые запасы, могущие служить солдатским пайком. В залах военных каст артиллеристы до отказа наполняют брюшки муравьиной кислотой. Бойцы ближнего боя затачивают мандибулы. Наемники строятся в тесные легионы. Самцы и самки укрываются в своих кварталах.

Прямо сейчас атаковать нельзя, еще слишком холодно. Но завтра утром, с первыми

лучами солнца, война забушует.

Самый толстый из двух полицейских обнял мальчика за плечи.

— Значит, ты совершенно уверен? Они там?

Измученный ребенок молча высвободился. Инспектор Гален склонился над лестницей и громко и смешно крикнул: «О-о!» Ему ответило эхо.

— Похоже на то, что там действительно глубоко, — сказал он. — Так просто спускаться нельзя, нужно оборудование.

С озабоченным видом комиссар Билшейм прижал пухлый палец к губам.

— Естественно. Естественно.

— Я пойду спасателей позову, — сказал инспектор Гален.

— Хорошо, я пока поговорю с малышом. Комиссар показал на сломанный замок.

— Это твоя мама сделала? – Да.

— Скажите-ка, шустрая у тебя мама. Я знаю немногих женщин, которые умеют паяльной лампой взламывать бронированные двери... И не знаю ни одной, которая могла бы прочистить раковину.

Николя было не до шуток.

— Она хотела найти папу.

— Да, правда, извини меня... Сколько времени они там внизу?

— Два дня. Билшейм почесал нос.

— А зачем твой папа туда спустился, ты знаешь?

— Сначала чтобы найти собаку. Потом — не знаю. Он купил кучу металлических щитков и унес их вниз. А потом он купил много книг про муравьев.

— Про муравьев? Естественно, естественно.

Комиссар Билшейм, изрядно озадаченный, пробормотав еще несколько раз свое «естественно», ограничился покачиванием головы. Дело принимало скверный оборот. Он его не чувствовал. Он не в первый раз сталкивался с «особыми» случаями. Можно даже сказать, что ему систематически подпихивали все «глухие» дела. Это объяснялось, несомненно, одним из главных свойств Билшейма: он внушал сумасшедшим уверенность, что те, наконец, встретили понимающего собеседника.

Это был природный талант. Когда он был еще совсем маленьким, одноклассники поверяли ему все свои сомнения. И Билшейм с умным видом кивал головой, смотрел на своего товарища и не говорил ничего, кроме «естественно». Это всегда проходило на ура. Мы усложняем себе жизнь, произнося замысловатые фразы и комплименты, чтобы произвести впечатление или соблазнить собеседника. Билшейм понял, что простого слова «естественно» совершенно достаточно. Так раскрывается еще одна тайна межчеловеческого общения.

Феномен был тем более любопытным, что юный Билшейм, который практически все время хранил молчание, завоевал в своей школе репутацию златоуста. Его даже просили выступить на выпускном вечере в конце года.

Билшейм мог бы стать психиатром, но униформа имела над ним магнетическую власть. Белый халат в его глазах не выдерживал с ней никакого сравнения.

В этом спятившем мире полиция и армия были в конечном итоге знаменем тех, кто «не поддавался». Билшейм, хоть и считал, что понимает собеседников, на самом деле ненавидел тех, кто воспринимал все вкривь и вкось. Какие-то ненормальные! А больше всего его раздражали люди, которые в метро во всеуслышание вещают о том, как им только что не повезло: не терпится, видать, пережить невезение заново. Когда Билшейм пришел в полицию, его дар быстро заметило начальство. Ему стали беспрестанно сплавлять все «необъяснимые» случаи. Как правило, они таковыми и оставались, но он ими занимался, и это было уже немало.

— Да и потом есть спички!

— А при чем тут спички?

— Если хочешь найти решение, из шести спичек надо сделать четыре треугольника.

— Найти какое решение?

— «Способ думать по-другому». Так говорил папа.

— Естественно.

На этот раз мальчик взорвался:

— Нет, не «естественно»! Надо найти геометрическую форму, включающую четыре треугольника. Муравьи, дядя Эдмон, спички — все связано.

— Дядя Эдмон? Кто это дядя Эдмон? Николя оживился.

— Тот, который написал «Энциклопедию относительного и абсолютного знания». Но он умер. Может быть, из-за крыс. Это крысы убили Уарзазата.

Комиссар Билшейм вздохнул. Есть от чего прийти в отчаяние! Кто же вырастет из этого пацана? Как минимум алкоголик. Инспектор Гален вернулся, наконец, со своими пожарными. Билшейм посмотрел на Галена с гордостью. Вот это боец! Его даже подгонять не надо! Истории с сумасшедшими его возбуждали. Чем дело было запутанней, тем больше оно его захватывало.

Билшейм понимающий и Гален-энтузиаст составляли официальную бригаду по расследованию «глухарей» с психами. Их уже посылали заняться старушкой, которую сожрали ее собственные кошки, проституткой, душившей клиентов языком, каким-то малышом, отрубавшим головы мясникам...

— Ну, ладно, шеф, — сказал Гален, — вы оставайтесь здесь, а мы ныряем и доставляем их вам на надувных носилках.

В своей брачной ложе Мать прекратила откладывать яйца. Она поднимает один усик и просит всех выйти. Ее служанки исчезают.

Бело-киу-киуни, живой половой орган Города, обеспокоена.

Нет, она не боится войны. Она уже и выиграла, и проиграла около пятидесяти войн. Ее тревожит другое. Эта история с секретным оружием. Эта вертящаяся и сносящая купол ветка акации. Она не забыла рассказ самца № 327 про двадцать восемь воинов, умерших, не успев даже встать в боевой порядок... Можно ли от такого вот так вот взять и отмахнуться?

Тем более сейчас.

Но что же делать?

Бело-киу-киуни вспоминает, что однажды она уже сталкивалась с «необъяснимым секретным оружием». Это было во время войн с термитниками Юга. В один прекрасный день ей объявили, что подразделение из ста двадцати солдат не уничтожено, а «обездвижено»! Все просто обезумели от ужаса. Муравьи решили, что уже никогда не победят термитов, что теперь у врага решающий технологический перевес.

Послали разведчиков. Термиты действительно взяли на вооружение артиллеристов-харкунов клея. Назутитермов. Они стреляли на расстояние в две сотни голов клеем, который обездвиживал лапки и челюсти солдат.

Федерация долго размышляла, но потом нашла защиту — идти в атаку, закрываясь сухими листьями. Тогда и произошла знаменитая битва Сухих Листьев, выигранная белоканскими войсками...

На сей раз, правда, это не термиты-недотепы, а карлики, чьи ум и живость уже не раз вводили всех в заблуждение. Кроме того, секретное оружие казалось особенно разрушительным.

Мать нервно потеребила свои усики.

Что она наверняка знала о карликах? И мало, и много.

Они высадились в их районе около ста лет назад. Сначала появилось лишь несколько разведчиков. Они были такие маленькие, что никто не встревожился. Затем пришли караваны, неся в лапках яйца и провизию. Первую ночь они провели под корнем большой сосны.

Наутро половину из них сожрал голодный еж. Выжившие ушли на север, где устроили походный лагерь, невдалеке от территории черных муравьев.

В Федерации все сказали себе, «что это их личное дело, их и черных муравьев». У некоторых даже совесть была нечиста из-за того, что они оставили таких тщедушных малышей на съедение здоровым черным муравьям.

Но, тем не менее, карликов не перебили.

Их постоянно встречали на севере, они тащили соломинки и маленьких насекомых. А вот кого больше не встречали, так это... здоровых черных муравьев.

До сих пор неизвестно, что же там произошло, но белоканские разведчики сообщили о том, что отныне карлики занимали все поселение черных муравьев. В Федерации это известие восприняли равнодушно, даже с юмором. «Так и надо этим задавакам — черным муравьям», — раздавались запахи в коридорах. И потом, не будет же могучая Федерация беспокоиться из-за ничтожных малышей.

Правда, вслед за муравейником черных муравьев, карлики заняли пчелиный улей в шиповнике... Затем последний термитник на севере и поселение красных ядовитых муравьев, в свою очередь, перешли под знамена карликов!

Прибывавшие в Бел-о-кан и пополнявшие стан наемников беглецы рассказывали, что карлики используют самую передовую военную стратегию. Например, они заражали источники воды ядом редких цветов.

Но никто все еще всерьез не тревожился. И только после поражения в прошлом году Города Низиу-ни-кана в два градуса тепла, Федерация наконец отдала себе отчет в том, что имеет дело с несокрушимым противником.

Но если рыжие недооценили карликов, то и карлики не поняли истинное значение рыжих. Низиу-ни-кан был очень маленьким Городом, но он был связан с Федерацией. На следующий день после победы карликов двести сорок легионов по две тысячи двести солдат в каждом разбудили их фанфарами. Исход битвы был ясен, но это не помешало карликам драться с ожесточением. Да с таким, что Федеральным войскам понадобился целый день, чтобы войти в освобожденный Город. Тогда и обнаружилось, что карлики поселили в Низиу-ни-кане не одну, а... двести королев. Это поразило всех.

Наступательная армия: Муравьи — единственные социальные насекомые, содержащие наступательную армию.

Термиты и пчелы, менее рафинированные виды, лояльные монархисты, используют своих солдат только для защиты Города или для охраны отправляющихся в далекие экспедиции рабочих. Термитники или ульи, ведущие завоевательные войны, встречаются сравнительно редко. Но, тем не менее, такое случается.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Пленные королевы-карлики рассказали о своей истории и обычаях. История их была удивительная.

Они говорили о том, что раньше карлики жили в другой стране, находящейся на расстоянии в миллиарды голов от этих мест.

Страна эта сильно отличалась от леса Федерации. Там росли огромные фрукты, очень яркие и очень сладкие. Кроме того, там не было зимы и потому не приходилось залегать в

спячку. В этой сказочной земле карлики построили Ши-гае-пу — «старый» Город, происходивший от очень древней династии. Город этот раскинулся у подножия олеандра.

Так случилось, что однажды олеандр и песок, его окружавший, вытащили из земли и перенесли в деревянный ящик. Карлики попытались убежать из ящика, но тот был установлен внутри огромного, очень твердого сооружения. И когда они добрались до границ этого сооружения, то свалились в воду. В бескрайнюю соленую воду.

Много карликов утонуло, пытаясь добраться до земли своих предков, но большинство решили, что делать нечего, надо выживать на этом огромном и твердом сооружении, окруженном морской водой. Так продолжалось много дней и ночей.

Благодаря органу Джонстона карлики чувствовали, что очень быстро перемещаются на невиданное расстояние.

Мы пересекли сотню магнитных барьеров земли. Куда мы двигались? Сюда. Нас высадили вместе с олеандром. И мы открыли этот мир, его экзотические фауну и флору.

Перемены разочаровывали. Фрукты, цветы, насекомые были меньше, цвета — бледнее.

Карлики покинули родную страну — красную, желтую, синюю, чтобы попасть в мир зеленого, черного и коричневого. Они променяли радугу на пастельные тона.

И потом здесь были зима и холод, сковывавшие буквально все. Дома карлики даже не знали о том, что на свете бывает холод, они страдали только от жары!

Карлики начали придумывать, как бороться с холодом, и нашли два самых эффективных метода: объедаться сахаром и обмазываться слюной улиток.

Сахар можно было добывать из фруктозы клубники, ежевики и вишни. Чтобы достать жир, переселенцы извели под корень всех местных улиток.

Обычаи у карликов, кстати, тоже были удивительными: у них не было ни крылатых самцов и самок, ни брачных полетов. Самки занимались любовью и откладывали яйца у себя дома, под землей. Таким образом, каждый Город карликов обладал не единственной производительницей, а многими сотнями. Это давало им серьезное преимущество: мало того, что рождаемость у них была выше, чем у рыжих, они были значительно менее уязвимы. Чтобы обезглавить Город рыжих муравьев, достаточно было убить королеву, а Город карликов мог возродиться, пока оставалась в живых хотя бы одна самка.

К тому же у карликов был совсем другой взгляд на освоение территорий. В то время как рыжие, благодаря брачным полетам, приземлялись как можно дальше, чтобы потом соединиться тропинками с сияющей империей Федерации, карлики продвигались сантиметр за сантиметром, расширяя территорию центральных Городов.

Даже их скромные габариты служили им во благо. Им нужно было очень мало калорий, чтобы набраться сил и напитать разум. Быстрота их реакции поражала. Например, во время сильного дождя, в то время, пока рыжие сбивались с ног, спасая стада тли и последние яйца из затопленных коридоров, карлики уже давно сидели в дупле сосны, перетащив туда все свои сокровища...

Бело-киу-киуни ерзает, словно для того, чтобы прогнать тревожные мысли. Она сносит два яйца, двух солдат. Рядом нет кормилиц, чтобы их унести, а королева голодна. И она жадно поедает их. Это отличный белок.

Она дразнит хищное растение. Заботы снова навалились на нее. Единственный способ противостоять секретному оружию — изобрести другое, еще более совершенное и страшное. Рыжие муравьи последовательно открыли муравьиную кислоту, изобрели щиты из листьев, ловушки с клеем. Надо просто найти еще что-то. Оружие, которое поразит карликов ужасом, которое будет страшнее их разрушительной ветки!

Королева выходит из ложи, встречает солдат и разговаривает с ними. Она хочет созвать совещание, чтобы ее подданные размышляли о том, как найти секретное оружие

против секретного оружия карликов. Племя одобрительно откликается на ее призыв. Везде солдаты и рабочие собираются в кучки, от трех до пяти муравьев. Соединяя усики треугольником или пятиугольником, они производят сотни абсолютных связей.

— Осторожно, я останавливаюсь! — сказал Гален, боясь, что восемь саперов-спасателей свалятся ему на спину.

— Как же тут темно! Передайте мне лампу посильнее.

Он обернулся, ему протянули большой фонарь. Выглядели спасатели не очень-то уверенно. А у них ведь были кожаные куртки и шлемы. Как Гален не сообразил надеть что-нибудь более подходящее для такой экспедиции, чем обычный пиджак!

Они осторожно спускались. Инспектор, впередсмотрящий группы, тщательно освещал каждый закоулок, перед тем как сделать шаг. Так было медленней, но надежней.

Пучок света выхватил из темноты надпись, выгравированную на своде, на высоте глаз:

Посмотри сам вглубь себя,
Если ты усердно не очистил себя,
Свадьба химикалий нанесет тебе вред.
Горе тому, кто задержится там.
Отступись, не уверенный в своих силах.
Ars Magna

— Вы видели? — сказал спасатель.

— Подумаешь, нацарапал кто-то сто лет назад... — махнул рукой инспектор Гален.

— Чертовщина какая-то...

— Во всяком случае, похоже, что тут очень глубоко.

— А где там об этом написано?

— Да нет, лестницу видите? Можно подумать, что внизу километры ступенек.

Они снова стали спускаться. Они должны были уже находиться метров на полтораста ниже уровня Города. А лестница все заворачивала. Как пропеллер у винтового самолета. У мужчин закружилась голова. Лестница уходила все глубже и глубже.

— Так может продолжаться бесконечно, — проворчал спасатель. — Мы на спелеологов не обучались.

— А я-то думал, что надо просто кого-то вытащить из подвала, — сказал другой, тот, что нес надувные носилки. — Жена ждала меня к ужину к восьми часам, а сейчас уже десять. То-то она небось распсиховалась!

Гален подтянул дисциплину в войске:

— Послушайте, ребята, сейчас мы уже ближе ко дну, чем к поверхности, осталось совсем немного. Ну не бросать же все на полдороге.

В действительности же они не проделали и десятой доли пути.

Через долгие часы АС при температуре, близкой к пятнадцати градусам тепла, группа желтых муравьев-наемников выделила идею, которую остальные нервные центры вскоре признали лучшей.

Так случилось, что в Бел-о-кане много солдат-наемников особого вида, «щелкунчиков». У этих солдат объемные головы и длинные режущие мандибулы, позволяющие им дробить даже самые твердые зерна. Но вот в бою они пасуют, потому что лапки у них коротковаты для тяжелых туловищ.

К чему им с трудом тащиться к месту схватки, где проку от них чуть? Рыжие применяли их в хозяйственных работах, например, для разрезания толстых соломинок.

Желтые же муравьи считали, что из этих толстых увальней можно сделать бьющее без промаха оружие. Достаточно посадить их на плечи шести маленьким проворным рабочим!

Так «щелкунчики», направляя запахом свои «живые ноги», могут на большой скорости обрушиться на противника и изрубить его на куски длинными мандибулами. Несколько объевшихся сахаром солдат тренируются в солярии. Шесть муравьев поднимают «щелкунчика» и бегут, пытаясь двигаться в ногу. Получается у них вроде бы неплохо.

Город Бел-о-кан изобрел танк.

Они не вернулись.

На следующий день газеты пестрели заголовками: «Фонтенбло — Восемь спасателей и один инспектор полиции таинственным образом исчезли в подвале».

При лиловых рассветных отблесках зари муравьи-карлики, окружающие запретный Город Ла-шола-кан, готовятся дать сражение. Рыжие, запертые в своем корне, голодны и обессилены. Они долго не продержатся.

Бой возобновляется. После долгой перестрелки кислотой карлики завоевывают еще два перекрестка. Изъеденное выстрелами дерево извергает из себя трупы осажденных солдат.

Последние рыжие на исходе сил. Карлики продвигаются в Город. Снайперы, спрятавшиеся в углублениях на потолке, не могут их задержать.

Брачная ложа уже где-то близко. В ее глубине королева Лашо-ла-киуни начинает останавливать биенье своего сердца. Все кончено.

Но вдруг самые передовые отряды карликов улавливают запах тревоги. Снаружи что-то происходит. Они поворачивают назад.

Там, на холме Маков, нависающем над Городом, они различают среди красных цветов тысячи черных точек.

Белоканцы в конце концов решились атаковать. Что ж, тем хуже для них. Карлики посылают гонцов, мошек-наемников, предупредить центральный Город.

Все мошки несут одну и ту же феромону:

«Они атакуют. Посылайте подкрепления на восток, чтобы взять их в тиски. Готовьте секретное оружие».

Жар первого солнечного луча, пробившегося сквозь облака, подтолкнул белоканцев к решению: надо атаковать! Восемь часов три минуты белоканские легионы вихрем спускаются с холма, огибают траву, переползают через камешки. Миллионы солдат бегут с раскрытыми мандибулами. Зрелище впечатляющее.

Но карлики не испугались. Они предвидели, что противник может пойти в наступление. Накануне они выкопали в земле множество глубоких ям. Они зарылись в них, торчат одни мандибулы, тела защищены песком.

На этой линии обороны карликов атака рыжих захлебывается. Федеральные войска фехтуют с воздухом, а не с противником, который повернулся к ним защищенной стороной. Нет возможности отрезать ему лапки или оторвать брюшко.

И вот тогда основные силы пехоты Ши-гае-пу, разместившиеся неподалеку под укрытием сатанинского гриба, переходят в контратаку и берут рыжих в клещи.

Если белоканцев миллионы, то шигаепунцев — десятки миллионов. На одного рыжего солдата приходится как минимум пятеро карликов, не говоря уже о воинах, забившихся в ямы и укорачивающих все, до чего дотягиваются их мандибулы. Удача быстро переходит к тем, кто пользуется численным перевесом. Теснимые возникающими отовсюду карликами Федеральные войска рассеиваются.

В девять тридцать шесть они просто отступают. Карлики уже выделяют запахи

победы. Их военная хитрость прекрасно сработала. Даже секретное оружие не понадобилось! Они гонят эту армию трусов и считают осаду Ла-шола-кана доведенной до победного конца.

Но своими маленькими лапками карлики делают десять шагов там, где рыжие совершают один прыжок. Они задыхаются, поднимаясь на холм Маков. Это предвидели стратеги Федерации. Первая атака и преследовала эту цель: выманить войска карликов из низины и обрушиться на них на холме.

Рыжие достигают гребня холма, легионы карликов продолжают преследовать их в полном беспорядке. Наверху вдруг выстраивается лес шипов. Это гигантские щупальца «щелкунчиков». Они сверкают на солнце, потом опускаются параллельно земле и устремляются на карликов. Щелкунчики зерен, щелкунчики карликов!

Эффект внезапности сработал на славу. Щелкунчики косят ошарашенных, с застывшими от страха усиками шигаепунцев, как траву на газоне. Они быстро уничтожают ряды противника, пользуясь неровностями почвы. Под каждым щелкунчиком во всю веселятся шесть рабочих. Они — гусеницы этих танков. Благодаря прекрасной синхронной усиковой связи между башней и колесами, насекомое на тридцати шести лапках и с двумя гигантскими мандибулами спокойно вгрызается в массу противника.

Карлики успевают только увидеть этих мастодонтов, которые двигаются на них сотнями, теснят их, расплющивают, крошат. Гипертрофированные мандибулы опускаются в ряды солдат, с хрустом, как солому, режут их и поднимают в воздух истекающие кровью лапки и головы.

Враг ввергнут в панику. Обезумевшие от ужаса карлики бегут и топчут друг друга, некоторые убивают своих.

Белоканские танки, «причесав» таким образом пехоту карликов, в своем броске прошли ее. Стоп. Сохранив безупречный боевой порядок, они опять поднимаются на холм для новой атаки. Оставшиеся в живых карлики хотят бежать вперед, но наверху вырисовывается второй ряд танков... который начинает спускаться!

Строго параллельные колонны встречаются. Вокруг каждого танка скопилась куча трупов. Это бойня.

Лашолаканцы, издалека наблюдающие за битвой, выходят, чтобы подбодрить своих братьев. Первоначальное удивление сменяется энтузиазмом. Они бросают феромоны радости. Это победа технологии и ума! Никогда еще гений Федерации не проявлялся так ярко.

Ши-гае-пу, тем временем, еще не выложил все карты. У него еще есть секретное оружие. Вообще-то оружие это было создано для выкуривания осажденных и не сдающихся врагов, но, видя, какой печальный оборот принял бой, карлики решают идти ва-банк. Секретное оружие представляет собой черепа рыжих муравьев, переплетенные коричневым растением.

Несколько дней назад муравьи-карлики обнаружили труп разведчика Федерации. Его тело было разорвано изнутри грибом-паразитом, называющимся альтернария. Карлики-ученые осмотрели его вдоль и поперек и заметили, что этот гриб-паразит выделяет летучие споры. Они прилипают к панцирю, проникают сквозь него в тело и растут там, пока не взрывают оболочку.

Вот это оружие!

И притом с гарантией, так как споры приклеиваются к хитину рыжих муравьев и совершенно не действуют на хитин карликов. Дело в том, что мерзляки-карлики взяли за правило обмазываться слюной улиток, а она предохраняет и от альтернарии.

Белоканцы, конечно, изобрели танк, но шигаепунцы придумали бактериологическое оружие. Пехотный батальон карликов продвигается вперед, неся триста черепов зараженных

рыжих муравьев, найденных после первой битвы с Ла-шола-каном.

Их выбрасывают в самую середину вражеских рядов. «Щелкунчики» и их носильщики чихают от смертельной пыли. Заметив, что их панцири покрыты ею, они теряют рассудок. Носильщики бросают свою ношу. «Щелкунчики», вновь ставшие беспомощными, впадают в панику и бешено накидываются на других «щелкунчиков». Начинается беспорядочное бегство.

К десяти часам внезапный холод разводит воюющие стороны. Невозможно сражаться при ледяных порывах ветра. Войска карликов пользуются этим, чтобы отступить. Танки рыжих возвращаются, с трудом преодолевая склон.

В обоих лагерях считают раненых, определяют потери. Предварительные итоги крайне неутешительны. Надо переломить ход битвы.

Белоканцы узнали о спорах альтернарии. Решено добить всех зараженных грибом солдат, чтобы избавить их от предстоящих страданий.

Прибегают разведчики: от этой заразы можно защититься, говорят они, надо обмазаться слюной улитки. Сказано — сделано. Жертвуют тремя моллюсками (найти их все труднее и труднее, и каждый защищает себя от беды).

Происходит контакт усиков. Стратеги рыжих считают, что атаковать только танками уже нельзя. В новом боевом порядке танки займут центр, сто двадцать легионов пехоты и шестьдесят иностранных легионов расположатся по флангам.

Боевой дух восстановлен.

Аргентинские муравьи: муравьи из Аргентины (Iridomyrmex humilis) высадились во Франции в 1920 году. По всей вероятности, они были завезены в кадках с олеандрами, предназначенными для украшения дорог Лазурного Берега. Об их существовании в первый раз упоминается в 1866 году, в Буэнос-Айресе (которому они и обязаны своим названием). В 1891 году их обнаруживают в Соединенных Штатах, в Новом Орлеане.

Спрятавшись в подстилках для экспортных аргентинских лошадей, в 1908 году они прибывают в Южную Африку, в 1910 году — в Чили, в 1917 году — в Австралию и в 1920 году — во Францию.

Этот вид отличается не только крошечными размерами, ставящими их в положение пигмеев по отношению к остальным муравьям, но так же умом и боевым духом, которые остаются его основными характерными чертами.

Едва обосновавшись на юге Франции, аргентинские муравьи начали вести войны против всех местных видов муравьев... и победили их!

В 1960 году «аргентинцы» перевалили через Пиренеи и дошли до Барселоны. В 1967 году они перешли через Альпы и докатились до Рима. Потом, в семидесятых годах, муравьи Iridomyrmex начали подниматься к северу. Скорее всего, они переплыли Луару жарким летом конца девяностых годов. Здесь эти завоеватели, чей военный гений не уступает гению Цезаря или Наполеона, столкнулись с неуступчивыми видами муравьев: рыжими муравьями (на юге и на востоке парижского региона) и муравьями-фараонами (на севере и на западе Парижа).

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Битва Маков не выиграна. В десять часов тринадцать минут Ши-гае-пу решает поторопить подкрепление. Двести сорок легионов резервной армии присоединятся к выжившим после первой атаки. Им рассказывают о танках. Усики соединяются для сеанса абсолютной связи. Должен быть способ разделаться с этими чудо-машинами... К десяти тридцати один из рабочих вносит предложение:

«Подвижность "щелкунчика" заключается в шести его носильщиках. Достаточно отрезать "живые лапки"».

Другой предлагает свое:

«Слабость машин в их неспособности быстро поворачиваться. Можно этим воспользоваться. Надо построиться тесными каре. Дождавшись, когда машины пойдут в атаку, надо разомкнуться и беспрепятственно пропустить их. Затем, пока они еще двигаются по инерции, надо ударить сзади. Они не успеют развернуться».

Третье мнение также:

«Синхронизация движений лапок происходит при усиковом контакте, мы в этом убедились. Достаточно в прыжке отрезать "щелкунчику" усики, чтобы он не смог руководить носильщиками».

Все идеи приняты. И карлики разрабатывают новый план битвы.

Страдание: Способны ли муравьи страдать? В принципе, нет. Они лишены предназначенной для этого нервной системы. Нет нервных окончаний, нет посланий боли. Вот потому-то обрубки муравьиных тел иногда продолжают «жить» очень долго, независимо от остального тела.

Отсутствие боли — новый мир научной фантастики. Без боли нет страха, может быть, даже нет осознания «себя». Энтомологи долго работали над этой проблемой: муравьи не чувствуют боли, может быть, поэтому их общество так сплочено? Это объясняет все и не объясняет ничего. У этой гипотезы есть и другое преимущество: мы можем со спокойной совестью убивать муравьев.

Я бы... очень боялся существа, которое не испытывает боли.

Но эта гипотеза не верна. Обезглавленный муравей выделяет особый запах. Запах боли. Значит, что-то происходит. У муравья нет нервного импульса, но у него есть импульс химический. Он знает, что ему отсекли часть тела, и он страдает. Он страдает совсем не так, как мы, но он страдает.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Бой возобновился в одиннадцать часов сорок семь минут. Длинный плотный ряд солдат-карликов медленно идет на штурм холма Маков.

Между цветами появляются танки. По сигналу они начинают спускаться по склону. Легионы рыжих и наемников гарцуют на флангах, готовясь завершить работу мастодонтов.

Дистанция между двумя армиями уже не больше ста голов... Пятидесяти... Двадцати... Десяти! Как только первый «щелкунчик» входит в контакт с противником, происходит нечто неожиданное. Плотная линия шигаепунцев преобразуется в пунктир. Солдаты перестраиваются в каре.

Каждый танк видит перед собой только пустой коридор. Никому не приходит в голову пойти зигзагом, чтобы настичь карликов. Мандибулы щелкают в воздухе, тридцать шесть ног бессмысленно бегут.

Следует едкий запах:

Отрезайте лапки!

Карлики немедленно ныряют под танки и убивают носильщиков. И быстро выскакивают оттуда, чтобы масса падающего щелкунчика их не раздавила.

Другие храбро бросаются сквозь двойной ряд троих носильщиков и протыкают мандибулой беззащитное брюшко. Струится жидкость, жизненные запасы щелкунчиков выливаются на землю.

Третьи залезают на мастодонтов, отрезают им усики и спрыгивают на ходу.

Танки обрушиваются один за другим. «Щелкунчики» без носильщиков топчутся на месте, как прикованные, их легко добивают.

Ужасное зрелище! Трупы распотрошенных «щелкунчиков» бессмысленно несутся на еще ничего не заметивших шести носильщиках... «Щелкунчики» без усиков видят, как их «колеса», лишенные управления, разъезжаются в разные стороны и погибают...

Такой разгром — настоящий реквием по технологии танков. Сколько в муравьиной истории погибло великих изобретений оттого, что против них слишком быстро нашли защиту!

Легионы рыжих и их наемники, стоящие по флангам танков, обнаруживают, что они оказались беззащитными. Они готовились лишь немного помочь, а теперь вынуждены принять на себя все бремя атаки. Но каре карликов уже сомкнулись, настолько организованно прошло истребление «щелкунчиков». При первом же соприкосновении с врагом, белоканцы сметены в пыль тысячами жадных мандибул.

Рыжим с их кавалерией остается только бежать. Перестроившись на гребне холма, они наблюдают за карликами, медленно идущими на приступ тесными рядами. Страшное зрелище!

В надежде выиграть время самые сильные солдаты подкатывают и спускают вниз по склону гравий. Камнепад не замедляет продвижения карликов. Они ловко уворачиваются от катящихся глыб и немедленно возвращаются в строй. Задавленных мало.

Белоканские легионы исступленно ищут выход из создавшегося положения. Несколько солдат предлагают воевать по старинке. Почему бы просто не выставить артиллерию? Кислоту в начале войны использовали мало, в рукопашной она убивает и своих, и чужих, но против плотных каре карликов она должна помочь.

Артиллеристы торопятся занять позицию, упираются в землю задними лапками, выставляют вперед брюшко. Они вращают ими справа налево и сверху вниз, подыскивая самый лучший угол обстрела.

Карлики, подошедшие снизу совсем близко, видят над гребнем холма кончики тысяч брюшков, но не сразу понимают, что случилось. Они торопятся сделать последний рывок и взобраться на склон.

В атаку! Сомкнуть ряды!

В лагере противника щелкает бичом единственный приказ: *Огонь!*

Нацеленные брюшки выпускают обжигающий яд на каре карликов. *Плюх, плюх, плюх.* Желтые залпы свистят в воздухе, плеткой рассекают первый ряд наступающих.

Сначала плавятся усики. Они стекают на голову. Потом отрава прожигает панцирь, превращая его в тягучую пластмассу.

Измученные тела оседают и образуют небольшую преграду, замедляющую движение карликов. Взбешенные, они собирают силы и с еще большей яростью бросаются на приступ.

Наверху новый ряд артиллеристов перехватывает эстафету. *Огонь!*

Каре распадается, но карлики продолжают идти вперед по мягким трупам.

Третий ряд артиллеристов. К ним присоединяются харкуны клея. *Огонь!*

На этот раз каре просто взрывается. Целые взводы кувыркаются в лужах клея. Карлики пытаются контратаковать, тоже выставив ряд артиллеристов. Те пятятся к вершине и стреляют, не имея возможности прицелиться. На склоне им не во что упереться. *Огонь!* — выделяют карлики. Но их коротенькие брюшки стреляют маленькими капельками кислоты. Даже достигнув цели, такие микроскопические дозы не разъедают, а просто вызывают раздражение на панцире. *Огонь!*

Капли кислоты противников летят перекрестным огнем, зачастую уничтожая друг друга. Видя столь плачевный результат, шигаепунцы отказываются вводить в бой артиллерию.

Они думают выиграть, продолжая тактику сомкнутых каре пехоты.

Сомкнуть ряды!

Огонь! — отвечают рыжие, чья артиллерия продолжает творить чудеса. Новый град кислоты и клея.

Несмотря на эффективность артиллерии, карликам удается взобраться на вершину холма Маков. Черная масса идет стеной, жаждущей мести.

Атака. Ярость. Убийства. Больше нет «военных хитростей». Артиллеристы не могут больше стрелять брюшками, карлики не могут больше сохранять плотность рядов.

Извержение вулкана. Напор. Поток лавы.

Все смешиваются, хватают, догоняют, бегут, оборачиваются, убегают, наступают, рассыпаются, соединяются, атакуют, толкают, тянут, выскакивают, падают, ободряют, плюют, поддерживают, обдают жарким дыханием. Везде жаждут смерти. Борются, фехтуют, рубятся. Бегут по телам, живым и уже неподвижным. На каждом рыжем сидит по крайней мере три взбешенных карлика. Но так как рыжие в три раза больше, борьба идет более-менее на равных.

Рукопашная. Пахучие крики. Горькие феромоны в тумане.

Миллионы острых, зубчатых, зазубренных, в виде сабли, в виде плоских щипцов, с одним лезвием, с двойным лезвием, покрытых ядовитой слюной, клеем, кровью мандибул скрещиваются. Земля содрогается.

Рукопашная.

Усики, усеянные маленькими стрелочками, хлещут воздух, чтобы удержать противника на расстоянии. Когтистые лапки бьют по ним, как по маленьким надоедливым розовым веткам.

Захват. Внезапность. Ошибка.

Противники хватают друг друга за мандибулы, за усики, за голову, за торакс, за брюшко, за лапки, за колени, за локти, за щетки на суставах, за выемки в панцире, за зубцы на хитине, за глаза.

Потом тела спотыкаются, падают на влажную землю. Карлики залезают на бесстрастные маки и прыгают оттуда, выставив когти, на рыжие панцири. Они протыкают хитин на спине и проникают к сердцу.

Рукопашная.

Мандибулы царапают гладкие латы.

Рыжий ловко использует свои усики в качестве двух дротиков, выбрасывая их одновременно. Он протыкает черепа десятку противников, не успевая даже почистить свое залитое прозрачной кровью оружие.

Рукопашная. Насмерть.

Вскоре земля настолько усыпана отрезанными усиками и лапками, что можно подумать, будто под ногами ковер из сосновых иголок.

Осажденные Ла-шола-кана бегут и ныряют в схватку, словно мало им мертвецов.

Побежденный количеством крошечных противников, рыжий впадает в панику, изгибает брюшко и обливается собственной кислотой, убивая и врагов, и себя одновременно. Все расплавляются, как воск.

Чуть поодаль воин с сухим треском отделяет голову от тела своего противника в тот самый миг, когда ему отрывают его собственную.

На солдата № 103683 обрушились первые ряды карликов. С несколькими десятками товарищей по подкасте они сумели построиться треугольником, посеявшим ужас в массе карликов. Треугольник распался, сейчас наш солдат один борется с пятью шигаепунцами, уже покрытыми кровью его собратьев.

Карлики искусывают его с ног до головы. Отбиваясь изо всех сил, № 103683 вдруг вспоминает совет старого воина в зале боевых тренировок:

«Все решается еще до начала боя. Удар мандибулы или бросок кислоты только узаконивают положение превосходства, уже признанное противниками... Все — игра ума. Надо выбрать победу и ничто не устоит».

Это правило действует, быть может, и для противника. Но что делать, когда их пятеро? № 103683 чувствует теперь, что как минимум двое из них хотят победить любой ценой. Один, методично вгрызающийся в сочленение его торакса, и второй, пытающийся оторвать ему левую заднюю лапку. Его захлестывает волна энергии. Он высвобождается, всаживает усик, как стилет, прямо под шею одному, и, оглушив наотмашь ударом мандибулы, отбрасывает другого.

В это время карлики снова забрасывают в самую гущу схватки десятки зараженных альтернарией черепов. Но, так как все защищены слюной улиток, споры летят, скользят по латам и беспомощно падают на плодородную землю. Для новых типов вооружения сегодня определенно несчастливый день. От них уже найдена защита.

В три часа пополудни бой достигает апогея. От сохнущих мириесеянских трупов по воздуху разносится характерный запах масличной кислоты. В четыре тридцать рыжие и карлики, еще держащиеся хотя бы на двух лапках, продолжают крошить друг друга под Маками. Схватка прекращается лишь в пять часов из-за шквального порыва ветра, предвещающего неминуемый дождь. Как будто небо изнемогло от такого количества жестокости. Или просто-напросто наконец прольются запоздавшие мартовские дожди.

Уцелевшие и раненые отступают. Итог: из пяти миллионов карликов погибло четыре миллиона. Ла-шола-кан освобожден.

До самого горизонта земля усеяна расчлененными телами, разбитыми панцирями, страшными обрубками, еще порой шевелящимися, испускающими последнее дыхание.

Повсюду озера прозрачной крови, лужи желтоватой кислоты.

Несколько карликов, увязших в болоте клея, пытаются выкарабкаться, надеясь успеть скрыться в Городе. Пока не начался дождь, птицы торопливо склевывают их.

В угольно-черных тучах сверкают молнии, в их свете блестят корпуса нескольких танков с неподвижными, угрожающе воздетыми вверх мандибулами, словно еще желающими атаковать далекое небо. Актеры ушли, дождь моет сцену.

Она говорила с набитым ртом.

— Билшейм?

— Алло?

— Подождите, сейчас прожую... Вы издеваетесь надо мной, Билшейм? Вы газеты видели? Инспектор Гален ведь ваш? Такой противный юнец, он еще с места в карьер пытался мне тыкать?

Это была Соланж Думен, директор отдела Судебной полиции.

— Я вам велела его выгнать, а теперь он, видите ли, герой, погиб на боевом посту. Вы олух царя небесного. Как вы могли послать такого неопытного человека на такое серьезное дело?

— Гален достаточно опытный, даже ценный работник. Я думаю, что мы недооценили само дело...

— Хорошие работники находят решение, плохие — оправдания.

— Есть такие дела, в которых даже лучшие из нас...

— Есть такие дела, в которых даже худшие из вас должны добиться успеха. Пойти выудить супружескую пару из подвала как раз из этой категории.

— Я не оправдываюсь, но...

— Засуньте ваши оправдания знаете куда? Доставьте мне удовольствие, переверните этот подвал вдоль и поперек и вытащите мне всех оттуда. Герою вашему поставьте на могиле памятник, по-христиански. А мне до конца месяца нужна хвалебная статья о нашем подразделении.

— А как насчет...

— И все насчет этой истории! Я хочу, чтобы вы заткнулись! И возню с прессой вы поднимете, когда дело будет закончено. Если хотите, возьмите шесть жандармов и лучшие инструменты. Все!

— А если...

— А если вы сядете в калошу, я обещаю вам трудности с пенсией!

Соланж положила трубку.

Комиссар Билшейм умел разговаривать со всеми психами, кроме нее. Он решил разработать план десанта.

Когда человек испытывает страх, счастье или бешенство, его эндокринные железы вырабатывают гормоны, влияющие только на его собственный организм. Они заключены в замкнутое пространство. У него чаще забьется сердце, он будет потеть, или гримасничать, или кричать, или плакать. Это его личное дело. Другие будут смотреть на него без участия, или будут сочувствовать ему оттого, что так решил их интеллект.

Когда муравей испытывает страх, счастье или бешенство, вырабатываемые им гормоны выходят из его тела и проникают в тела его товарищей. Благодаря ферогормонам или феромонам миллионы существ будут одновременно кричать и плакать. Удивительное, должно быть, ощущение — переживать то, что случилось с другими, и заставлять других переживать то, что случилось с тобой...

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Во всех Городах Федерации — ликование. Все щедро предлагают измученным воинам богатую сахаром трофаллаксию. Однако героев здесь нет. Каждый выполнил свою задачу, неважно, хорошо или плохо, миссия закончилась, все начинается с нуля.

Раны обрабатываются большим количеством слюны. Несколько наивных юнцов держат в мандибулах потерянные в бою и чудом подобранные две или три свои лапки. Беднягам объясняют, что обратно они не приклеятся.

В большом зале для тренировок на минус сорок пятом этаже солдаты последовательно восстанавливают эпизоды битвы Маков для тех, кто ее не видел. Половина изображает карликов, половина — рыжих.

Они изображают в лицах штурм запретного Города Ла-шола-кана, наступление рыжих, борьбу с окопавшимися головами, обманное отступление, появление танков, их бегство от каре карликов, штурм холма, вступление в бой артиллерии, финальную схватку...

В толпе много рабочих. Они комментируют каждую картину. Особенно всех интересуют танки. В этом деле каста рабочих играет не последнюю роль, они считают, что отказываться от танков не стоит, просто надо более обдуманно их использовать, не только на фронтальном наступлении.

По сравнению с другими уцелевшими в сражении № 103693 отделался сущей царапиной. Он потерял одну лапку. Пустяк, когда их у тебя шесть. Тут и говорить не о чем. Самка № 56 и самец № 327, как обладающие полом, не могли участвовать в битве. Они увлекают № 103683 в уголок. Контакт усиков.

— *Здесь проблем не было?*

— *Нет, воины с запахом скальных камней все были на поле боя. Мы сидели в*

запретном Городе, на случай, если карлики сюда доберутся. А там? Ты видел секретное оружие?

— Нет.

— Как нет? Говорили о движущейся ветке акации...

№ 103683 объясняет, что единственным новым оружием, с которым они столкнулись, была ужасная альтенария, но от нее нашли защиту.

— Не это убило первую экспедицию, — констатирует самец. — Альтенария убивает долго. Кроме того, он уверен: ни на одном из трупов, которые он осматривал, не было и следа смертельных спор.

— Ну и что тогда?

Озадаченные муравьи продолжают контакт усиков. Они хотят как следует во всем разобраться. Опять кипят идеи и мнения.

Почему карлики не прибегли к оружию, которое так эффективно уничтожило двадцать восемь разведчиков?

Они ведь сделали все для достижения победы. Если бы у них в лапках было такое оружие, они бы уж не преминули им воспользоваться. А если его у них не было? Карлики всегда появляются до или после применения секретного оружия, но, может быть, это чистая случайность...

Эта гипотеза вполне согласуется с атакой на Ла-шола-кан. Что же касается первой экспедиции, то кто-то спокойно мог оставить опознавательные запахи карликов, чтобы пустить Племя по ложному следу. Кому же это могло быть выгодно? Если не карлики подстроили все это, то кого подозревать? Кого-то еще! Другого давнего, вековечного врага: термитов!

Подозрение было вполне обоснованным. Вот уже давно отдельные солдаты большого термитника на Востоке пересекают реку и совершают рейды в Федеральные зоны охоты. Да, конечно, это термиты. Они решили натравить карликов и рыжих друг на друга. Так они избавляются от обоих без единого выстрела. Противники ослаблены, остается лишь занять их муравейники.

А воины с запахом скальных камней? Шпионы — наемники термитов, тут и думать нечего.

Чем больше общая мысль оттачивается, проносясь в головах троих друзей, тем больше им верится в то, что термиты Востока владеют таинственным «секретным оружием».

Но друзей отвлекают и перебивают их мысли общие запахи Племени. Город решил воспользоваться передышкой между войнами и устроить праздник Возрождения: он состоится завтра.

Все касты по местам! Самки и самцы в зале фляг должны пополнить запасы сахара! Артиллеристы должны перезарядить брюшки в зале органической химии!

Перед тем как покинуть своих товарищей, солдат № 103683 выделяет феромон:

«Удачного совокупления! Не беспокойтесь, я не брошу расследование. Когда вы будете в небе, я пущусь в путь к большому термитнику на Востоке».

Как только они расстались, появились два убийцы, здоровяк и хромой солдатик. Они обследуют стены и собирают летучие феромоны разговора троицы.

После трагедии с инспектором Галеном и спасателями Николя поместили в детский приют, расположенный всего в нескольких сотнях метров от улицы Сибаритов.

Кроме настоящих сирот, здесь были подкидыши и дети, которых родители избивали. Люди, увы, принадлежат к немногим живым существам, способным покинуть свое потомство или плохо обращаться с ним. И этому потомству приходилось здесь нелегко. Воспитывать в приюте означало хорошенько отшлепать пониже спины. Дети росли, ожесточались.

Большинство из них пополняло армию работяг.

В первый день Николя отрешенно сидел на балконе и смотрел на лес. На другой день он снова погрузился в спасительное болото телевидения. Телевизор стоял в столовой. Воспитатели, довольные тем, что могут отдохнуть от сопляков, разрешали детям одуревать перед ним часами. Вечером в спальне Жан и Филипп, два других воспитанника, засыпали Николя вопросами.

— Что с тобой случилось? — спросил Жан.

— Ничего.

— Ха, рассказывай! В твоем возрасте сюда не попадают. Сколько, кстати, тебе лет?

— Я знаю, — вставил Филипп. — Вроде бы его родителей муравьи сожрали.

— Кто вам сказал такую глупость?

— Сорока на хвосте принесла. Хочешь знать, какая сорока? Скажи, что случилось с твоими родителями.

— Да идите вы...

Сильный Жан схватил Николя за плечи, Филипп в это время уже выкручивал ему руку.

Николя, брыкаясь, высвободился и ударил Жана по шее ребром ладони (такой приемчик он видел по телевизору в тайваньском боевике). Жан закашлялся. Филипп снова бросился в бой, пытаясь задушить Николя, и тот ударил его локтем в живот. Выиграв схватку у Филиппа, Николя встал на колени, согнулся пополам и снова взялся за Жана — плюнул ему в глаза. Тот бросился и укусил Николя до крови за ногу. Трое мальчишек покатились под кровати, продолжая бешено драться. Наконец Николя был побежден.

— Скажи мне, что случилось с твоими предками или мы тебя накормим муравьями!

Эту угрозу Жан придумал во время драки. Он был ей очень доволен. Пока он прижимал новенького к полу, Филипп побежал за какими-нибудь перепончатокрылыми, нередко встречавшимися в здешних местах, и, вернувшись, стал размахивать насекомыми перед лицом Николя:

— Смотри, вон какие жирные!

(Словно муравьи, чье тело покрыто твердым панцирем, могут растолстеть от излишка жира!)

Потом Филипп зажал Николя нос. Мальчик был вынужден открыть рот, и ему туда с отвращением швырнули трех молодых рабочих, у которых, между прочим, было много неотложных дел. Николя удивился, как никогда в жизни. Муравьи были восхитительными на вкус.

Мальчики, изумленные тем, что новенький не выплевывает такую гадость, захотели тоже ее попробовать.

Зал фляг с молочком — одно из недавних нововведений Бел-о-кана. Технология «фляг», на самом деле, была позаимствована у муравьев с Юга, которые, с наступлением жаркой погоды, постоянно поднимаются к Северу.

Само собой разумеется, что Федерация обнаружила зал с флягами во время победоносной войны.

Война — лучший источник и лучший вектор циркуляции изобретений в общественном мире насекомых.

Сначала белоканские легионеры ужаснулись при виде — чего бы вы думали? Рабочих, обреченных всю жизнь висеть под потолком вниз головой с настолько раздутым брюшком, что оно становилось раза в два больше, чем у королевы. Южане объяснили, что эти «жертвенные» муравьи были живыми конфетами, способными сохранять в свежем виде неисчислимые запасы нектара, росы или молочка.

В общем, оказалось достаточным довести до логического конца идею «социального зоба», чтобы прийти к идее «муравья-цистерны» — и претворить ее в жизнь. Надо было пощекотать кончик брюшка живого холодильника, и он начинал отдавать по капле или даже ручейком свой бесценный сок.

Благодаря этой системе южане сумели противостоять бичу своих мест — засухе. Во время миграций они несли свои фляги в лапках и им хватало воды на все путешествие. Послушать их, конфеты были так же бесценны, как яйца.

Белоканцы украли эту технологию, но, в основном заинтересовались беспримерной возможностью сохранять продукты свежими, надолго и в больших количествах.

Все самцы и самки Города явились в зал, чтобы сделать запас сахара и воды. Перед каждой живой флягой выстраивается очередь крылатых просителей. № 327 и № 56 насыщаются вместе, потом расстаются.

Когда все самки, самцы и артиллеристы уходят, муравьи-цистерны остаются пустыми. Армия рабочих торопится опять заправить их нектаром, росой и молочком, пока их растянутые брюшки вновь не превратятся в маленькие блестящие шары.

Воспитатель застиг Николя, Филиппа и Жана на месте преступления и одинаково наказал всех троих. Так они стали друзьями не разлей вода.

Чаще всего их можно было найти в столовой, перед телевизором. Сегодня они лакомились очередной порцией неистощимого сериала «Я пришелец и горжусь этим».

Нынешняя серия была о том, как космонавты высадились на планету, где обитали гигантские муравьи. От восторга мальчишки завизжали и принялись толкаться локтями.

«Здравствуйте, мы — земляне.

— Здравствуйте, мы — гигантские муравьи с планеты Цгю».

В остальном сценарий оказался довольно банальным: гигантские муравьи были телепатами. Они мысленно посылали землянам приказы убивать друг друга. Но последний оставшийся в живых землянин все понял и поджег вражеский Город... Довольные таким концом, дети решили пойти съесть нескольких сладких муравьев. Но, как ни странно, пойманные на этот раз муравьи уже не имели вкуса конфет, как в первый раз. Они были поменьше и кислыми на вкус. Как концентрированная лимонная кислота.

Все должно произойти около полудня в самой высокой точке Города.

С первым утренним теплом артиллеристы устроились в защитных нишах, короной расположенных вокруг верхушки. Уставив анальное отверстие в небо, они послужат противовоздушной обороной от птиц, которые не преминут скоро пожаловать. Некоторые укрепляют брюшко между веточками, чтобы уменьшить отдачу. Заняв такую позицию, артиллеристы рассчитывают, что смогут дать два-три залпа по одной цели с достаточной точностью.

Самка № 56 находится в своей ложе. Бесполые прислужницы обмазывают ее крылья защитной слюной. *Вы уже выходили в Большой Внешний Мир?* Рабочие не отвечают. Конечно они уже выходили, но к чему говорить ей о том, что снаружи полно деревьев и травы? Через несколько минут потенциальная королева сама все поймет. Узнать через контакт усиков о том, что такое мир, — да уж, те, у кого есть пол, и впрямь больше оригиналы.

Но, несмотря на это, рабочие продолжают ее усердно готовить. Они вытягивают ее лапки, чтобы придать им гибкость. Они заставляют ее выгибаться, чтобы похрустели сочленения торакса и брюшка. Они проверяют, нажатием выдавив капельку, полон ли ее социальный зоб молочка. Сиропа должно хватить на несколько часов непрекращающегося полета.

Ну вот, № 56 готова. Кто следующий?

Принцесса, в лучших нарядах и ароматах, покидает гинецей. Самец № 56 не ошибся, это действительно настоящая красавица.

Она едва может приподнять крылья. Ужас, как они быстро выросли за последние дни. Теперь они такие длинные и тяжелые, что волочатся по земле... как шлейф невесты.

Из коридоров появляются другие самки. В компании сотни девственниц № 56 уже идет среди веточек купола. Некоторые из них от волнения цепляются за соломинки, их четыре крыла от этого царапаются, рвутся или даже просто отрываются. Несчастные останавливаются, они уже никак не смогут взлететь. Расстроенные, они спускаются на пятый этаж. Как принцессы карликов, они не познают полета любви. Они будут просто глупо размножаться в закрытом зале, на уровне земли.

Самка № 56 еще невредима. Она перепрыгивает с соломинки на соломинку, следя за тем, чтобы не упасть и не повредить свои нежные крылья.

Сестра, идущая рядом с ней, просит о контакте усиков. Она спрашивает, какие же они, эти знаменитые самцы-производители. Вроде трутней или мух?

№ 56 не отвечает. Она думает о № 327, о загадке «секретного оружия». Все кончено. Нет больше рабочей группы. Во всяком случае, для самца и самки. Дело отныне в когтях № 103683.

С грустью вспоминает она все их приключения.

Беглый самец, проникающий в ее ложу... без паспорта!

Их первая абсолютная связь.

Их встреча с № 103683.

Убийцы с запахом скального камня.

Бег в подвалах Города.

Укрытие, полное трупов тех, кто мог стать их «легионом».

Ломешуза.

Секретный проход в гранитной скале...

На ходу перебирает она происшедшее и думает о том, что ей повезло. Никто из ее сестер не пережил таких событий, даже не покинув Города.

Убийцы с запахом скальных камней... Ломешуза... Тайный проход в гранитной скале... Сойти с ума все сразу не могли. Наемники, шпионящие в пользу термитов? Нет, вряд ли, тогда их было бы не так уж много и они не были бы так хорошо организованы.

И оставался один, ни с чем несообразный пункт: зачем нужны запасы продовольствия на дне Города? Чтобы кормить шпионов? Нет, там хватит на миллионы... Шпионов все-таки не миллионы.

И эта странная ломешуза. Это насекомое, живущее на поверхности земли. Она просто не может без посторонней помощи спуститься на минус пятидесятый этаж. Значит, ее перенесли. Но как только ты приближаешься к этому насекомому, оно пленяет тебя своим запахом. Значит, завернуть монстра в мягкие листья и незаметно спустить вниз одному не под силу.

Чем больше она об этом думает, тем яснее понимает, что такую операцию провернуть ой как непросто. Действительно, если разобраться, все выглядит так, как будто часть Племени тщательно скрывает от своих собратьев какой-то секрет.

Новые мысли сверлят ей голову. Она останавливается. Ее товарки думают, что она ослабела от волнения перед брачным полетом. Иногда это случается, обладающие полом так чувствительны. Она наклоняет усики ко рту. Она быстро повторяет про себя: уничтоженная первая экспедиция, секретное оружие, тридцать убитых легионеров, ломешуза, тайный ход в гранитной скале, запасы продовольствия...

Так вот оно что, черт возьми, все понятно! Она бросается назад, против движения.

Только бы не было слишком поздно!

Воспитание: Воспитание муравьев происходит согласно следующим этапам.

С первого по десятый день большинство детей занимаются королевой-матерью. Они за ней ухаживают, облизывают ее, ласкают. В ответ королева обмазывает их своей питательной и дезинфицирующей слюной.

С одиннадцатого по двадцатый день рабочие получают право ухаживать за коконами.

С двадцать первого по тридцатый день они следят за личинками и кормят их.

С тридцать первого по сороковой день они помогают по хозяйству и в дорожных работах, продолжая ухаживать за королевой-матерью и куколками.

Сороковой день — важная дата. Рабочие считаются уже достаточно опытными и получают право выходить из Города.

С сорокового по пятидесятый день они служат охранниками или доильщиками тли.

С пятидесятого и по последний день своей жизни они могут предаться самому волнующему для муравья Города занятию: охоте и разведке неизвестных местностей.

Примечание: с одиннадцатого дня самцов и самок не заставляют работать. Чаще всего они остаются не у дел в своих кварталах до дня брачного полета.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самец № 327 тоже готовится. Насколько он может уловить усиками, другие самцы говорят только о самках. Мало кто из них видел их, а если и видел, то лишь мельком взглянул в коридорах запретного Города. Многие фантазируют. Воображают убийственно эротичных самок с опьяняющим запахом.

Один из принцев утверждает, что занимался с самкой трофаллаксией. Ее молочко пахло березовым соком, а половые гормоны — нарциссами.

Остальные молча завидуют ему.

№ 327, который действительно пробовал молочко самки (и какой!) знает, что оно ничем не отличается от молочка рабочих или конфет. Но он не вмешивается в разговор. Вскоре ему приходит в голову шальная мысль. Как бы он хотел отдать самке № 56 сперматозоиды, необходимые для создания ее будущего Города. Если бы он мог ее разыскать... Как жаль, что он не подумал о том, чтобы выделить отличительный феромон. Он бы нашел ее в толпе.

Когда самка № 56 входит в зал для самцов, она вызывает всеобщее изумление. Это нарушение всех правил Племени. Самцы и самки должны увидеть друг друга в первый раз во время брачного полета. Мы вам не какие-нибудь там карлики, мы в коридорах не совокупляемся. Принцы, так мечтавшие узнать, что такое самка, застывают на месте. Они все выделяют враждебный запах, означающий, что она не должна оставаться в этом помещении.

Несмотря на это, она продолжает идти вперед среди сутолоки приготовлений. Она расталкивает всех, громко выделяя свои феромоны.

№ 327! № 327! № 327, где ты?

Принцы решительно говорят ей о том, что так своего самца-оплодотворителя не выбирают. Нужно быть терпеливой, довериться случаю. Гордость надо иметь...

Но самка № 56 все-таки находит, наконец, своего друга. Он мертв. Его голова отрублена ударом мандибулы.

Тоталитаризм: Муравьи интересуют людей, так как людям кажется, что эти

насекомые сумели создать успешную тоталитарную систему. И действительно, со стороны кажется, что в муравейнике все работают, все подчинены системе, все готовы к самопожертвованию, все одинаковы. А у людей все тоталитарные системы всегда ждал бесславный конец...

А если скопировать социальное насекомое (разве пчела не была эмблемой Наполеона)? Феромоны, наводняющие муравейник глобальной информацией, это сегодняшнее планетарное телевидение. Человек считает, что, предлагая всем то, что он считает лучшим, он создаст однажды совершенное общество.

Не в этом суть вещей.

Природа, да простит нас господин Дарвин, не идет к господству лучшего (да и каковы критерии, кстати?).

Природа черпает свои силы в разнообразии. Ей нужны хорошие, плохие, сумасшедшие, отчаявшиеся, ловкие, больные, горбатые, с заячьей губой, веселые, грустные, умные, глупые, эгоисты, щедрые, маленькие, большие, черные, желтые, красные, белые... Ей нужны все религии, все философии, весь фанатизм, вся мудрость... Единственная опасность заключается в том, что один вид может истребить другой.

Бывают, что поля искусственно созданной людьми и состоящей из близнецов-початков кукурузы (которая устойчива к засухе, лучше противостоит холоду и к тому же дает самые красивые зерна) вдруг засыхали от ничтожной болезни. В то время как поля дикой кукурузы, где встречается много сортов, каждый со своими особенностями, недостатками, аномалиями, всегда находят защиту от заразы.

Природа ненавидит однообразие и любит разнообразие. В этом, быть может, и есть ее гений.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Она возвращается под купол маленькими подавленными шажками. В коридоре, недалеко от гинецея, ее инфракрасные глазки различают два силуэта. Это убийцы с запахом скальных камней! Здоровяк и хромой малыш!

Они идут прямо на самку № 56. Она гудит крыльями и прыгает на шею хромому. Но они уже схватили ее. Однако, вместо того чтобы ее убить, они предлагают усиковый контакт. Самка в ярости. Она спрашивает их, зачем они убили самца № 327, ведь в любом случае он погиб бы во время брачного полета. Почему они его убили?!

Убийцы пытаются ее вразумить. Есть вещи, говорят они, которые не терпят отлагательства, которые должны быть сделаны любой ценой. Есть вещи, неприглядные с виду, осуждаемые всеми, но которые, тем не менее, нужны как воздух для того, чтобы Племя продолжало жить нормально. Нельзя допускать простодушия... Сообщество Бел-о-кан того стоит. И если это необходимо, оно защищается!

Так, значит, они не шпионы?

Нет, они не шпионы. Они даже утверждают, что они... главные хранители безопасности и здоровья Племени.

Принцесса рыдает феромонами гнева. Значит, № 327 был опасен для Племени! Да, отвечают убийцы. Когда-нибудь она поймет, говорят они, она еще так молода...

Поймет?! Что она поймет? Что в самом сердце Города есть великолепно организованные убийцы, заявляющие, что спасают его, убивая самцов, которые «видели нечто, принципиально важное для выживания Племени».

Хромой снисходит до объяснений. Из его речи становится ясно, что воины с запахом скальных камней — «борцы с губительным стрессом». Есть положительные стрессы, ведущие Племя к битвам и развитию, и есть стрессы губительные, ведущие Племя к

саморазрушению...

Не всю информацию надо распространять. Определенная информация провоцирует «метафизическую» тревогу, средство против которой еще не найдено. Племя приходит в волнение, но не видит решения и не знает, как реагировать...

Это очень плохо для всех. Племя начинает производить токсины, которые его отравляют. «Долговременное» выживание Племени важнее, чем «кратковременное» знание. Если глаз видел что-то, что мозг считает опасным для всего организма, лучше, чтобы мозг выколол этот глаз...

Толстяк подхватывает тираду хромого, чтобы завершить речь таким образом:

Мы выкололи глаз,
Мы отрезали нервные окончания,
Мы остановили тревогу.

Усики настаивают на том, что все организмы снабжены точно такой же системой параллельной безопасности. Не имеющие ее умирают от страха или кончают жизнь самоубийством, не в силах противостоять тревогам, что провоцируют некоторые происходящие события.

№ 56 удивлена, но не теряется. Отличный феромон, нечего сказать! Если они хотят скрыть то, что секретное оружие существует, то в любом случае время упущено. Все знают, что от него уже пострадал Лашола-кан, даже если технология оружия остается неведомой...

По-прежнему невозмутимые солдаты не ослабляют хватки. О Ла-шола-кане все уже забыли, победа усыпила любопытство. Достаточно понюхать по коридорам: токсинами даже и не пахнет в буквальном смысле слова. Все Племя спокойно в преддверии праздника Возрождения. Ну и что они от нее хотят? Зачем они так стискивают ей голову?

Во время погони на нижних этажах хромой заметил третьего муравья. Солдата. Какой у него идентификационный номер?

Так вот почему они не убили ее сразу! Вместо ответа самка глубоко вонзает оба усика в глаза толстяку. Ему очень больно, хотя он и слеп от рождения. Изумленный хромой разжимает лапки.

Самка бежит и летит, чтобы передвигаться быстрее. Ее крылья поднимают облако пыли, которое задерживает ее преследователей. Скорей, надо обязательно выйти на купол!

Она чудом избежала смерти. И сейчас она начнет новую жизнь.

Отрывок из речи-петиции против игрушечных муравейников, произнесенной Эдмоном Уэллсом перед комиссией по расследованию Национальной Ассамблеи:

«Вчера я видел в магазинах новые игрушки, поступившие в продажу к Рождеству. Это прозрачные пластиковые коробки, наполненные землей с шестьюстами муравьями внутри и гарантией на плодоносную королеву.

Видно, как муравьи работают, роют, бегают.

Ребенка это завораживает. Как будто ему дарят Город. Только жители крошечные, как сотни маленьких подвижных и самостоятельных кукол.

Честно говоря, у меня самого есть похожие муравейники. Просто потому, что я, как биолог, изучаю их. Я поместил их в аквариумы, закрытые воздухопроницаемым картоном. Каждый раз, когда я нахожусь перед моим муравейником, у меня возникает странное ощущение. Я для них всемогущ. Я как будто их Бог...

Если я захочу лишить их пищи, все мои муравьи умрут, если я захочу, чтобы пошел дождь, мне достаточно полить Город из лейки, если я захочу повысить температуру в Городе, я могу поставить его на батарею, если я захочу выкрасть одного муравья, чтобы рассмотреть

его под микроскопом, я беру пинцет и опускаю его в аквариум, если мне взбредет в голову убить их, мне не будет оказано никакого сопротивления. Они даже не поймут, что с ними произошло.

Заявляю вам, господа, со всей ответственностью, что наша власть над этими существами безгранична, просто в силу их физиологических особенностей.

Я не злоупотребляю своей властью. Но я представляю себе ребенка... он ведь тоже может сделать с ними все, что захочет.

Иногда мне в голову забредает шальная мысль. Глядя на эти песчаные Города, я думаю: а если бы это был наш Город? Если бы мы были бы заключены в какой-нибудь аквариум, и за нами наблюдал бы какой-нибудь гигант?

А вдруг Адам и Ева были двумя подопытными кроликами, которых эксперимента ради поместили в лабораторные условия, чтобы "посмотреть"?

А вдруг изгнание из рая, о котором говорится в Библии, было всего лишь сменой аквариума?

А вдруг всемирный потоп был всего-навсего стаканом воды, пролитым неосторожным или любопытным Богом?

Этого не может быть, скажете мне вы? Как знать... Единственная разница: моих муравьев удерживают стеклянные стенки, а нас — физическая сила, земное притяжение! Мои муравьи сумели-таки прогрызть картон, многие уже убежали. А нам удается, преодолевая притяжение Земли, посылать в космос ракеты.

Вернемся к Городам в аквариуме. Как я уже вам говорил, я — великодушный, милосердный и даже немного суеверный Бог. Я не заставляю своих подданных страдать. Я не делаю с ними того, что я не хочу, чтобы делали со мной.

Но тысячи муравейников, проданных к Рождеству, превратят детей в таких же маленьких богов. Будут ли они так же великодушны и милосердны, как я?

Конечно, многие из них поймут, что они отвечают за целый Город и что это им дает не только права, но и обязанности: кормить обитателей Города, следить за температурой воздуха, не убивать их забавы ради.

Однако дети, и самые маленькие, еще не чувствующие ответственности, тоже переживают неприятности: плохие отметки, споры с родителями, ссоры с приятелями. В припадке гнева они могут совершенно забыть про свои обязанности "молодого бога", и я не решаюсь даже представить себе судьбу их "подопечных"...

Я не прошу вас проголосовать за закон, запрещающий игрушечные муравейники, во имя жалости к муравьям или в защиту прав животных. Животные не имеют прав: мы их выращиваем, чтобы затем употребить в пищу. Я прошу вас проголосовать за этот закон, подумав о том, что нас самих, может быть, изучают, и мы сами являемся пленниками гигантской структуры. Хотели бы вы, чтобы Земля однажды была подарена на Рождество молодому безответственному Богу?»

Солнце в зените.

Опоздавшие самцы и самки скопились в артериях, подступающих к поверхности Города. Рабочие подталкивают их, облизывают, подбадривают.

Самка № 56 растворяется на время в этой праздничной толпе, где все опознавательные запахи смешались. Никто здесь ее не обнаружит. Отдавшись движению волн своих сестер, она поднимается все выше и выше и идет по незнакомым ей кварталам.

Вдруг, на повороте коридора, она встречает что-то, чего никогда еще не видела. Свет дня. Сначала он просто отражается от стен, но вскоре становится ослепительным. Так вот она какая, таинственная сила, которую ей описывали кормилицы. Теплый, мягкий, прекрасный свет. Обещание нового сказочного мира.

Поглощая прямые фотоны глазными яблоками, она словно пьянеет. Как будто выпила слишком много перебродившего молочка на тридцать втором этаже.

Принцесса № 56 продолжает идти вперед. Земля покрыта белыми твердыми пятнами. Она скользит в этих горячих фотонах. Для существа, чье детство прошло под землей, контраст поразительный.

Новый поворот. Пучок открытого света потрясает ее, он расширяется в сияющий круг, затем — в серебряное полотно. Такая атака заставляет ее отступить. Сияющие частицы проникают в глаза, обжигают зрительные нервы, грызут все три мозга. Три мозга, наследство предков-червей, у которых нервный узел был в каждом сегменте, нервная система в каждой части тела.

Она идет навстречу фотонному ветру. Вдали она различает силуэты сестер, раздавленных светом солнечной звезды. Они похожи на привидения.

Она идет дальше. Ее хитин нагревается. Свет, который ей тысячу раз пытались описать, никакому описанию не поддается, его надо пережить! Она думает о рабочих из подкасты «привратников», что всю свою жизнь проводят под землей и не ведают, что такое внешний мир и его солнце.

Она входит в стену света и оказывается снаружи Города. Ее фасеточные глаза понемногу привыкают к сиянию дня. Она вдруг чувствует покалывание свежего воздуха. Холодного, подвижного и полного ароматов воздуха, совсем не такого, как привычная атмосфера того мира, в котором она жила.

Ее усики дрожат, она больше не владеет ими. Порыв ветра пригибает их к ее лицу. Ее крылья дергаются.

Наверху, на макушке купола, ее принимают рабочие. Они хватают ее за лапки, вытаскивают, толкают к шумной толпе сотен самцов и самок, которые топчутся на маленькой площадке. Принцесса № 56 понимает, что находится на взлетной полосе брачного полета. Но надо подождать, пока улучшится погода.

Пока ветер продолжает озорничать, самцов и самок заметили воробьи. В восторге от такой удачи, они опускаются все ниже и ниже. Когда воробьи подлетают слишком близко, артиллеристы, расположившиеся вокруг верхушки, награждают их залпами кислоты.

Но вот один из пернатых разбойников решил попытать счастья: он ныряет в толпу, хватает трех самок и взлетает! Пока агрессор не набрал высоту, его сбивают артиллеристы, он падает и, с еще полным клювом, жалко катится по траве, надеясь вытереть яд с крыльев. Пусть это всем послужит уроком! Воробьи, и вправду, немного отпрянули... Но они не так глупы. Они опять вернутся и снова захотят проверить противовоздушную оборону.

Хищник: Какова была бы человеческая цивилизация, если бы не избавилась от основных хищников, таких как волки, львы, медведи или гиены? Конечно, это была бы цивилизация постоянной тревоги, неуверенности в завтрашнем дне.

Римляне, чтобы пощекотать себе нервы, во время пиров приказывали рабам принести труп. И все вспоминали о том, что победы призрачны, что смерть может прийти в любой момент.

Но человек наших дней уничтожил, устранил, выставил в музеях всех, кто мог бы его съесть. Его беспокоят только микробы и, может быть, муравьи.

Мирмесеянская цивилизация, напротив, развилась, не сумев побороть основных хищников. Итог: насекомое живет в постоянной тревоге. Оно знает, что проделало только половину пути, потому что даже самое глупое животное может одним движением лапы разрушить плод тысячелетней вдумчивой работы.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Ветер успокоился, порывы его стали реже. Температура повышается. В двадцать два градуса тепла Город решает отпустить своих детей в полет.

Самки жужжат своими четырьмя крыльями. Они готовы, больше чем готовы. Все эти запахи зрелых самцов довели их сексуальный аппетит до предела.

Первые девственницы грациозно отрываются от земли. Они поднимаются на сотню голов, и... воробьи сметают их. Ни одна не уцелела.

Внизу смятение, но, несмотря ни на что, надо продолжать. Вторая волна поднимается. Четыре самки из ста прорываются сквозь заслон клювов и перьев. Самцы отбывают в погоню плотной эскадрой. Их пропускают, они слишком малы, чтобы заинтересовать воробьев.

Третья волна самок бросается на штурм облаков. Их ждут более пятидесяти птиц. Это бойня. Не уцелел никто. А птиц все больше и больше, как будто они сговорились. Наверху уже воробьи, дрозды, малиновки, зяблики, голуби... Они громко гомонят. У них тоже праздник!

Взлетает четвертая волна. И опять ни одна самка не спаслась. Птицы дерутся между собой за самые лакомые кусочки.

Артиллеристы нервничают. Они вертикально стреляют изо всей мощи своих желез. Но хищники слишком высоко. Смертельные капли дождем падают обратно на Город, причиняя сильный ущерб и нанося раны.

Самки в ужасе отступают. Прорваться невозможно, лучше уж спуститься и совокупляться в зале, вместе с ранеными принцессами.

Пятая волна встает, готовая к высшей жертве. Надо изо всех сил попытаться пробить стену клювом! Семнадцать самок пролетают, вплотную сопровождаемые сорока тремя самцами.

Шестая волна: двенадцать самок прошли! Седьмая: тридцать четыре!

№ 56 хлопает крыльями. Она еще не решается. Голова сестры упала к ее ногам, за ней мягко, как зловещее предзнаменование, опустилось перышко. Она хотела узнать, что такое Большой Внешний Мир? Вот и узнала!

Броситься с восьмой волной? Нет... И хорошо, та погибает полностью.

Принцесса робеет. Она жужжит крыльями и немного приподнимается над землей. Ладно, хоть крылья, по крайней мере, работают нормально, тут проблем нет. Только вот эта голова... Принцессу охватывает страх. Надо сохранять ясность рассудка. У нее очень мало шансов на успех.

№ 56 прекращает играть крыльями: семьдесят три самки из девятой волны прошли. Рабочие издают ободряющие феромоны. Надежда возрождается. Ну что, лететь с десятой волной?

В сомнении она оглядывается и вдруг замечает невдалеке хромого солдатика и безглавого отныне здоровяка. Этого более чем достаточно, чтобы заставить ее принять решение. Она тут же взлетает. Мандибулы убийц щелкают в воздухе. Они почти схватили ее.

№ 56 секунду висит на полпути между Городом и стаей птиц. Потом ее подхватывает десятая волна, она плывет в ее потоке, взмывает вместе с ней прямо в воздушную бездну. Две ее соседки схвачены, она же неожиданно проскакивает меж огромных когтей синицы. Повезло...

Ну вот, четырнадцать самок из десятой волны остались целы и невредимы. Но № 56 особенно не обольщается. Это только первое испытание. Самое трудное впереди. Она знает, что в среднем из полутора тысяч взлетевших принцесс на землю беспрепятственно опускается от силы десяток. Самый оптимистический прогноз — четыре королевы сумеют основать свой Город.

Порой, когда я гуляю летом, то замечаю, что чуть не наступил на существо, похожее на муху. Я рассматриваю его получше: это муравьиная королева. Если есть одна, значит, неподалеку — тысяча. Они корчатся на земле. Их давят ботинки людей, они налетают на лобовые стекла машин. Они обессилены, они уже не управляют своим полетом. Сколько Городов было так уничтожено, просто движением дворников по стеклу?

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Пока самка № 56 работает четырьмя длинными крыльями с узором, напоминающим витражи, она замечает за собой стену перьев, смыкающуюся на одиннадцатой и двенадцатой волнах. Несчастные! Еще пять волн самок, и Город лишится всех своих надежд.

Она больше не думает об этом, устремившись в бесконечную лазурь. Все синее, все такое синее! Как удивительно для прожившего всю свою жизнь под землей муравья рассекать воздух. Ему кажется, что он летит в другом мире. Он покинул узкие галереи и попал в головокружительное пространство, взрывающееся в трех измерениях.

Инстинктивно принцесса открывает все возможности полета. Перенеся тяжесть тела на одно крыло, она заворачивает вправо. Она поднимается, меняя широту размаха крыльев. Или опускается. Или увеличивает скорость... Она замечает, что для того, чтобы сделать совершенный вираж, надо упереться концом крыла в воображаемую ось и не бояться наклонить тело под углом больше, чем в сорок пять градусов.

Самка № 56 обнаруживает, что небо — это не пустота. Вовсе нет. Оно полно течений. Некоторые «насосы» ее поднимают. Ямы же, напротив, заставляют терять высоту. Течения можно заметить, к ним можно подготовиться, наблюдая за движениями летящих перед тобой насекомых...

Она замерзла. В вышине холодно. Иногда встречаются «водовороты», порывы теплого или ледяного воздуха, которые вертят ее, как волчок.

Группа самцов бросилась преследовать ее. Самка № 56 наращивает скорость, ее должны достичь только самые быстрые и самые упорные. Первый генетический отбор.

Она чувствует прикосновение. Самец устраивается на ее брюшке, ползет, карабкается. Он совсем маленький, но так как он перестал работать крыльями, кажется, будто на нее взгромоздилась целая глыба.

Она немного теряет высоту. Самец на ней сворачивается так, чтобы взмахи крыльев не сбили его. Напрочь теряя равновесие, он выгибает брюшко, чтобы достать его концом до женского полового органа. Она с любопытством ждет новых ощущений. Все ее тело сладостно пощипывает. У нее появляется идея. Без предупреждения она делает рывок вперед и ныряет в пике. Как здорово! Вот это экстаз! Скорость и секс составляют ее первый большой коктейль наслаждения.

Образ самца № 327 быстро мелькает в ее голове. Ветер свистит в волосках ее глаз. Усики дрожат от едкого сока. Сознание ее преображается в бушующее море. Непонятная влага струится из всех ее желез. Она смешивается в бурлящий суп, выливающийся в мозг. Спустившись до верхушек травинок, она собирает силы и бьет крыльями. Она взмывает стрелой. Когда она выправляет положение, самец чувствует себя уже не очень хорошо. Лапки его дрожат, мандибулы беспричинно открываются и закрываются. Сердечный приступ. И свободное падение...

Как большинство насекомых, самцы запрограммированы на смерть после первого полового акта. У них есть право только на один удар, без промаха. Покидая тело, сперматозоиды уносят с собой и жизнь своего владельца.

У муравьев семяизвержение убивает самца. У других видов удовлетворенная самка сама уничтожает своего благодетеля. Просто потому, что волнение будит в ней аппетит. Надо

признать очевидное: мир насекомых — это, в основном, мир самок, точнее, вдов. У самцов роль эпизодическая...

Но за нее уже уцепился следующий производитель. Один ушел, появился другой! Потом приходит третий, за ним — еще и еще. Самка № 56 уже их не считает. Как минимум семнадцать или восемнадцать самцов сменяется, чтобы заполнить свежими гаметами ее сперматеку.

Она чувствует, как в ее брюшке бурлит живая влага. Это будущее население ее Города. Миллионы мужских клеток позволят ей нести яйца каждый день в течение пятнадцати лет.

Вокруг нее сестры-самки разделяют ее чувства. Небо полно летящих самок, каждую из них оседлал самец, а то и несколько. В небе висят караваны любви. Дамы пьяны от усталости и счастья. Это уже не принцессы, это — королевы. Повторяющееся наслаждение оглушило их, и они едва контролируют маршрут полета.

Этот момент и выбрали четыре величественные ласточки, чтобы сорваться с цветущей вишни. Они не летят, а скользят с ледяной невозмутимостью между пластами воздуха... Широко раскрыв клюв, они обрушиваются на крылатых муравьев и заглатывают их одного за другим. Сейчас наступит очередь № 56.

№ 103683 находится в зале разведчиков. Он думал сам продолжить расследование, проникнув в термитник на Востоке, но ему предложили присоединиться к группе разведчиков территории, отправляющейся «охотиться на дракона». В зоне пастбищ Города Зуби-зуби-кана, обладающего самым значительным во всей Федерации поголовьем тли — девять миллионов дойных особей — заметили ящерицу. А это может сильно омрачить тамошнюю пастушескую идиллию.

К счастью, Зуби-зуби-кан находится на границе Федерации, как раз на полпути от Бел-о-кана к Городу термитов. И № 103683 принял предложение участвовать в экспедиции. Так никто его не хватится.

Вокруг него другие разведчики тщательно готовятся к походу. Они до отказа заполняют социальный зоб сладкими энергетическими запасами, а карман — муравьиной кислотой. Затем они обмазываются слюной улиток, чтобы защитить себя от холода, а заодно (теперь они это знают) и от спор альтенарии.

Разговор идет об охоте на ящериц. Кое-кто сравнивает их с саламандрами и лягушками, но большинство из тридцати двух разведчиков соглашаются, что на этих тварей охотиться гораздо трудней.

Один из стариков утверждает, что ящерицы могут отращивать себе новый хвост взамен оторванного! Его поднимают на смех... Другой муравей говорит, что видел, как одно их этих чудовищ застыло словно изваяние в десять градусов тепла. Все вспоминают рассказы первых белоканцев, голыми мандибулами сражавшихся с монстрами — в те времена муравьиная кислота еще не была так в ходу.

№ 103683 не может унять дрожь. Он еще ни разу не видел ящериц, и перспектива сражаться с ними голыми мандибулами или даже залпом кислоты не вдохновляет его. Он думает о том, что при первой же возможности удерет. В конце концов, его победа «над секретным оружием термитов» куда как важнее для выживания Города, чем какая-то там охота.

Разведчики готовы. Они поднимаются по коридорам наружного пояса, потом ныряют в свет дня через выход № 7, называемый «восточным выходом».

Сначала надо пройти пригороды. Это непросто. Все подступы к Бел-о-кану запружены толпой рабочих и солдат, каждый из которых спешит как на пожар.

Текут потоки муравьев. Одни рабочие нагружены листьями, фруктами, зернами,

цветами или грибами, другие несут строительный материал — соломинки и камешки, третьи тащат дичь... Гомонят запахи.

Охотники прокладывают себе путь в пробках. Затем поток редеет. Проспект постепенно сужается, становясь дорогой в три головы (девять миллиметров) шириной, потом — в две головы, потом — в одну. Они уже, видимо, довольно далеко от Города, они не слышат больше коллективных посланий. Отряд перерезал свою обонятельную пуповину и стал самостоятельным подразделением. Муравьи выстраиваются как на прогулке, то есть по двое.

Вскоре они встречаются с другим отрядом, это тоже разведчики. Похоже на то, что тем здорово досталось. В маленькой группе нет ни одного невредимого муравья, одни калеки. У некоторых осталась только одна лапка, и они еле тащатся, не лучше и тем, кто лишился усиков или брюшка.

№ 103683 со времен войны Маков не видел таких израненных солдат. Наверное, им повстречалось что-то ужасное... Может быть, «секретное оружие»?

№ 103683 хочет поговорить с высоким солдатом с длинными сломанными мандибулами. Откуда они идут? Что там произошло? Это были термиты?

Солдат замедляет шаг и молча поворачивает к нему лицо. Какой ужас, его орбиты пусты! А череп рассечен от сочленений шеи до рта.

№ 103683 смотрит, как солдат уходит. Потом вдруг падает и больше не встает. Он еще находит в себе силы отползти с дороги, чтобы его труп не мешал движению.

Самка № 56 пытается спикировать, чтобы ускользнуть от ласточки, но та в десять раз быстрее. Огромный клюв уже навис над концами усиков несчастной. Клюв накрывает ее брюшко, торакс, голову. Она вся уже в клюве. Соприкосновение с нёбом невыносимо. Затем клюв закрывается. Все кончено.

Жертвенность: Наблюдая за муравьем, можно сказать, что им движут отнюдь не шкурные интересы. Отрубленная голова еще попытается быть полезной другим, кусая вражеские ноги, дробя зерно, торакс потащится закрыть собой врагу вход в муравейник.

Самоотречение? Фанатизм по отношению к Городу? Отупение из-за коллективного образа жизни?

Нет, муравей умеет жить в одиночку. Ему не нужно Племя, он может даже взбунтоваться.

Почему же он жертвует собой?

На моей стадии исследовательских работ я сказал бы: из скромности. Кажется, что для муравья его смерть не такое важное событие, чтобы отвлечь его от дела, которым он занимался пару мгновений назад.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Огибая деревья, кочки и колючие кусты, разведчики себе на беду продвигаются к Востоку.

Дорога сузилась, но дорожные рабочие еще тут. Никогда нельзя пренебрегать путями, ведущими из одного Города в другой. Рабочие расчищают мох, убирают соломинки, при помощи железы Дюфура расставляют обонятельные дорожные знаки.

Сейчас уже редкий рабочий идет им навстречу. На земле повсюду встречаются указательные феромоны: «На перекрестке № 29 идите в обход через боярышник!»

Наверное, речь идет о последних следах вражеской засады.

По дороге № 103683 переживает сюрприз за сюрпризом. Он никогда не бывал в этих

местах.

Тут встречаются сатанинские грибы в восемьдесят голов высотой! А это ведь довольно распространенный на Западе вид.

Он узнает зловонную бархатницу, чей неприятный запах привлекает мух, жемчужные грибы-дождевики, он залезает на гриб-лисичку и с удовольствием топчется в его мягкой плоти.

Он видит разные удивительные растения: дикую коноплю, чьи цветы так хорошо удерживают росу, великолепные и тревожные орхидеи, кошачьи лапки с длинными стеблями...

Он подходит к бальзамину, цветы которого похожи на пчел, и неосторожно дотрагивается до него. Зрелые плоды немедленно взрываются прямо ему в лицо, покрыв его желтыми клейкими семечками! Хорошо хоть это не альтенария...

Не падая духом, № 103683 забирается на лютик, чтобы поближе рассмотреть небо. Он видит в нем пчел, выписывающих восьмерки для того, чтобы оповестить своих сестер о том, что здесь есть цветы с пыльцой.

Пейзаж становится все более диким. Плывут странные запахи. Сотни неизвестных маленьких существ шныряют во все стороны. Об этом догадываешься только по шелесту сухих листьев.

Полный впечатлений, № 103683 догоняет отряд. И они спокойным шагом приближаются к предместьям Федерального Города Зуби-зуби-кан. Издалека он напоминает самую обычную рощицу. Если бы не запах и не проторенная дорога, никто бы и не подумал искать здесь Город. На самом деле, Зуби-зуби-кан — классический Город рыжих муравьев, с корнем, куполом из веточек и свалками. Но все спрятано под кустами.

Входы в Город расположены высоко, почти на уровне вершины купола. До них надо добираться через заросли папоротника и шиповника, что и делают разведчики.

А там кипит жизнь. Тлю не так легко заметить, она одного цвета с листьями. Однако опытный усик и глаз без труда замечают тысячи маленьких зеленых бородавок, медленно растущих по мере поглощения растительного сока.

Очень давно между тлей и муравьями был заключен договор: тля кормит муравьев, те, в благодарность, ее защищают. Правда, в некоторых Городах «дойных коров» снабжают опознавательными запахами и обрезают им крылья: так удобнее пасти стадо... В Зуби-зуби-кане эта бесчестная практика в ходу. Из чувства вины, а может быть, просто чтобы идти в ногу со временем, Город построил на втором этаже грандиозный хлев, оборудованный всем необходимым для удовлетворения потребностей тли. Муравьи-кормилицы ухаживают там за яйцами тли так же тщательно, как за яйцами мирмесеян. От этого, без сомнения, местный скот такой красивый и важный.

№ 103683 и его товарищи подходят к стаду, сосущему ветку шиповника. Они выделяют два-три вопроса, но тля не выпускает свои хоботы из растительной плоти и не обращает на пришельцев ни малейшего внимания. В конце концов, может быть, они даже и не знают обонятельного языка муравьев... Разведчики усиками ищут пастуха, но никого не находят.

И тут происходит что-то невообразимое. В середину стада падают три божьи коровки. Эти ужасные хищники сеют панику в рядах тли: бедная скотинка не может даже бежать, крылья-то у нее обрезаны!

Но, к счастью, вслед за «волками» появляются пастухи. Из-за листа выскакивают два зубизубиканских муравья. Они прятались, чтобы подпустить красных, в черных горошинах, хищников поближе. Муравьи прицеливаются, рассчитанный залп кислоты — и разбойницы повержены. Потом отважные стрелки бегут успокоить еще испуганное стадо. Они доят букашек, барабанят по их брюшкам, ласкают их усики. Тли выпускают большие шарики

прозрачного сахара.

Поглощая бесценное, сладкое, как ликер, молочко, зубизубиканские пастухи замечают белоканских разведчиков.

Муравьи здороваются, вступают в усиковый контакт.

Мы идем на охоту на ящерицу, — выделяет один из белоканцев.

Тогда вам надо двигаться дальше на Восток. Одного из монстров заметили в направлении поста Гаэй-Тиоло.

Вместо того чтобы, как это принято, предложить гостям трофаллаксию, пастухи предлагают им прямо подоить тлю. Разведчиков не надо упрашивать дважды. Каждый выбирает себе особь и начинает щекотать ей брюшко, чтобы нацедить драгоценного молочка.

Внутри глотка темная, зловонная и маслянистая. Самка № 56, вся выпачканная в слюне, скользит в горле хищника. Зубов в глотке нет, поэтому самку не жевали, и она еще невредима. О том, чтобы покориться судьбе, нет даже и речи, ведь вместе с самкой № 56 исчезнет целый Город.

Отчаянным усилием она вонзает мандибулы в скользкую плоть пищевода. Рефлекс спасает ее, он вызывает у ласточки рвотный позыв, та кашляет и далеко выплевывает раздражающую пищу. Ослепленная самка № 56 пытается лететь, но ее склеившиеся крылья слишком отяжелели. Она падает в самую середину реки.

Самцы в агонии тонут вокруг нее. Она слышит в вышине, как мечутся в воздухе двадцать ее сестер, прорвавшихся из окружения ласточек. Обессиленные, они теряют высоту. Одна из них приземляется на кувшинку, где ее видят две саламандры, хватают и раздирают в клочья. Остальные королевы нашли свой конец при последовательном вмешательстве голубей, жаб, кротов, змей, летучих мышей, ежей, кур и цыплят... В конечном итоге, из полутора тысяч взлетевших самок уцелели только шесть.

№ 56 в их числе. Ее спасло чудо. Она должна жить. Она должна создать свой Город и разгадать тайну «секретного оружия». Она знает о том, что ей понадобится помощь, о том, что она может рассчитывать на великое множество друзей, уже населяющих ее лоно. Надо только выпустить их оттуда...

Но сначала надо выпутаться из переделки...

Рассчитав угол наклона солнечных лучей, она определяет точку своего падения в восточную реку. Небезопасное место, так как, если муравьи и населяют все острова мира, никто до сих пор не знает, как они, не умея плавать, туда попали.

В пределах досягаемости проплывает листок, она вцепляется в него всеми мандибулами. Она лихорадочно бьет задними лапками, но тщетно: бедняжка не движется ни взад, ни вперед. Довольно долго она барахтается так на поверхности воды, как вдруг под ней возникает гигантская тень. Головастик? Нет, в тысячу раз больше. Самка № 56 различает вытянутое тело с гладкой, полосатой кожей. Небывалое видение! Форель!

Маленькие ракообразные — веслоногие рачки, водяные блохи — бегут от монстра. А тот ныряет, а затем всплывает рядом с охваченной ужасом королевой, продолжающей цепляться за свой листок.

Со всей мощью своих плавников форель устремляется вверх и выныривает из воды. Пока большая волна увлекает муравья, форель как будто висит в воздухе, она открывает усеянную мелкими зубами пасть и глотает летящую мошку. Потом выворачивается ударом хвоста и снова бросается в свой хрустальный мир... и новая волна заливает муравья.

Лягушки уже успокоились и прыгают в воду, ссорясь из-за королевы и ее икры. Королева выныривает, но водоворот снова увлекает ее в негостеприимные водные глубины. Лягушки преследуют ее. Королеву сковывает холод. Она теряет сознание.

Николя со своими новыми друзьями, Жаном и Филиппом, смотрел в столовой телевизор. Беспрестанная смена картинок убаюкивала остальных розовощеких сирот вокруг них.

Сюжет фильма проникал через их глаза и уши в память мозга со скоростью пятьсот километров в час. Человеческий мозг способен хранить около шестидесяти миллиардов воспоминаний. Когда память переполняется, происходит автоматическая уборка, воспоминания, сочтенные наименее интересными, забываются. Остаются трагические воспоминания и сожаления об ушедших радостях.

Сразу после фильма в этот день показывали ток-шоу на тему о насекомых. Большинство человеческого молодняка рассеялось, научная говорильня их мало вдохновляла.

«Профессор Ледюк, вы, вместе с профессором Розенфельдом, считаетесь самыми крупными в Европе специалистами по муравьям. Что заставило вас посвятить их изучению жизнь?

— Однажды я открыл на кухне шкафчик и увидел армию этих насекомых. Несколько часов я наблюдал за ними как прикованный. Для меня это был урок жизни и смирения. Я захотел узнать о них больше... Вот и весь секрет, — рассмеялся профессор.

— А что вас отличает от другого такого же знаменитого знатока муравьев, каким является профессор Розенфельд?

— А, профессор Розенфельд! Он еще не на пенсии? — снова рассмеялся Ледюк. — Ну, если серьезно, мы с ним по разные стороны баррикад. Понимаете, есть много способов "понимать" этих насекомых... Раньше считали, что все общественные виды (термиты, пчелы, муравьи) — монархисты. Это было просто, но неверно. Потом заметили, что у муравьев королева обладает властью только производить потомство. У муравьев существует множество форм правления: монархия, олигархия, триумвират воинов, демократия, анархия и тому подобное... Иногда даже, когда граждане недовольны своим правительством, они бунтуют, и внутри Городов вспыхивают настоящие гражданские войны. Подумать только!

— Я, как и представители так называемой "немецкой" школы, к которой я себя причисляю, полагаю, что организация мира муравьев основана на иерархии каст, на главенстве индивидуумов альфа, более одаренных, чем основная масса, и руководящих группами рабочих... Розенфельд, связанный с так называемой "итальянской" школой, считает муравьев прирожденными анархистами и отрицает наличие более одаренных, чем основная масса, индивидуумов альфа. По его мнению, лидеры появляются только иногда, спонтанно, лишь на короткий промежуток времени, для того чтобы решить какие-то практические задачи.

— Я вас не совсем понимаю.

— Грубо говоря, итальянская школа думает, что любой муравей может стать лидером, коль скоро у него появилась оригинальная, заинтересовавшая остальных идея. В то время как немецкая школа считает, что только муравьи "с характером вождя" могут возглавить движение для решения какой-то задачи.

— Значит, эти две научные школы друг к другу непримиримы?

— Если хотите знать, бывало, что во время крупных международных конгрессов дело доходило до потасовки.

— А, так это все то же старое соперничество между саксонским и латинским духом?

— Нет. Эта война скорее похожа на ту, что противопоставляет сторонников понятий "врожденного" и "благоприобретенного". Рождаемся мы кретинами или становимся? Это один из вопросов, на которые мы пытаемся ответить, изучая общественное устройство муравьев.

— А почему не поставить эксперименты на кроликах или мышах?

— Муравьи дают нам возможность посмотреть, как функционирует общество,

общество, состоящее из многих миллионов индивидуумов. Как будто наблюдаешь за целым миром. Насколько я знаю, не существует многомиллионных Городов кроликов или мышей...»

Николя толкнули локтем.

— Слыхал?

Но Николя не слушал. Это лицо, эти желтые глаза, он их уже видел. Где? Когда? Он рылся в памяти. Точно, теперь он вспомнил. Это был человек с переплетом. Он сказал тогда, что его зовут Гунь, но это был тот самый профессор Ледюк, который сейчас распинался по телевизору.

Открытие погрузило Николя в пучину размышлений. Профессор соврал для того, чтобы завладеть энциклопедией. Ее содержание было бесценным для дела изучения муравьев. Она должна была быть внизу. Она, несомненно, была в подвале. И ее все так хотели найти: папа, мама и этот Ледюк. Надо найти ее, эту проклятую энциклопедию, и все станет понятно.

Николя встал.

— Ты куда?

Он ничего не ответил.

— А я думал, что ты интересуешься муравьями... Он дошел до двери, потом побежал по коридору в свою комнату. Ему не понадобится много вещей. Только любимая кожаная куртка, перочинный ножик и крепкие ботинки на каучуковой подошве.

Воспитатели даже не обратили на него внимания, когда он проходил через просторный холл.

Он убежал из детского приюта.

Издалека Гаэй-Тиоло напоминает что-то вроде круглого кратера. Вроде норы крота. «Аванпост» - это мини-муравейник, населенный сотней особей. Он функционирует только с апреля по октябрь, а всю позднюю осень и зиму остается пустым.

Здесь, как у примитивных муравьев, нет ни королевы, ни рабочих, ни солдат. Каждый играет все роли одновременно. Кстати, здесь не стесняются и покритиковать суету гигантских Городов. Смеются над пробками, над обвалами в коридорах, над секретными тоннелями, превращающими Город в червивое яблоко, над чрезмерно специализирующимися в какой-то одной области рабочими, которые уже не умеют охотиться, над слепыми привратниками, на всю жизнь замурованными в своих тесных ходах...

№ 103683 обследует пост. Гаэй-Тиоло состоит из чердака и большого основного зала. Над помещением проделано потолочное отверстие, через которое проскальзывают два солнечных луча, освещающих десятки военных трофеев. Трофеи пустыми оболочками висят на стенах и посвистывают от сквозняка.

№ 103683 приближается к разноцветным трупам. К нему подходит местный обитатель, гладит усики № 103683, показывает ему великолепные экземпляры, убитые благодаря разным мирмесеянским хитростям. Трофеи покрыты муравьиной кислотой, которая позволяет также предохранять трупы от тления.

Здесь выставлены в ряд всевозможные породы бабочек и крупных насекомых, самые разнообразные по форме и цвету. Однако в коллекции не хватает весьма известного существа: королевы термитов.

№ 103683 спрашивает, не враждуют ли местные жители с соседями термитами. Абориген поднимает усики в знак удивления. Он перестает жевать мандибулами и наступает тяжелая обонятельная тишина.

Термиты?

Усики опускаются. Ему нечего выделить. К тому же он вообще-то занят, ему надо тушу разделывать. И так задержался. Как-нибудь в другой раз. Абориген поворачивается и

уже собирается бежать по своим делам, но № 103683 настаивает.

Такое впечатление, что его собеседник запаниковал. Его усики слегка подрагивают. Очевидно, что слово «термит» напоминает ему о чем-то ужасном. Похоже, что разговаривать на эту тему муравью не под силу. Он убегает к группе рабочих, у которых в самом разгаре настоящая попойка.

Каждый из них наполнил свой социальный зоб цветочной медовухой, и теперь они отпивают друг у друга из брюшков, представляя собой длинную замкнутую цепочку.

Шумно входят пять охотников, приписанных к аванпосту. Перед собой они толкают гусеницу.

Посмотрите, кого мы нашли. Самое удивительное то, что она дает мед!

Тот, кто выделил эту новость, теребит пленницу окончаниями усиков. Потом он дает ей листок и как только гусеница начинает есть, прыгает ей на спину. Гусеница выгибается, но поделать ничего не может. Муравей крепко держит ее, вонзив когти ей в бока, поворачивается и лижет ее последний сегмент до тех пор, пока не появляется ликер. Все поздравляют его и из мандибулы в мандибулу передают неизвестное им до сих пор молочко. Его запах отличается от запаха молочка тли. Оно более маслянистое, с более заметным привкусом растительного сока. Когда № 103683 пробует экзотический ликер, чей-то усик касается его головы.

Это ты термитами интересуешься?

Муравей, бросивший ему этот феромон, с виду совсем старик. Весь его панцирь исцарапан ударами мандибул. № 103683 отводит усики назад в знак согласия.

Иди за мной!

Муравья зовут № 4000. Голова у него плоская, как лист, глаза — крошечные. Он выделяет дребезжащие запахи с очень слабым содержанием спирта. Может быть, из-за этого он хочет поговорить в крошечной, практически закрытой впадине в стене.

Не бойся, здесь можно говорить, это мое жилище.

№ 103683 спрашивает его о том, что ему известно о термитнике на Востоке. Его собеседник разводит усиками.

Почему ты этим интересуешься? Ты ведь пришел охотиться на ящериц?

№ 103683 решает открыть все карты этому старому бесполому солдату. Он рассказывает ему о таинственном «секретном оружии», примененном против солдат Ла-шола-кана. Сначала думали, что это дело карликов, но они тут оказались ни при чем. Ну и, естественно, подозрения легли на термитов с Востока, другого серьезного противника рыжих муравьев...

Старик складывает усики в знак удивления. Он никогда не слышал ни о чем подобном. Он испытующе смотрит на № 103683 и спрашивает:

Это секретное оружие оторвало тебе пятую лапку?

Молодой солдат отвечает отрицательно. Он потерял ее в битве Маков, во время освобождения Лашола-кана. № 4000 обрадовано шевелит усиками — он тоже там был!

Какой легион?

Пятнадцатый, а ты?

Третий!

Во время последнего наступления один из них дрался на левом фланге, а другой — на правом. Бойцы вспоминают минувшие дни. На поле битвы всегда набираешься опыта. №4000, например, заметил в самом начале сражения, как противник использовал гонцов-мошек. Ему кажется, что этот метод связи на больших расстояниях гораздо лучше обычных гонцов.

Белоканский солдат, ничего не заметивший, охотно соглашается. Потом он торопится вернуться к теме разговора:

Почему никто не хочет говорить со мной о термитах?

Старый воин склоняется к нему. Их головы соприкасаются.

Здесь тоже происходят очень странные вещи...

Его запахи намекают на тайну. *Очень, очень странные...* фраза отражается обонятельным эхом от стен.

Затем № 4000 рассказывает о том, что вот уже довольно давно не видно ни одного термита из Города на Востоке. Раньше они пользовались тем, что через Сатей протекает река, и посылали шпионов на Запад. Муравьи знали об этом и худо-бедно их контролировали. Теперь нет даже шпионов. Нет ничего.

Атакующий враг беспокоит, но исчезнувший враг озадачивает еще больше. Так как никаких стычек с термитами больше не было, муравьи с поста Гаэй-Тиоло решили сами пойти на разведку.

Туда отправился один отряд. Больше его никто не видел. За ним пошел следующий, который исчез точно так же. Тогда подумали, что это ящерица или особенно прожорливый крот. Но нет, потому что когда нападает хищник, кто-то всегда остается в живых, хотя бы раненый. А тут все солдаты испарились.

Что-то мне это напоминает... — начинает № 103683.

Но старик не дает прервать свой рассказ. Он продолжает:

После неудачи с двумя первыми экспедициями солдаты Гаэй-Тиоло решили пойти ва-банк. Они послали пол-легиона из пятисот вооруженных до зубов воинов. На этот раз были уцелевшие. Вернее, был — один-единственный. Он приплелся, проделав путь в тысячи голов, и умер в страшном бреду, едва дойдя до порога дома.

Осмотрели труп — ни единой царапины. Его усики не пострадали в сражении. Можно было подумать, что смерть обрушилась на него безо всякой причины.

Ты понимаешь теперь, почему никто не хочет говорить с тобой о термитнике на Востоке?

№ 103683 понимает. А главное, он доволен, он уверен в том, что напал на верный след. Если тайна «секретного оружия» имеет разгадку, то разгадка эта находится в термитнике на Востоке.

Голография: Нечто общее между человеческим мозгом и муравейником выявляет голографическое изображение.

Что такое голография? Наложение начерченных линий, освещенных под определенным углом, таким образом, что создается эффект объемной картинки. На самом деле она и существует, и не существует одновременно. От соединения начерченных линий родилось третье измерение: иллюзия рельефа. Каждый нейрон нашего мозга, как и каждая особь в муравейнике, обладает полнотой информации. Коллективность необходима для появления сознания, «рельефной мысли».

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Когда самка № 56, совсем недавно ставшая королевой, приходит в себя, то обнаруживает, что она лежит на большом галечном пляже. Несомненно, она спаслась от лягушек только благодаря быстрому течению. Она хочет взлететь, но крылья ее еще не высохли. Надо ждать...

Она аккуратно чистит усики, потом вдыхает окружающий воздух. Где это она? Только бы не на той стороне реки!

Она приводит усики в движение частотой 8000 тысяч вибраций в секунду. Есть намеки на знакомые запахи. Ей повезло: она на восточном берегу реки. Но нет ни одного

путеводного феромона. Надо хоть немного приблизиться к центральному Городу, чтобы впоследствии иметь возможность присоединить свой будущий Город к Федерации.

Наконец она взлетает. Направление — восток. Но далеко она сейчас не улетит. Мускулы крыльев устали, она летит на бреющем полете

Они возвращаются в главный зал Гаэй-Тиоло. С тех пор, как № 103683 начал расспрашивать о термитах с Востока, его сторонятся так, словно он заражен алтенарией. Это его не смущает, ему надо выполнить свою задачу.

Вокруг белоканцы обмениваются трофаллаксией с гаэйтиолцами, одни пробуют новый урожай пластинчатых грибов, другие — молочко диких гусениц.

Потом, после разных запахов, разговор скатывается к охоте на ящериц. Гаэйтиолцы рассказывают о том, что недавно появились три ящерицы, терроризирующие стада тли с Зуби-зуби-кана. Они-то, скорее всего, и уничтожили два стада в тысячу голов каждое и всех сопровождавших его пастухов...

Тогда возникла паника. Пастухи пасли свой скот только в охраняемых проходах, вырытых внутри муравейника. Но вооруженная кислотой артиллерия сумела оттеснить трех драконов. Два из них ушли далеко. Третий, раненный, устроился на камне в пятидесяти тысяч голов отсюда.

Зубизубиканские легионы уже отрубили ему хвост. Надо быстрее воспользоваться этим и прикончить зверя, пока он не восстановил силы.

А правда то, что хвост у ящерицы отрастает заново? — спрашивает один разведчик. Ему отвечают утвердительно.

Но хвост вырастает не такой же. Как говорит Мать, никогда не находишь в точности то, что ты потерял. Второй хвост не имеет позвонков, он гораздо мягче.

Один из гаэйтиолцев сообщает и другую информацию: ящерицы чувствительны к колебаниям температуры еще больше, чем муравьи. Если они запаслись большим количеством солнечной энергии, быстрота их реакции фантастическая. И наоборот, когда им холодно, все их движения замедлены. Во время завтрашней атаки надо использовать эту особенность. Лучше всего было бы напасть на ящерицу на рассвете. Ночь заморозит ее, она будет в летаргии.

Но нас-то тоже ночь заморозит! — громко замечает один из белоканцев.

Нет, если мы будем защищаться от холода, как это делают карлики, — возражает другой охотник. — *Наедимся сахара, напьемся спирта, чтобы пополнить запасы энергии, и обмажем панцири слюной улиток, она помешает калориям слишком быстро покинуть наши тела.*

№ 103683 воспринимает эти рассуждения рассеянным усиком. Он думает о тайне термитника, о необъяснимых исчезновениях, о которых рассказал старый воин. Первый гаэйтиолец, тот, что показывал ему трофеи и отказался говорить о термитах, возвращается к нему.

Ты говорил с №4000?

№ 103683 отвечает утвердительно.

Ты не обращай внимания на то, что он тебе сказал. Ты говорил все равно что с трупом. Несколько дней назад его укусил ихневмон...

Ихневмон! № 103683 вздрагивает от ужаса. Ихневмон — это оса с длинным жалом, которая ночью протыкает внешний слой муравейника и находит там теплое тело. В него она откладывает яйца.

Это едва ли не самый страшный бич муравьиных личинок: шприц, появляющийся из потолка и на ощупь ищущий мягкую плоть, чтобы поместить в нее своих малышей. Те затем спокойно растут в приемном организме, пока не превратятся в прожорливых личинок,

грызущих изнутри живое насекомое.

Так и есть: в эту ночь солдату № 103683 снится огромный хобот, преследующий его, чтобы отложить своих плотоядных детей!

Код в подъезде не изменился. У Николя были ключи, чтобы войти в квартиру, ему понадобилось только сорвать печати, наложенные полицией. С тех пор как исчезли спасатели, никто ни до чего не дотрагивался. Дверь в подвал оставалась широко открытой.

Электрических фонариков в приюте не водилось, и Николя, не раздумывая, начал мастерить факел. Он отломал ножку стола, прикрепил к ней плотный ободок из мятой бумаги и поджег. Дерево легко загорелось несильным, но стойким огнем. Он долго не погаснет и выдержит сквозняки.

Николя стал быстро спускаться по винтовой лестнице, держа в одной руке факел, в другой — перочинный нож. Решительный, стиснувший зубы, он чувствовал себя настоящим героем.

Он спускался и спускался... Лестница бесконечно вилась и уходила вниз. Ему казалось, что прошли уже долгие часы, он хотел есть, пить, но бешеное желание победить не оставляло его.

Он прибавил шаг, и в возбуждении начал испускать под тяжелыми сводами истошные крики, перемежая призывы к отцу и матери воинственными кличами. Он шел чрезвычайно уверенным шагом, уже автоматически перелетая со ступеньки на ступеньку. Неожиданно он оказался перед дверью. Он толкнул ее. Две своры дерущихся крыс пустились в бегство при виде вопящего и окруженного языками пламени ребенка. Самые старые крысы были озабочены: в последнее время «великаны» что-то сюда зачастили. Что бы это значило? И как бы вот этот не поджег убежища беременных самок!

Николя продолжал спускаться, он так торопился, что не заметил крыс... Ступеньки, ступеньки, какие-то надписи, которые он сейчас не будет читать. Вдруг раздался шум, и он почувствовал прикосновение. Летучая мышь вцепилась ему в волосы. Какой ужас! Мальчик попытался высвободиться, но противная тварь, казалось, приросла к его черепу. Он хотел прогнать ее факелом, но только сжег себе три пряди волос. Николя взвыл и бросился бежать. Летучая мышь продолжала сидеть на его голове, как шляпа. Она улетела только тогда, когда отпила немного его крови.

Николя не чувствовал усталости. Шумно дыша, с тяжело бьющимся сердцем, чувствуя, как стучит в висках, он вдруг налетел на стену. Он упал, потом быстро встал. Факел не погас. Николя посветил перед собой.

Да, это точно была стена. Более того: Николя узнал бетонные и стальные плиты, которые носил сюда его отец. Цементные стыки были совсем свежие.

— Папа, мама, если вы там, ответьте!

Но нет ничего, кроме раздражающего эха. Он готов был поклясться, что эта стена поворачивается вокруг своей оси... потому что так бывает в кино, и потому что в ней нет двери.

Что же она прячет, эта стена? Николя, наконец, обнаружил на ней надпись:

Как сделать четыре равнобедренных треугольника из шести спичек?

Сразу под надписью был размещен маленький пульт с кнопками. На них были не цифры, а буквы. Двадцать четыре буквы, из которых надо было составить слово или фразу, отвечающие на вопрос.

— Надо думать по-другому, — громко сказал Николя. Он удивился, потому что эти слова вырвались у него сами по себе. Он долго думал, не решаясь тронуть кнопки. Потом им овладела странная тишина, бесконечная тишина, освободившая его от всех мыслей. И необъяснимым образом толкнувшая его последовательно нажать восемь букв.

Механизм негромко скрипнул, и... стена отошла! Вне себя, готовый ко всему, Николя прошел вперед. Но вскоре после этого стена встала на место, а возникшее движение воздуха загасило еще мерцавший огарок факела.

Погруженный в кромешную тьму, обезумевший, Николя топтался на месте. Но с этой стороны стены кнопок не было. Возвращение было невозможно. Он сломал все ногти о бетонные и стальные плиты. Его отец неплохо поработал, недаром он был слесарем.

Чистоплотность: Что может быть чище мухи? Она постоянно моется, это для нее не обязанность, а необходимость. Если ее усики и фасеточные глаза не будут безукоризненно чистыми, она никогда не заметит пищу вдалеке или руку, опускающуюся для того, чтобы ее прихлопнуть. Чистота для насекомых — залог не просто здоровья, а самой жизни.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

На следующий день популярные газеты вышли со следующими заголовками: «Новая жертва пресловутого подвала в Фонтенбло! Без вести пропал единственный сын супругов Уэллс. Куда смотрит полиция?»

Паук бросает взгляд с вершины папоротника. Ох как высоко. Он выделяет каплю жидкого шелка, приклеивает ее к листку, ползет вперед по ветке и бросается в пустоту. Падает он долго. Трос вытягивается, вытягивается, потом засыхает, твердеет и замедляет спуск как раз перед самым приземлением. Паук едва не разбился, словно зрелая ягода тутовника. Многие его братья раскололи себе панцирь, потому что из-за резкого похолодания шелк стал сохнуть медленнее.

Паук шевелит своими восемью лапками, чтобы раскачаться, подобно маятнику. Увеличив амплитуду движения, он достигает листка и вцепляется в него. Это место второго крепления его паутины. Он приклеивает конец троса. Но с натянутой веревкой далеко не уедешь. Он замечает ствол слева, бежит в его направлении. Еще несколько веток и несколько прыжков, и вот он установил места опоры. Они выдержат напор ветра и попавшейся в сети добычи. Вся конструкция представляет собой восьмиугольник. Шелк паука состоит из волокнистого белка, фибрина, упругость и влагонепроницаемость которого не нуждаются в доказательствах. Некоторые пауки могут, хорошенько подкрепившись, выработать семьсот метров шелковой нити диаметром в два микрона, по прочности не уступающей нейлону, и в три раза превосходящей его эластичностью.

Самое удивительное то, что пауки обладают семью железами, каждая из которых производит разную нить: шелк троса для точек опоры, шелк троса для подачи сигналов, шелк троса для центра паутины, клейкий шелк для мгновенного захвата, шелк для защиты яиц, шелк для постройки убежища, шелк для связывания пленных...

На самом деле, шелк — это волокнистое продолжение гормонов паука, точно так же, как феромоны — летучее продолжение гормонов муравья.

Итак, паук делает трос для подачи сигналов и прикрепляет его к себе. При малейшей тревоге он прыгнет вниз, избежав опасности без особых усилий. Сколько раз он таким образом спасал свою жизнь.

Затем он перекрещивает четыре нити в центре восьмиугольника. Все те же жесты в течение миллионов лет... Они уже приобрели изящество. Сегодня он решил сделать паутину из сухого шелка. Клейкий шелк гораздо эффективнее, но он слишком хрупкий. Все пылинки, все кусочки сухих листьев прилипают к нему. Сухой шелк хуже задерживает добычу, но он сохранится, по крайней мере до ночи. Паук, установив верхние балки, добавляет десяток

лучей и довершает свое творение центральной спиралью. Вот так-то лучше. Он покидает ветку, к которой прикреплена сухая нить, и прыгает с луча на луч, как можно медленнее приближаясь к центру и двигаясь по часовой стрелке.

Он делает паутину по-своему. Ни одна паучья сеть на свете не повторяет другую. Это как отпечатки человеческих пальцев.

Надо подтянуть петли. Добравшись до центра, паук оглядывает свои веревочные строительные леса, чтобы убедиться в их надежности. Он проверяет каждый луч, дергая его всеми восемью лапками. Отлично, выдержит.

Большинство местных пауков строят паутины из расчета 75 на 12. Семьдесят пять спиральных кругов на двенадцать лучей. Он же предпочитает плести тонкое кружево, девяносто пять на десять.

Может быть, такая паутина заметней, но она лучше держится. И так как шелк сухой, не нужно экономить на качестве нити. Иначе насекомые здесь долго не задержатся...

Однако он истратил всю свою энергию на этот кропотливый труд. Ему надо срочно поесть. Получается замкнутый круг: он проголодался, потому что ткал паутину, но именно паутина и позволит ему насытиться.

Вонзив двадцать четыре когтя в главную балку, спрятавшись под листком, он ждет. Даже не прибегая к помощи своих восьми глаз, он контролирует пространство и ощущает своими лапками малейшее движение окружающего воздуха благодаря паутине, реагирующей на колебания воздуха с чувствительностью мембраны микрофона.

Эта слабая вибрация — пчела, выписывающая в воздухе восьмерки, чтобы указать своим собратьям из улья, что в двух сотнях голов отсюда цветочная поляна.

Это легкое дрожание — должно быть, стрекоза. Стрекоза — как это чудесно. Но эта стрекоза летит не в ту сторону и не станет обедом.

Сильное соприкосновение. Кто-то прыгнул в паутину. Это паук, который хочет воспользоваться плодами чужих трудов. Вор! Хозяин быстро прогоняет его, пока не появилась настоящая добыча.

И тут он чувствует задней левой лапкой, что с восточной стороны приближается какая-то муха. Летит она вроде бы не быстро. Если она не изменит направления, то угодит прямиком в ловушку.

Плюх! Есть.

Крылатый муравей...

Паук — у него нет имени, так как одиноким существам не нужно распознавать своих, — спокойно ждет. В молодости он не умел сдерживать нетерпение и упустил немало добычи. Он думал, что любое насекомое, попавшее в паутину, обречено. На самом деле это еще только половина успеха, все решает время. Надо повременить, и обезумевшая дичь запутается сама. Такова высшая, утонченная философия пауков. *Нет лучшей техники боя, чем ожидание того, что противник уничтожит сам себя...*

Через несколько минут паук приближается, чтобы получше рассмотреть добычу. Это королева. Рыжая королева из западной империи. Бел-о-кан.

Паук уже слышал об этой сверхмогущественной империи. Говорят, что миллионы ее обитателей стали до того «взаимозависимы», что уже сами есть разучились! Какой в этом смысл, и в чем тут прогресс?

Одна из их королев... Он держит в своих когтях целый отрезок будущего этих неисправимых завоевателей. Паук не любит муравьев. На его родную мать однажды напала толпа красных муравьев-ткачей...

Он смотрит на добычу, продолжающую биться. Глупые букашки, они никогда, наверное, не поймут, что их злейший враг — их собственное смятение. Чем больше крылатый муравей хочет вырваться, чем больше он застревает в шелке... Портя, кстати,

паутину, что уже раздражает паука.

У № 56 растерянность сменяется гневом. Она практически не может пошевелиться. Все ее тело уже оплетено шелком, каждое движение делает слой нитей все плотней. № 56 не может поверить в то, что она, после стольких пройденных испытаний, так глупо попалась. Она родилась из белого кокона, в белом коконе она и умрет.

Паук подходит все ближе и ближе, на ходу проверяя порванные тросы. № 56 видит вблизи великолепную, черно-оранжевую особь с восемью глазами, короной расположенными на голове. № 56 уже едала таких. Каждый по очереди служит обедом... И тут паук плюет в нее шелком!

Всегда лучше перестраховаться, — считает паук. Потом он обнажает два страшных ядовитых зуба. На самом деле паукообразные не убивают сразу. Они любят трепещущую плоть, поэтому оглушают жертву усыпляющим ядом и будят ее лишь для того, чтобы немножко закусить. Таким образом, они, когда захотят, могут питаться свежим мясом, прекрасно упакованным в шелковый кокон. Такая дегустация может продлиться неделю. № 56 слышала об их повадках. Она затрепетала. Это хуже, чем смерть. Ей будут постепенно ампутировать все конечности... При каждом пробуждении она будет терять часть тела, потом опять засыпать. Ты каждый раз чуть-чуть уменьшаешься в размерах, пока тебя не лишат жизненно важных органов и не подарят, наконец, освобождающий сон.

Лучше самой убить себя! И, желая избежать ужасного и такого близкого созерцания зубов, № 56 вынуждена замедлить биение своего сердца.

И тут на паутину натыкается мотылек-поденка, да так сильно, что шелковая сеть мгновенно и очень крепко связывает его... Он родился несколько минут назад, он умрет от старости через несколько часов. Эфемерная жизнь, жизнь поденки. Он не может терять ни четверти секунды. Как вы заполните ваше существование, если вы знаете, что рождены утром для того, чтобы умереть вечером?

Едва лишь закончились два года его жизни в виде личинки, как поденка летит искать самку, чтобы заняться самовоспроизведением. Тщетное стремление к бессмертию в потомстве. Свой единственный день он проведет в поисках. Ему ни до еды, ни до отдыха, ни до капризов.

Его главный хищник — это Время. Каждая секунда против него. По сравнению с самим Временем, страшный паук — всего лишь задерживающий фактор, а не полноценный враг.

Мотылек чувствует, как старость завоевывает его тело. Через несколько часов он впадет в старческое слабоумие. И тогда все кончено. Он прожил жизнь зря. Какое невыносимое поражение! Поденка бьется. Коварство паучьих сетей в том, что если ты шевелишься, ты запутываешься, а если остаешься без движения, ты не можешь из них выбраться... Паук приближается к мотыльку и опутывает его несколькими дополнительными веревочными кругами. Ну вот, две прекрасные добычи, которые ему дадут весь необходимый для завтрашней паутины белок. Но как только паук опять пытается усыпить № 56, он чувствует совсем другой толчок. Умный... *Тип, тип, тип-тип-тип, тип, тип, тип-тип.* Это самка! Она продвигается по нити, выбивая сигнал: *Я твоя, я не украду твою добычу.*

Паук никогда не чувствовал ничего более эротического, чем такая дрожь. *Тип, тип, тип-тип-тип.* Ах, он больше не может, он бежит к своей любимой (девчонка четырех линек, он-то сам пережил уже двенадцать). Она втрое больше его размерами, а он как раз любит толстых. Он показывает ей две жертвы, которые сейчас придадут им новые силы. Они принимают позу для совокупления. У пауков это довольно сложно. У самца нет пениса, а есть что-то вроде двойного генитального ствола. Он торопится соткать маленькую сеть, которую поливает гаметами. Обмакнув в гаметы одну из лапок, он засовывает ее во влагалище самки. Возбужденный, он делает это много раз. Юная красавица, со своей

стороны, пребывает в таком смятении чувств, что уже не может удержаться от того, чтобы не оторвать и не съесть голову своего « возлюбленного».

Ну а потом уж глупо не съесть его целиком. Проделав это, она все еще не утолила голод. Она набрасывается на поденку и делает его жизнь еще короче. Теперь она поворачивается к муравьиной королеве, которая, снова чувствуя приближение укола, впадает в панику и барахтается.

№ 56 решительно везет, так как на горизонте с шумом появляется новый герой и меняет расстановку сил. Это еще одна из тех южных тварей, которые недавно поднялись к северу. Тварь, однако, пребольшая, однорогий майский жук или жесткокрылый носорог. Со всего размаху он врезается в паутину, натягивает ее, как резину... и разрывает. Девяносто пять на сто — это прочно, но до определенных пределов. Прекрасная шелковая скатерть распадается на летящие полоски и лоскутки.

Самка паука, прикрепленная к сигнальному тросу, уже прыгнула вниз. Освобожденная от белых оков, но не в силах взлететь снова, муравьиная королева медленно бредет по земле. Но самка паука думает уже о другом. Она забирается на ветку, чтобы сплести там шелковые ясли, в которые она отложит яйца. Как только десятки ее малышей вылупятся, они первым делом не преминут съесть свою мать. Вот такие обычаи у пауков, спасибо у них не говорят.

— Билшейм!

Полицейский быстро отдернул трубку от уха, как будто она могла его укусить. Это была его начальница... Соланж Думен.

— Алло?

— Я вам отдала приказ, а у вас еще конь не валялся. Чем вы занимаетесь? Ждете, пока весь Город исчезнет в этом подвале? Я вас знаю, Билшейм, вы только и думаете о том, как бы побездельничать! Я лодырей не терплю! И я требую, чтобы вы раскрыли это дело в течение сорока восьми часов!

— Но, мадам...

— Никаких «но, мадам»! Газовщики получили мои указания, вам осталось только спуститься с ними завтра утром в подвал, все оборудование будет на месте. Да оторвите вы задницу от стула, черт вас побери!

Его охватило бешенство, руки задрожали. Он не был свободным человеком. Почему он должен был подчиняться? Чтобы не потерять работу, чтобы не быть выброшенным из общества. Здесь и сейчас единственный способ обрести свободу заключался в том, чтобы стать бродягой, а он еще не был готов к такого рода испытаниям. Его потребность в порядке и социальном статусе вступила в конфликт с его нежеланием подчиняться чужой воле. На поле битвы, то есть в его желудке, образовалась язва. Уважение к порядку одержало победу над волей к свободе. И он подчинился.

Отряд разведчиков прячется за скалой, наблюдая за ящерицей. Ее длина достигает добрых шестидесяти голов (восемнадцати сантиметров). Ее зеленовато-желтая, усеянная черными пятнами, шероховатая броня внушает страх и отвращение! № 103683 кажется, что эти пятна похожи на брызги крови убитых ею жертв.

Как и ожидалось, зверь обездвижен холодом. Он идет, но медленно, похоже на то, что он колеблется, прежде чем поставить куда-то свою лапу.

И тут, когда вот-вот должно появиться солнце, проносится феромон.

Вперед на зверя!

Ящерица видит, как на нее устремляется армия маленьких, черных, агрессивных существ. Она медленно поднимается, открывает розовую пасть. В ней пляшет быстрый язык, который опускается на ближайших муравьев, приклеивает их к своей поверхности и

отправляет в глотку. Ящерица негромко рыгает и исчезает с быстротой молнии. Охотники, потерявшие тридцать собратьев, оглушены, задохнулись. Для усыпленного холодом существа у ящерицы неплохая скорость!

№ 103683 нельзя заподозрить в трусости, но он одним из первых заявляет, что атаковать подобного зверя — самоубийство. Крепость кажется неприступной. Кожа монстра — непроницаемые для мандибул и кислоты латы. Его размеры и скорость, даже при низкой температуре воздуха, дают ей практически непреодолимое превосходство.

Но муравьи не отступают. Как стая крошечных волков, они бросаются по следам чудовища. Они скачут галопом под папоротниками, оставляя угрожающие феромоны с запахом смерти. Пока это пугает только слизняков, но помогает муравьям чувствовать себя ужасными и непобедимыми. Они находят ящерицу несколькими тысячами голов дальше, она прижалась к коре пихты и, без сомнения, переваривает свой завтрак.

Надо действовать! Чем дольше ждешь, тем больше у нее появляется сил! Если она сохраняет скорость при холоде, то, насытившись солнечными калориями, она станет непобедимой. Усики созывают свет. Надо атаковать неожиданно. Выбирается тактика. Воины прыгают с ветки на голову ящерицы. Они стараются ослепить ее, кусая за веки, и начинают проникать в ноздри. Первый взвод терпит неудачу. Ящерица раздраженно смахивает его лапой, а оставшихся муравьев — проглатывает.

Но вторая волна наступающих уже набегает. На расстоянии, когда ящерица уже почти может достать их языком, они делают неожиданный широкий обход и стремительно бросаются на обрубок хвоста. Как говорит Мать: *«У каждого противника есть слабое место. Найди его и нападай именно там».*

Они прожигают кислотой зарубцевавшийся шрам и проникают внутрь, к кишкам ящерицы. Та извивается на спине, дергает задними лапами, передними бьет себя по животу. Тысячи язв жгут ее огнем.

В это время другой отряд входит, наконец, в ноздри, уже расширенные и прорытые кипящими залпами.

Еще один отряд сверху атакует глаза. Мягкие сферы взрываются, но глазные впадины оказываются тупиками, отверстие зрительного нерва слишком узкое для того, чтобы в него можно было проникнуть и достичь мозга. Атакующие присоединяются к отряду, уже углубившемуся в ноздри...

Ящерица выгибается, засовывает лапу в рот, пытаясь раздавить муравьев, кусающих ей глотку. Слишком поздно.

В закоулках легких № 4000 встречает молодого собрата №103683. Там темно, и они ничего не видят, так как у бесполых нет инфракрасных глаз. Они соединяют концы усиков.

Давай воспользуемся тем, что братья заняты, и пойдем в термитник на Востоке. Все подумают, что нас убили в сражении.

Они выходят там же, где зашли, через обрубок хвоста, из которого теперь обильно льется кровь.

Завтра ящерица будет разрезана на тысячи съедобных кусочков. Некоторые будут покрыты песком и доставлены в Зуби-зуби-кан, другие доедут даже до Бел-о-кана, и будет создан целый эпос, повествующий об этой охоте. Муравьиная цивилизация должна быть уверена в своих силах. Победа над ящерицей особенно укрепляет эту веру.

Смешивание. Неверно думать, что в муравейниках, как говорится, граница на замке. Конечно, каждое насекомое несет свой обонятельный флаг, но это не обозначает враждебности в том смысле, в каком ее понимают люди.

Например, если смешать в аквариуме с землей сотню муравьев formica ruf *а с сотней муравьев* lazius niger *— когда каждый вид имеет плодовитую королеву — то после*

нескольких несмертельных стычек и долгих усиковых переговоров оба вида принимаются строить муравейник вместе.

Некоторые коридоры рассчитаны на рост рыжих муравьев, некоторые — на рост черных, но они пересекаются и смешиваются, доказывая, что ни один вид не пытается подавить другой, заперев его в особом квартале типа гетто.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Дорога, ведущая на Восток, еще не расчищена. Войны с термитами нарушают все мирные процессы в этом регионе.

№ 4000 и № 103683 семенят по дороге, где случалось немало стычек. Великолепные ядовитые бабочки шныряют над их усиками, и нельзя сказать, чтобы это их не беспокоило.

Вдруг №103683 чувствует, как что-то копошится под его правой лапкой. Он узнает клещиков, это крошечные существа, снабженные лапками, усиками, щетинкой и зубами, мигрирующие группами в поисках достаточно пыльного убежища. Это зрелище вызывает у № 103683 улыбку. Подумать только, на одной и той же планете существуют такие маленькие существа, как клещики, и такие большие, как муравьи. № 4000 останавливается рядом с цветком. Ему вдруг стало плохо. В его старом теле, которое и так подверглось сегодня суровым испытаниям, проснулись молодые личинки ихневмона. Они, наверное, завтракают, весело тыкая вилками и ножами в потроха несчастного муравья.

№ 103683, чтобы помочь ему, извергает из социального зоба несколько молекул молочка ломешузы. После стычки в подземельях Бел-о-кана он взял себе чуть-чуть, думая использовать их как обезболивающее средство. Он обращался с молекулами очень осторожно и не заразился этим чудесным ядом.

Боли утихают, как только № 4000 проглатывает ликер. Но он просит еще. № 103683 пытается его урезонить, но № 4000 настаивает, он готов драться, чтобы извлечь из внутренностей своего приятеля бесценный наркотик. Но когда № 4000 уже хочет броситься на № 103683 и ударить его, он вдруг соскальзывает в какой-то песчаный кратер. Ловушка муравья-льва!

Муравей-лев, а вернее, его личинка, обладает головой в форме лопаты, позволяющей ему выкапывать такие кратеры. Затем он зарывается в них и спокойно ждет гостей.

№ 4000 с некоторым запозданием понимает, что с ним произошло. В принципе, любой муравей весит не так уж много и способен выкарабкаться из такой ямы. Но еще до того, как он смог начать подъем, две длинные острые мандибулы появляются со дна ямы и обсыпают его песком.

На помощь!

№ 4000 забывает о страданиях, причиняемых ему незваными гостями в его теле, и ломку, возникшую после дозы ликера лошемузы. Ему страшно, он не хочет так умирать. Он борется изо всех сил. Но ловушка муравья-льва, как паучья сеть, как раз и рассчитана на панику жертвы. Чем активнее № 4000 старается вылезти из кратера, тем больше склон обсыпается и увлекает его вниз... где муравей-лев продолжает посыпать его песком.

№ 103683 быстро понял, что, нагнувшись и протянув спасительную лапку, он рискует упасть сам. Он бежит на поиски достаточно длинной и прочной травинки.

Старый муравей считает, что № 103683 отсутствует слишком долго, он испускает обонятельный крик и изо всех сил месит практически жидкий песок. От этого он опускается еще быстрее. Он всего в пяти головах от щупалец. Вблизи они и вправду ужасны. Каждая мандибула усеяна сотней мелких острых зубов, перемежающихся с длинными кривыми шипами. Оканчиваются мандибулы шилом, способным без особого труда пропороть любой мермесеянский панцирь.

Наконец, № 103683 появляется на краю ямы и протягивает своему приятелю маргаритку. Быстро! Тот поднимает лапки, чтобы ухватиться за стебель. Но муравей-лев не собирается отказываться от своей добычи. Он лихорадочно обсыпает песком обоих муравьев. Те больше ничего не видят и не слышат. Теперь муравей-лев бросает камешки, со зловещим стуком отскакивающие от хитина. № 4000, наполовину засыпанный песком, продолжает скользить.

№ 103683 выгибается, стебель мандибулами. Он тщетно ждет толчка. Когда он уже готов все бросить, из песка появляется лапка... Спасен! № 4000 выпрыгивает из ямы смерти.

Внизу жадные клешни щелкают от бешенства и разочарования. Муравью-льву необходим белок, чтобы превратиться во взрослую особь. Сколько еще времени придется ему ждать, пока другая добыча соскользнет к нему в ловушку?

№ 4000 и № 103683 моются и обмениваются обильной трофаллаксией. На этот раз молочка ломешузы в меню нет.

— Добрый день, Билшейм!

Она протягивает ему безвольную руку.

— Да, я знаю, вы удивлены тому, что я здесь. Но, поскольку дело растет как на дрожжах, поскольку в его благополучном завершении уже заинтересован лично префект, а скоро к нему присоединится и министр, то я тоже решила внести свою лепту... Ладно, Билшейм, не делайте такое лицо, я шучу. Куда подевалось ваше чувство юмора?

Старый сыщик не знал, что ответить. И так продолжалось уже пятнадцать лет. Его «естественно» никогда на нее не действовало. Он хотел посмотреть ей в глаза, но они скрывались под длинной прядью волос. Крашеная рыжая. Это было модно. В конторе говорили, что она пытается сойти за рыжую, чтобы оправдать свой сильный запах...

Соланж Думен. Она стала сущей язвой со времени наступления менопаузы. В принципе, ей бы надо было принимать для компенсации женские гормоны, но она боялась растолстеть, а гормоны задерживают воду в организме, это всем известно, и она, стиснув зубы, заставляла свое окружение переносить все трудности, переживаемые ею во время процесса ее превращения в старуху.

— Почему вы пришли? Вы хотите туда спуститься? — спросил полицейский.

— Вы смеетесь, старина! Нет, спускаться будете вы. Я останусь здесь, я все предусмотрела, и термос с чаем, и рацию.

— А если со мной случится несчастье?

— Вы трус, что ли, зачем сразу думать о самом плохом? Я же говорю вам, мы будем держать связь по радио. Как только вы заметите малейшую опасность, вы мне об этом сообщите и я приму меры. Более того, вы великолепно экипированы, старина, вы будете спускаться с самым современным оборудованием, предназначенным для спецзаданий. Посмотрите: у вас альпинистский трос, ружья. Не говоря уже о шести молодцах.

Она показала на жандармов, стоявших по стойке «смирно». Билшейм проворчал:

— У Галена было восемь спасателей, но это ему не очень-то помогло...

— У них не было ни оружия, ни радиосвязи! Слушайте, Билшейм, ну не корчите вы такую мину.

Он не хотел спорить. Игры во власть и запугивание приводили его в бешенство. Бороться с Соланж — значило становиться Думеном. Она была как сорняк в саду. Надо пытаться расти, не заразившись ею.

Билшейм, разочарованный комиссар, натянул костюм спелеолога, завязал на поясе альпинистский узел и повесил рацию через плечо.

— Если я не вернусь, все мое состояние завещаю детям погибших полицейских.

— Бросьте, мой милый Билшейм. Вы вернетесь, и мы все вместе пойдем в ресторан и

отметим это дело.

— На тот случай, если я не вернусь, я хотел бы вам кое-что сказать...

Соланж нахмурила брови.

— Так, хватит, ребячиться, Билшейм!

— Я хотел бы вам сказать... Бог ведь все видит. За все дурные поступки когда-нибудь приходится расплачиваться.

— Ну, теперь он в святоши записался! Нет, Билшейм, вы ошибаетесь, мы не расплачиваемся за дурные поступки. Может быть, боженька и вправду все видит, как вы говорите, но тогда ему на нас совершенно наплевать! И если вы не воспользуетесь тем, что вам дано, пока вы живы, то после смерти вы не воспользуетесь этим и подавно!

Соланж издала короткий смешок, потом подошла к своему подчиненному почти вплотную. Билшейм затаил дыхание. Он в подвале еще нанюхается всякой вони...

— Но вы так быстро не умрете. Вы должны раскрыть это дело. Ваша смерть ничего не даст.

Чувство противоречия превратило комиссара в ребенка, он стал мальчиком, у которого отняли лопатку и который, понимая, что обратно он ее не получит, пытается неуверенно дерзить.

— Господи, моя смерть станет провалом вашего «личного» расследования. Посмотрим, какие результаты будут от того, что вы внесли в это дело свою лепту, как вы выражаетесь.

Соланж придвинулась еще ближе, как будто хотела поцеловать его в губы. Но вместо этого она неторопливо сказала, брызнув слюной:

— Вы не любите меня, а, Билшейм? Никто меня не любит, но мне на это наплевать. Кстати, я вас тоже не люблю. И я совершенно не нуждаюсь ни в чьей любви. Я хочу вызывать страх. И я хочу, чтобы вы поняли одну вещь: если вы там сдохнете, это меня даже не расстроит, я пошлю третью команду. Если вы действительно хотите задеть меня, возвращайтесь живым и с победой, тогда я буду вашей должницей.

Билшейм ничего не ответил. Он смотрел на белые корни волос в ее модной прическе, это его успокаивало.

— Мы готовы! — сказал один из жандармов, поднимая ружье.

Все были связаны одной веревкой.

— Отлично, пошли.

Они помахали руками трем полицейским, которые остались на поверхности для того, чтобы держать с ними связь, и углубились в подвал.

Соланж Думен села за стол, на который она положила переговорное устройство.

— Удачи, возвращайтесь скорей!

3

ТРИ ОДИССЕИ

Наконец № 56 нашла идеальное место для постройки Города. Это круглый холм. Она взбирается на него. Оттуда видны ближайшие восточные Города: Зуби-зуби-кан и Глуби-диу-кан. Связаться с Федерацией не составит труда.

Она обследует участок — земля несколько твердовата, серого цвета. Новая королева ищет место, где почва помягче, но поверхность холма везде одинакова. Тогда она просто вонзает мандибулу в землю, собираясь вырыть первую брачную ложу, как вдруг чувствует странный толчок. Похожий на землетрясение, но слишком уж локализованный, чтобы быть

настоящим землетрясением. Она снова втыкает мандибулу в землю. Новый толчок, сильнее прежнего, холм приподнимается и скользит влево...

В памяти муравьев сохранилось немало удивительного, но живого холма еще никто не видел! А этот движется на неплохой скорости, приминая высокую траву, давя кустарник. Не успела № 56 опомниться от удивления, как увидела другой приближающийся к ним холм. Что за чертовщина? Не успев спуститься, она принимает участие в родео, хотя на самом деле, это любовные игры холмов, лапающих друг друга без зазрения совести... В довершение ко всему, холм, на котором сидит № 56, — самка. И на нее медленно взбирается другой холм. Появляется голова из камня, подобная какому-то жуткому водосточному желобу, раскрытый рот...

Нет, это уже слишком! Молодая королева отказывается от мысли основать здесь свой Город. Катясь вниз по склону, она понимает, какой опасности избежала. У холмов есть не только головы, но еще и четыре когтистые лапы и маленькие треугольные хвосты.

Так № 56 познакомилась с черепахами.

Время заговорщиков. Самая распространенная система организации людей такова: сложная иерархия «административных работников», мужчин и женщин, обладающих властью, ограничивает, вернее даже управляет, менее многочисленной группой «созидателей», плоды труда которых под видом распределения присваивают «коммерсанты»... Администраторы, созидатели, коммерсанты — вот три касты, которым сегодня соответствуют рабочие, солдаты и самцы, и самки у муравьев. Борьба между Сталиным и Троцким, двумя русскими вождями начала двадцатого века, прекрасно демонстрирует переход от системы, благоприятствующей созидателям, к системе, дающей привилегии администраторам. Троцкий, человек с математическим складом ума, создатель Красной Армии, оттеснен Сталиным, гением интриги. Страница перевернута. В обществе легче и быстрей продвигается тот, кто умеет обольщать, объединять убийц, дезинформировать, нежели тот, кто способен создавать концепции или что-то новое.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

№ 4000 и № 103683 снова вышли на обонятельную тропинку, ведущую к восточному термитнику. Они встречают жуков, катящих шарики перегноя, муравьев-разведчиков, таких крошечных, что их почти не видно, других муравьев-разведчиков, таких больших, что они едва замечают наших друзей...

Ведь существует более двенадцати тысяч видов муравьев, и каждый вид хоть в чем-то отличается от другого. Самые маленькие насчитывают всего несколько сотен микронов, самые большие могут достигать семи сантиметров. Рыжие муравьи считаются средними. № 4000, кажется, наконец сориентировался. Теперь надо пересечь лужайку зеленого мха, взобраться на куст акации, пройти под первоцветами, потом, кажется, за стволом засохшего дерева, и будет то, что им нужно.

И действительно, пройдя корень, они видят сквозь ветви солероса и облепихи реку Востока и порт Сатэй.

— Алло, алло, Билшейм, вы меня слышите?

— Каждое слово.

— Как у вас дела?

— Все нормально.

— Длина раскрученной веревки говорит о том, что вы прошли 480 метров.

— Отлично.

— Вы что-нибудь видели?
— Ничего особенного. Несколько надписей, выбитых на камне.
— Что за надписи?
— А, чертовщина всякая. Прочитать какую-нибудь?
— Не надо, я вам верю на слово...

Лоно № 56 кипит. Внутри что-то тянет, толкает, шевелится. Жители ее будущего Города в нетерпении.

Тут уж не до капризов. Она выбирает углубление в красно-черной земле и решает основать там свой Город.

Место не так плохо расположено. В округе не пахнет карликами, термитами и осами. Несколько дорожных феромонов даже говорят о том, что здесь проходили белоканцы. № 56 пробует землю. Почва богата микроэлементами, влажность достаточная, но не чрезмерная. Нависает даже маленький кустик.

Королева расчищает окружность в три сотни голов диаметром — оптимальную форму для ее Города.

На исходе сил она срыгивает, чтобы извлечь какую-нибудь пищу из своего социального зоба, но он давно уже пуст. У нее больше нет запасов энергии. Тогда она с сухим треском отрывает себе крылья и жадно ест их мясистые основания.

С полученными калориями она должна продержаться еще несколько дней. Потом она закапывается до кончиков усиков. Нужно, чтобы никто ее не заметил в то время, пока она будет беззащитна.

Она ждет. Город, спрятанный в ее теле, медленно просыпается. Как она его назовет? Для начала ей нужно придумать себе королевское имя. У муравьев наличие имени означает самостоятельное существование единицы. Рабочие, солдаты, девственные самцы и самки лишь нумеруются в том порядке, в каком они появились на свет. А оплодотворенные самки уже могут взять себе настоящее имя. Ага! Она улетела, преследуемая воинами с запахом скальных камней, значит, ей надо назваться «преследуемой королевой». Или нет, скорее, ее преследовали из-за того, что она пыталась раскрыть тайну «секретного оружия». Об этом не надо забывать. Тогда она — «королева, появившаяся из тайны».

И она решает назвать свой Город Городом королевы, появившейся из тайны. Что на обонятельном языке муравьев пахнет так:

ШЛИ-ПУ-КАН

Спустя два часа — новый вызов.
— Как дела, Билшейм?
— Мы стоим перед дверью. Обычная дверь. На ней длинная надпись. Старинными буквами.
— Что за надпись?
— Прочитать? – Да.

Билшейм приблизил к буквам свой факел и начал читать, медленно и торжественно, постепенно разбирая старинную вязь:

«— Душа в смертный час испытывает то же чувство, которое испытывают приобщенные к великим Тайнам.

Сначала это беспорядочный бег с неожиданными поворотами, тревожное и бесконечное путешествие сквозь тьму.

Наконец, страх достигает своего апогея. Душа объята дрожью, судорогами, холодным потом, ужасом.

Но тут кошмар сменяется взлетом к свету, к неожиданному озарению.

Перед глазами предстает чудесное сияние, душа несется над прекрасными лугами и долинами, где все поют и танцуют.

Священные слова внушают божественный трепет.

Совершенный и посвященный человек обретает свободу, он прославляет Тайны».

Жандарм вздрогнул.

— А что за дверью? — раздалось из рации.

— Все нормально, я ее открываю... За мной, ребята.

Долгая тишина.

— Алло, Билшейм! Алло, Билшейм! Отвечайте же, черт подери, что вы видите?

Послышался выстрел. Потом новая пауза.

— Алло, Билшейм, отвечайте, старина!

— Билшейм слушает.

— Ну, говорите, что происходит?

— Крысы. Тысячи крыс. Они на нас набросились, но мы сумели обратить их в бегство.

— Так это вы в них стреляли?

— Да. Теперь они попрятались.

— Опишите, что вы видите!

— Здесь все красное. На стенах прожилки ржавого железа... на полу — кровь! Продолжаем...

— Оставайтесь на связи! Почему вы отключаетесь?

— Мне тут лучше видеть, чем вам, мадам, так что я буду действовать сам, если вы позволите, конечно.

— Но, Билшейм...

Раздался щелчок. Билшейм отключил связь.

Сатэй — это, собственно, не порт, это тоже всего лишь отдаленный аванпост. Но здесь, несомненно, белоканским экспедициям лучше всего переправляться через реку.

Давным-давно, когда первые муравьи династии Ни оказались у этого рукава реки, они поняли, что переплыть его будет нелегко. Только вот муравей никогда не отступает. Он будет, если надо, пятнадцать тысяч раз и пятнадцатью тысячами разных способов биться головой о препятствие. Он либо умрет, либо одолеет его.

Такой образ действий может показаться нелогичным. Он, конечно, стоил мирмесеянской цивилизации многих жизней и уймы времени, но, в конце концов, он оправдал себя. Ценой невероятных усилий муравьи всегда в конечном итоге преодолевали трудности.

В Сатэе разведчики сначала пытались переправляться пешим порядком. Плотность воды достаточно велика, чтобы выдержать их вес, но за поверхность нельзя уцепиться когтями. Муравьи передвигались, словно на катке. Два шага вперед, три шага в сторону и... плюх! Их глотали лягушки.

После сотен безрезультатных попыток и нескольких тысяч погибших разведчиков, муравьи стали искать другой способ. Рабочие встали цепью, держась за лапки и усики, и достигли другого берега. Этот опыт удался бы, если бы река не была такой широкой и бурной. Двести сорок тысяч погибших. Но муравьи не отступали. По приказу тогдашней королевы, Биу-па-ни, они попытались построить мост из листьев, затем мост из соломинок, затем мост из трупов майских жуков, затем мост из камешков... Эти четыре опыта стоили жизни примерно шестистам семидесяти тысячам рабочих. Ради этого злосчастного моста Биу-па-ни уже послала на смерть больше своих подданных, чем их погибло во всех территориальных войнах ее царствования!

Но и это не заставило ее отступиться. Надо было выходить к восточным территориям.

После неудачи с мостами она решила обойти реку, поднявшись на север, к ее истокам. Ни одна из экспедиций не вернулась. Восемь тысяч погибших. Тогда королева решила, что муравьи должны научиться плавать. Итог — пятнадцать тысяч погибших. Потом она сказала, что муравьи должны попытаться приручить лягушек. Шестьдесят восемь тысяч погибших. Планировать с высоких деревьев на листьях? Пятьдесят два погибших. Идти под водой, прикрепив к лапкам груз в виде кусочков засохшего меда? Двадцать семь погибших. Легенда гласит: когда королеве сообщили о том, что в Городе осталось не более десятка невредимых рабочих, а потому все эти опыты надо на время прекратить, она выделила фразу:

Жаль, у меня еще полно идей...

Но в конце концов муравьи Федерации нашли выход. Триста тысяч лет спустя королева Лифуг-риюни предложила своим детям прорыть под рекой туннель. Странно, что никто не додумался до такого простого решения! Вот так появилась возможность совершенно беспрепятственно переправляться через реку в районе Сатэя.

№ 103683 и № 4000 уже долгие градусы идут по этому знаменитому тоннелю. Место влажное, хотя самой воды и нет. Город термитов стоит на другом берегу. Термиты, кстати, тоже пользуются этим туннелем для нашествий на Федеральную территорию. До сих пор действовало молчаливое согласие. В туннеле не сражаются, все свободно проходят, и термиты, и муравьи. Но совершенно ясно, что как только одна из сторон сочтет себя более сильной, другая попытается завалить или затопить проход.

Друзья идут и идут без конца по длинной галерее. Здесь есть одно серьезное неудобство: водная масса над ними ледяная, а в подземелье температура воздуха еще ниже. Холод постепенно сковывает их. Каждый шаг дается с трудом. Если они тут заснут, то навечно. Они это знают и ползут к выходу. Подкрепляются последними запасами белка и сахара, оставшимися в социальном зобу. Их мускулы одеревенели. Вот наконец и выход... № 103683 и № 4000 вырвались на свежий воздух. Они так замерзли, что опускаются на землю прямо посреди дороги...

Когда идешь вперед, цепочкой, в темной кишке, голову начинают переполнять мысли. Но думать здесь было не о чем, надо было просто идти до конца. Будем надеяться, что он существует, этот конец...

Сзади больше не разговаривали. Билшейм слушал хриплое дыхание шести жандармов и думал о том, как несправедливо с ним всегда поступали.

Он давно должен быть старшим инспектором и получать соответственно. Билшейм трудился добросовестно, засиживался на работе допоздна, раскрыл добрый десяток дел. Только вот эта стерва не давала ему ходу.

Его положение вдруг показалось ему невыносимым.

— Пропади оно все пропадом! Все остановились.

— Что случилось, командир?

— Ничего, это я так, идем дальше.

Приплыли: сам с собой начал разговаривать! Билшейм закусил губу. «Надо держать себя в руках», — сказал он себе, но через пять минут снова погрузился в свои заботы.

Он ничего не имел против женщин, но он был против некомпетентности. «Старая мымра не смыслит в нашем деле ни уха, ни рыла, она не провела ни одного расследования, и при этом командует целым отделением из восьмидесяти полицейских! И получает в четыре раза больше, чем я! И кто ее только назначил на такую должность!

Видать, переспала с кем надо, это уж как водится. И еще в покое никого не оставляет, суетливая курица. Настраивает людей друг против друга, сама не работает и другим не дает, везде у нее любимчики...»

Задумавшись, Билшейм вспомнил документальный фильм про жаб. Во время брачного

периода жабы так возбуждаются, что накидываются на все, что шевелится: на самок, на самцов и даже на камни. Они нажимают на животы своих соседей, чтобы выдавить икру, которую оплодотворяют. Тот, кто имеет дело с самкой, вознаграждается за свои усилия. Тот, кто жмет на живот самца, не добивается ничего и меняет партнера. Тот, кто давит на камень, повреждает лапы и останавливается.

Но бывает, что жабе попадается ком земли. Ком земли такой же мягкий, как живот самки. И жаба-самец не прекращает его сжимать. Он может день за днем вот так носить воду решетом и думать, что прекрасно делает то, что должен делать...

Билшейм улыбнулся. Может, стоит поговорить с этой бабой по-хорошему, сказал он себе, объяснить, что так каши не сваришь? Но тут в удачу он не верил. И подумал о том, что скорее всего в итоге он сам занимал не свое место на этой чертовой службе.

Полицейские позади него тоже были погружены в мрачные мысли. Этот безмолвный спуск всем действовал на нервы. Уже пять часов они шли без единой остановки. Большинство из них думало о том, что когда все закончится, надо будет потребовать надбавки за вредность, остальные — о жене, детях, машине или о ящике пива...

Ничто. Что может быть отраднее, чем прекратить думать? Остановить, наконец, этот полноводный поток мыслей, более или менее нужных, более или менее важных.

Прекратить думать! Как будто умереть, сохраняя возможность ожить. Стать ничем. Вернуться к высшим истокам. Не быть даже тем, кто ни о чем не думает. Быть ничем. Вот это благородная задача.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Проведшие всю ночь в неподвижности на илистом берегу, оба солдата оживлены первыми лучами солнца.

Одна за другой грани глаз № 103683 активируются, освещая мозгу новый пейзаж, который целиком состоит из огромного неподвижного и внимательного глаза, расположенного прямо над муравьем. № 103683 испускает феромон ужаса, обжигающий ему усики. Глаз тоже пугается, быстро отодвигается, с ним отодвигается и длинный хоботок, на котором он расположен. Оба прячутся во что-то, напоминающее круглый камень. Улитка!

Да их несколько! Всего пять, спрятавшихся в свои ракушки. Два муравья приближаются и обходят одну из них. Они пытаются ее укусить, но это бессмысленно. Это движущееся гнездо — неприступная крепость.

Недаром говорила Мать: *«Безопасность — мой злейший враг, она усыпляет мои рефлексы и мою инициативу»*.

№ 103683 говорит себе, что эти твари, спрятавшиеся в своих ракушках, всегда жили припеваючи, пощипывали себе травку. Им не надо было драться, хитрить, охотиться, убегать. Им не нужно было выдерживать натиск жизни. И они ничему не научились. Из чистого каприза ему захотелось заставить их выйти из ракушки, доказать им, что они уязвимы. Вот как раз две улитки посчитали, что опасность миновала. Они выпускают свои тела из убежищ, чтобы излить нервное возбуждение. Встретившись, они склеиваются животами. Слюна смешивается, они слились в липком поцелуе, соединяющем оба их тела. Их половые органы соприкасаются.

Между ними что-то происходит.

Очень медленно.

Улитка справа погрузила свой пенис в виде известкового острия в полное икры влагалище улитки слева. Прежде чем вконец изнемочь, улитка слева обнажает, в свою очередь, свой напряженный пенис и вводит его во влагалище партнера.

Обе улитки испытывают наслаждение пронзать и быть пронзенным одновременно. Имея пенис и влагалище под ним, они могут параллельно испытать ощущения обоих полов.

Улитка справа первая достигает мужского оргазма. Она выкручивается и вытягивается, по ее телу прошел электрический разряд. Четыре окулярных рожка гермафродитов переплетаются. Слюна превращается в пену, потом — в пузыри. Партнеры тесно прижались друг к другу, обнявшись в танце, медлительность которого усиливает его эротичность.

Улитка справа поднимает рожки. Она тоже чувствует мужской оргазм. Как только она закончила семяизвержение, ее тело охватывает вторая волна сладострастия, на этот раз вагинального. Улитка справа, в свою очередь, познает женское наслаждение.

Затем рожки опускаются, любовные кинжалы втягиваются, влагалища закрываются... После этого полного акта любовники превращаются в магниты одной полярности. Возникает отторжение. Феномен, старый как мир. Две машины для дачи и получения наслаждения, полные оплодотворенной сперматозоидами партнера икры, медленно отдаляются друг от друга.

Пока №103683 не двигается, потрясенный красотой спектакля, № 4000 бросается в атаку на одну из улиток. Он хочет воспользоваться утомлением после страсти, чтобы распотрошить самую толстую из двух особей. Но уже слишком поздно, они опять замуровались в свои ракушки.

Старый разведчик не отступает, он знает, что, в конце концов, они снова появятся. Он долго сторожит. Наконец из домика выглядывает робкий глаз, а потом и весь рожок. Брюхоногое хочет посмотреть, как идут дела в большом мире, что вокруг его мира, маленького. Когда появляется второй рожок, № 4000 бросается и вцепляется в глаз изо всей силы своих мандибул. Он хочет его откусить. Но моллюск сворачивается, утащив одновременно и разведчика в кольца своей раковины.

Хлоп!

Как его спасти?

№ 103683 размышляет, три его мозга напрягаются, и в одном уже родилась идея.

№ 103683 хватает мандибулой камешек и изо всех сил стучит в стенку раковины. Он, конечно, изобрел молоток, но ракушка улитки не бамбуковая. Стук звучит прямо как музыка. Надо придумать что-нибудь другое.

День оказывается плодотворным, так как муравей теперь изобрел рычаг. Он хватает прочную соломинку, камень служит ему осью, он наваливается всем своим телом, чтобы перевернуть тяжелую тварь. Он делает множество попыток. Наконец ракушка начинает двигаться взад-вперед, потом опрокидывается. Отверстие входа обращено вверх. Получилось!

М 103683 взбирается по завиткам, наклоняется над колодцем, который теперь представляет собой ракушка, и падает навстречу моллюску. После долгого скольжения его падение смягчается коричневой жижей. С отвращением барахтаясь в тошнотворном желе, № 103683 начинает въедаться в мягкую плоть. Он не может применить кислоту, так как рискует раствориться в ней сам.

Вскоре к жиже примешивается новая жидкость — прозрачная кровь улитки. Обезумевшая улитка вытягивается в судороге и тем самым выбрасывает обоих муравьев из раковины. Невредимые, они долго гладят друг другу усики.

Агонизирующая улитка хочет убежать, но по дороге начинает терять внутренности.

Муравьи догоняют ее и легко приканчивают. Четверо других брюхоногих, высунувших рожки-глаза, чтобы поглазеть на это зрелище, в ужасе забиваются на дно ракушек и не двигаются весь остаток дня.

В это утро № 103683 и № 4000 объедаются улиткой. Они режут ее на кусочки и

поедают в виде теплой отбивной в собственном соку. Они находят даже вагинальный мешок, полный икры. Улиточная икра! Одно из любимых блюд рыжих муравьев, бесценный источник витаминов, жиров, сахара и белка...

С полным до отказа социальным зобом, заряженные солнечной энергией, друзья быстрым шагом идут по дороге в юго-восточном направлении.

Анализ феромонов (тридцать четвертый опыт). Я определил при помощи спектрометра и хроматографа состав нескольких молекул сообщений муравьев. Я смог произвести химический анализ разговора между самцом и рабочим, записанного в десять часов утра. Самец нашел кусочек хлебного мякиша. Вот, что он выделил:

— Метил — 6

— Метил — 4, гексанон — 3 (два раза)

— Кетон

— Октанон — 3

Затем, снова:

— Кетон

— Октанон — 3 (два раза)

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

По дороге они встречают других улиток. Те тут же прячутся, как будто передают друг другу: «Эти муравьи опасны». Одна, правда, не прячется. Она просто открывает все свое тело.

Заинтригованные муравьи подходят к ней. Улитка раздавлена чем-то тяжелым. Ракушка ее превратилась в груду осколков. Тело лопнуло и растеклось широкой лужей.

№ 103683 тотчас вспоминает про «секретное оружие» термитов. Они уже недалеко от вражеского Города. Он внимательно осматривает труп. Удар был очень мощным, внезапным, был нанесен по всей поверхности тела. Неудивительно, что с таким оружием они распотрошили пост Ла-шола-кана!

№ 103683 решается: надо проникнуть в Город термитов и увидеть, а еще лучше украсть их оружие. Иначе враг сотрет Федерацию в порошок!

Внезапно поднимается сильный ветер. Их когти не в силах уцепиться за землю. Буря поднимает их к небу. У № 103683 и № 4000 нет крыльев... Однако они летят.

Несколько часов спустя, когда команда на поверхности уже задремала, рация затрещала снова.

— Алло, мадам Думен? Ну все, мы дошли донизу.

— Ну и что? Что вы видите?

— Это тупик. Тут стена из бетона и стали, совсем новенькая. Похоже на то, что здесь все заканчивается... Есть еще надпись.

— Читайте!

— Как сделать четыре равнобедренных треугольника из шести спичек?

— Все?

— Нет, есть кнопки с буквами, видимо, для того чтобы написать ответ.

— А боковых коридоров никаких нет?

— Никаких.

— Трупов тоже не видите?

— Нет, ничего... ага... есть следы. Как будто прямо перед этой стеной топталась целая толпа.

— Что будем делать? — прошептал один из жандармов. — Вернемся?

Билшейм внимательно осмотрел препятствие. Все эти символы, все эти металлические бетонные плиты скрывали механизм. И потом, куда испарились все остальные?

Жандармы за ним сели на ступеньки. Он сосредоточился на кнопках. Надо в определенном порядке нажать на эти буквы. Джонатан Уэллс был слесарем, он воспроизвел кодовую систему для двери подъезда. Надо найти код.

Билшейм повернулся к своим людям:

— Ребята, у вас спички есть? Думен потеряла терпение:

— Алло, Билшейм, что вы делаете?

— Если вы действительно хотите нам помочь, попытайтесь сделать четыре треугольника из шести спичек. Как только сделаете, выходите на связь.

— Вы что, издеваетесь надо мной?!

Буря утихла. В течение нескольких секунд ветер замедлил свой танец, листья, пыль и насекомые снова подчинились закону всемирного тяготения и с разной скоростью, в зависимости от тяжести своего тела, беспорядочно попадали.

№ 103683 и № 4000 шлепаются на землю в нескольких десятках голов один от другого. Они, невредимые, находят друг друга и осматриваются вокруг: каменистая поверхность, совершенно не похожая на края, которые они только что покинули. Здесь нет ни единого деревца, только несколько диких травинок, случайно занесенных ветром. Друзья не знают, куда их занесло...

Пока они кое-как собираются с силами для того, чтобы бежать из этого зловещего места, небо снова решает продемонстрировать свое всемогущество. Облака тяжелеют, чернеют.

Громовой раскат высвобождает воздушные массы и дает волю всем накопленным электрическим разрядам.

Все животные поняли послание природы. Лягушки ныряют в воду, мухи прячутся под камни, птицы снижают полет.

Начинается дождь. Два муравья должны срочно найти укрытие. Любая капля может стать смертельной. Они спешат к возвышению, виднеющемуся вдали: то ли дереву, то ли скале. Понемногу, сквозь частые капли и стелющийся туман, возвышение вырисовывается более четко. Это не скала и не куст. Это настоящий земляной собор, верх его башен теряется в облаках. Вот это да...

Это же термитник! Термитник Востока!

№ 103683 и № 4000 должны выбирать между ужасным ливнем и вражеским Городом. Они собирались, конечно, его посетить, но не так! Миллионы лет ненависти и вражды удерживают их у входа.

Но недолго. В конце концов, они сюда пришли разведать все о термитнике. И вот, дрожа, они подходят к темному входу, расположенному у подножия здания. Наставив усики, раскрыв мандибулы, слегка согнув лапки, они готовы дорого продать свою жизнь. Однако, против всех ожиданий, у входа в термитник нет ни одного солдата.

Такого просто не может быть. Что происходит?

Два муравья входят в обширный Город. Их любопытство пересиливает самую элементарную осторожность. Надо отметить, что внутри Город ничем не напоминает муравейник. Стены построены из материала, гораздо менее рыхлого, чем земля, — из твердого, как дерево, цемента. Коридоры насыщены влагой. Нет ни малейшего сквозняка. И воздух на удивление богат углекислым газом.

Вот уже в течение трех градусов они продвигаются по Городу и еще не встретили ни одного патруля! Очень странно... Два муравья застывают, усики совещаются на ощупь.

Решение принимается быстро: продолжать.

Но чем дальше они идут, тем больше теряют чувство ориентации. Этот странный Город-лабиринт еще более запутанный, чем их родные муравейники. Их опознавательные запахи, выделяемые железой Дюфура, не остаются на стенах. Они уже даже не знают, находятся они выше или ниже уровня земли!

Они пытаются повернуть обратно, но это им не помогает. Они беспрерывно обнаруживают новые коридоры странной формы. Они вконец заблудились, без всякой надежды выбраться.

И тогда № 103683 чувствует необычайный феромон: свет! Оба солдата не могут прийти в себя от удивления. Свет посреди безлюдного термитника — это просто невозможно. Они двигаются в направлении источника лучей.

Желто-оранжевое свечение отливает то зеленым, то голубым. После довольно сильной вспышки источник света пропадает. Потом опять появляется, начинает мигать, отражаясь на блестящем хитине муравьев.

Как загипнотизированные, № 103683 и № 4000 бегут к этому подземному маяку.

Билшейм подскочил от возбуждения: он понял! Он показал жандармам, как надо расположить спички, чтобы получилось четыре треугольника. Ошеломленное выражение лиц сменилось воплями восторга. Соланж Думен, вне себя от любопытства, зарычала:

— Вы догадались? Вы догадались? Скажите мне! Но ее не слушали, до нее донесся шум голосов вперемешку с механическим лязганьем.

Потом снова наступила тишина.

— Что происходит, Билшейм? Скажите мне! Рация принялась бешено трещать.

— Алло! Алло!

— Да *(треск),* мы открыли проход. За ним — *(треск)* коридор. Он ведет *(треск)* влево. Мы пошли!

— Подождите! Как вы сделали четыре треугольника?

Но Билшейм и его люди уже не слышали посланий с земли. Микрофон их связи больше не работал, по всей видимости, из-за короткого замыкания. Они не принимали, но еще могли передавать.

— О! Подумать только, чем дальше идем вперед, тем больше тут всего настроено. Вот свод, за ним вдали — свет. Мы идем туда.

— Подождите, вы сказали свет, внизу? — тщетно надрывалась Соланж Думен.

— Они там!

— Кто они, черт подери?! Трупы? Отвечайте!

— Осторожно...

Послышалась серия лихорадочных выстрелов, крики, потом связь прервалась.

Веревка больше не разматывалась, но оставалась натянутой. Полицейские на поверхности ухватились за нее и принялись тянуть, полагая, что она застряла. Они взялись за нее втроем... потом впятером. Вдруг она подалась.

Они стали поднимать и сворачивать веревку, причем не на кухне, а в столовой, такой гигантской получалась катушка. Наконец они увидели оборванный, искромсанный конец веревки, как будто отгрызенный зубами.

— Что делать, мадам? — пробормотал один из полицейских.

— Ничего. Вот именно, ничего не надо делать. Ничего больше. Ни слова прессе, ни единого, и вы мне как можно быстрее замуруете этот подвал. Расследование закончено. Дело закрыто, и чтобы я больше никогда не слышала об этом проклятом подвале! Давайте быстро покупайте кирпичи и цемент. И уладьте все со вдовами жандармов.

После обеда, когда полицейские собирались заложить последние кирпичи, из подвала

послышался глухой шум. Кто-то поднимался! Проход разобрали. Из тьмы появилась голова, а затем и все тело спасшегося. Жандарм. Наконец-то выяснится, что произошло внизу. Лицо жандарма исказил леденящий ужас. Некоторые лицевые мышцы были парализованы, как после сердечного приступа. Это был настоящий зомби. Кто-то оторвал бедняге кончик носа, и кровь так и хлестала. Жандарм дрожал, его глаза были широко раскрыты.

— Гебежееееež, — проговорил он.

Из опущенных углов рта текла пена. Несчастный закрыл лицо ладонями. Его руки были покрыты ранами, которые опытному взгляду его коллег показались похожими на ножевые.

— Что там произошло? На вас напали?

— Гееебеге!

— Внизу есть еще кто-нибудь живой?

— Бегегееееебебегебе!

Поскольку ничего больше он сказать не мог, ему перевязали раны и отправили в психиатрическую больницу, а дверь в подвал замуровали.

Самое легкое шуршание лапок об пол вызывало изменение силы свечения. Свет дрожит, словно живой, как будто слышит, что муравьи подходят.

Муравьи останавливаются для того, чтобы в этом убедиться. Свечение тут же становится ярче, озаряет все шероховатости коридоров. Два разведчика быстро прячутся, чтобы их не обнаружил странный прожектор. Потом, пользуясь ослаблением света, бегут к источнику лучей.

Вот оно что, это светящееся жесткокрылое насекомое. Светлячок в течке. Как только он замечает пришельцев, он потухает окончательно... Но, поскольку ничего не происходит, он снова зажигает слабое зеленое свечение, словно осторожный ночник.

№ 103683 выпускает запахи, говорящие: мы пришли с миром. Хотя все жесткокрылые понимают этот язык, светлячок не отвечает. Его зеленое свечение тускнеет, становится желтым, потом — чуть красноватым. Муравьи предполагают, что этот новый цвет обозначает вопрос.

Мы потерялись в этом термитнике, — выделяет старый разведчик.

Сначала светлячок не отвечает. Через несколько градусов он начинает мигать, что может означать и радость, и раздражение. В сомнении муравьи ждут. Вдруг светлячок, мигая все быстрее, направляется в поперечный коридор. Похоже на то, что он хочет им что-то показать. Муравьи следуют за ним.

Они приходят в еще более холодный и влажный район. Неизвестно откуда слышатся зловещие шумы. Они похожи на отчаянные крики, выраженные в форме запахов и звуков. Два разведчика не понимают, что происходит. Если светящееся насекомое и не говорит, то слышит оно прекрасно. И, как будто отвечая на их вопрос, светлячок зажигается и гаснет долгими периодами, как бы желая сказать: *Не бойтесь, идите за мной.*

Все трое углубляются все дальше и дальше в незнакомое подземелье, пока не доходят до очень холодного места с гораздо более широкими коридорами.

Опять раздаются стоны — с новой силой.

Внимание! — неожиданно выделяет № 4000.

№ 103683 оборачивается. Светлячок освещает какого-то приближающегося монстра со сморщенным старческим лицом, закутанного в белый прозрачный саван. Солдат испускает мощный запах ужаса, от которого у обоих его спутников перехватывает дыхание. Мумия подходит все ближе, кажется, она даже наклоняется для того, чтобы поговорить с ними. На самом деле, ее просто качнуло вперед. Внезапно она всем телом падает на землю. Кокон разбивается. Чудовищный старик преображается в новорожденного...

Это куколка-термит!

Она, должно быть, стояла в уголке, опираясь на стену. Сейчас распотрошенная мумия корчится, испуская горестные стоны. Так вот что это были за звуки!

И таких мумий тут еще много. Потому что трое насекомых находятся в яслях. Сотни куколок-термитов выстроены вертикально вдоль стен. № 4000 осматривает их и обнаруживает, что некоторые уже мертвы — за ними явно никто не ухаживал. Еще живые выделяют отчаянные запахи, призывая кормилиц. Вот уже минимум два градуса, как их не вылизывают, они умирают от истощения.

Такого просто не может быть. Никогда социальное насекомое ни на один градус не покинет свое потомство. Если только... Одна и та же мысль приходит на ум обоим муравьям. Если только... Если только все рабочие не погибли, и куколки не остались одни!

Светлячок снова мигает пришельцам, делая знак следовать за ним по новым коридорам. Странный запах появляется в воздухе. Солдат наступает на что-то твердое. У него нет инфракрасных глаз, и он не видит в темноте. Живой свет приближается и освещает лапки № 103683. Труп солдата-термита! Он очень похож на муравья, но только он весь белый и брюшко у него оторвано...

Сотни таких белых трупов устилают землю. Какая резня! И что самое странное, все трупы невредимы. Борьбы не было! Смерть была мгновенной. Она застигла термитов за будничной работой. Такое впечатление, что некоторые разговаривают или режут мандибулами дерево. Что могло вызвать такую катастрофу?

№ 4000 изучает мертвые статуи. Они пропитаны резким запахом. Дрожь пронизывает обоих муравьев. Умертвляющий газ. Это объясняет все: и исчезновение первой, брошенной на термитник, экспедиции, и гибель последнего участника третьей экспедиции, умершего без единой царапины на теле.

А сами они ничего не чувствуют, так как со временем токсичный газ испарился. Но почему тогда выжили куколки? Старый разведчик выделяет гипотезу. У них может быть особая иммунная защита, наверное, их спас кокон... Теперь они привиты от яда. Та самая знаменитая невосприимчивость к ядам, позволяющая насекомым противостоять любым ядохимикатам, производя поколения мутантов.

Но кто использовал убийственный яд? Настоящая головоломка. Снова, в поисках секретного оружия, № 103683 натыкается на какие-то совершенно необъяснимые явления.

№ 4000 хочет уйти. Светлячок мигает в знак одобрения. Муравьи дают несколько кусочков целлюлозы тем куколкам, которых еще можно спасти, потом отправляются на поиски выхода. Светлячок следует за ними. Чем дальше они продвигаются, чем чаще трупы солдат-термитов уступают место трупам рабочих, занятых уходом за королевой. Некоторые еще держат в мандибулах яйца!

Архитектура Города становится все сложней. Коридоры треугольной формы испещрены надписями. Светлячок меняет цвет и горит голубоватым светом. Он, должно быть, что-то заметил. Действительно, из глубины коридора слышится прерывистое дыхание.

Троица подходит к огромному святилищу, охраняемому пятью гигантами. Все они мертвы. И вход завален бездыханными телами двадцати маленьких рабочих. Муравьи убирают их, передавая тела из лапок в лапки.

Перед ними открывается пещера почти совершенной сферической формы. Королевская ложа термитов. Шум идет отсюда.

Светлячок испускает яркое белое сияние. В центре зала муравьи видят какого-то странного слизняка. Это королева термитов, жалкое подобие королевы муравьев. Ее маленькая голова и рахитичный торакс переходят в гигантское брюшко длиной около пятидесяти голов. Гипертрофированный аппендикс сотрясается от судорог.

Маленькая голова дергается от боли, издавая звуковые и обонятельные вопли. Трупы

рабочих так хорошо заткнули отверстие входа, что газ не проник в помещение. Но королева умирает из-за того, что никто за ней не ухаживает.

Посмотри на ее брюшко! Малыши лезут изнутри, а она не может родить без посторонней помощи.

Светлячок поднимается к потолку и простодушно светит оттуда оранжевым сиянием. Подобным светом озарены картины Жоржа де Ла Тура.

Общими усилиями обоих муравьев яйца начинают сыпаться из огромной репродуктивной сумки. Настоящий источник жизни. Королеве становится легче, она перестает кричать.

Она спрашивает на общем, примитивном обонятельном языке, кто ее освободил. Она удивляется, определяя запахи муравьев. Они замаскированные муравьи?

Замаскированные муравьи — талантливые химики-органики. Это черные крупные насекомые, живущие на северо-востоке. Они умеют искусственно воспроизводить любые феромоны: опознавательные, для обозначения дороги, для сообщений... просто правильно смешивая растительный сок, пыльцу и слюну. Создав свой камуфляж, они могут проникнуть незамеченными, например, в Город термитов.

Они там грабят и убивают, а никто из их жертв не может их узнать!

Нет, мы не замаскированные муравьи.

Королева термитов спрашивает, есть ли в ее Городе кто-нибудь живой, и муравьи отвечают, что нет. Она выделяет пожелание быть убитой, чтобы уменьшить свои страдания. Но сначала она хочет о чем-то рассказать.

Да, она знает, почему ее Город был разрушен. Термиты недавно открыли восточный край Земли. Край света. Это черная, плоская местность, где гибнет все.

Там живут странные животные, стремительные и свирепые. Это стражи края света. Они вооружены черными щитами, расплющивающими все, что к ним приближается. И вот теперь, они еще используют и ядовитый газ!

Муравьям вспоминается старая мечта королевы Би-стин-га. Достичь одной из сторон света. Значит, это возможно? Оба муравья изумлены.

До сих пор они думали, что достичь краев Земли нельзя, так она обширна. А эта королева термитов говорит, что край света близко! И что он охраняется чудовищами... Значит, мечта королевы Би-стин-га осуществима?

Вся эта история так потрясла друзей, что они не знают, с какого вопроса начать.

Но почему «стражи края света» пришли сюда? Они хотят завоевать восточные Города?

Толстая королева ничего больше не знает. Теперь она хочет умереть. Она настаивает. Она не умеет останавливать свое сердце. Ее нужно убить.

После того как королева указывает им путь к выходу, муравьи отрубают ей голову. Потом они съедают несколько маленьких яиц и покидают величественный Город, ставший пристанищем призраков. У входа они оставляют феромон с рассказом о произошедшей здесь драме. Они — разведчики Федерации и никогда не должны забывать о своих обязанностях.

Светлячок прощается с ними. Он тоже, несомненно, потерялся в термитнике, прячась от дождя. Теперь погода снова хорошая, и он снова будет жить, как привык: есть, светить, чтобы привлекать самок, воспроизводиться... Что тут сказать, светлячок есть светлячок!

Друзья переводят свои взгляды и усики в сторону Востока. Отсюда ничего особенного не видно, но они-то знают: край света близок. Он там.

Столкновение цивилизаций: Контакт двух цивилизаций всегда был тонким моментом. Скажем, среди других, вызывающих вопросы, случаев в истории человечества, можно привести пример черных африканцев, порабощенных в восемнадцатом веке.

Большинство народностей, ставших рабами, жило среди равнин и лесов, в глубине суши. Неожиданно соседний царек без всяких видимых причин шел на них войной, но вместо того, чтобы убить их, брал их в плен, заковывал в цепи и гнал в направлении морского побережья.

В конце этого долгого путешествия пленники обнаруживали две непостижимые вещи: 1) необъятное море, 2) европейцев с белой кожей. О море, даже если они его никогда не видели, они еще слышали в сказках, как, например, о стране мертвых. Но белые люди казались африканцам пришельцами из других миров: от них странно пахло, их кожа была странного цвета, на них была странная одежда.

Многие умирали от страха, другие, обезумев, прыгали с кораблей и их пожирали акулы. Выжившие же шли от потрясения к потрясению. Что они видели? Например, белых, которые пили вино. И пленники были уверены в том, что это кровь, кровь их братьев.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самка № 56 хочет есть. Не только ее тело, но и все его обитатели требуют своей порции калорий. Как накормить племя, обитающее в ее лоне? В конце концов, она решается выйти из своей ямы для кладки яиц, бредет несколько сотен голов и находит три сосновые иголки, которые она жадно лижет и жует.

Но этого недостаточно. Она бы поохотилась, но у нее нет больше сил. И она сама рискует стать добычей для тысяч хищников, притаившихся в округе. Она возвращается в свою яму, чтобы ждать там смерти.

Но вместо этого появляется яйцо. Ее первый шлипуканец! Она едва почувствовала его приход. Она потрясла занемевшими лапками и сильно нажала на свои внутренности. Надо действовать, иначе все пропало. Яйцо выкатывается. Оно маленькое, темно-серое, почти черное.

Если она даст ему созреть, из него вылупится мертвый муравей. И еще... она ведь не сможет кормить его до созревания. И она съедает своего первенца. Это вскоре вызывает у нее прилив энергии. Одним яйцом меньше в ее брюшке, одним яйцом больше в ее желудке. В результате этой жертвы она находит в себе силы снести второе яйцо, такого же темного цвета, такое же маленькое, как и первое.

Она пробует и его. И чувствует себя еще лучше. Третье яйцо чуть светлее. Она все-таки пожирает и его тоже.

Только на десятом яйце королева меняет стратегию. Ее яйца стали светлее, размером с ее глазное яблоко. Шли-пу-ни сносит три таких, одно съедает, а два оставляет жить, согревая своим телом.

Пока она продолжает нести яйца, два счастливчика превращаются в длинные личинки, их мордочки застыли в странных гримасах. Они начинают хныкать, просят есть. Арифметика усложняется. Из трех снесенных яиц одно теперь достается ей самой, а два других — в пищу личинкам.

Вот так, замкнутым циклом, удается сделать что-то из ничего. Когда личинка становится довольно большой, королева дает ей съесть другую личинку... Это единственный способ снабдить ее белком, необходимым для того, чтобы превратиться в настоящего муравья. Но выжившая личинка по-прежнему хочет есть. Она корчится и кричит. Пиршество, составленное из тел ее сестер, не удовлетворяет ее. В конце концов Шли-пу-ни поедает свой первый эскиз ребенка.

У меня должно получиться, у меня должно получиться, — повторяет она про себя. Она думает о самце № 327 и сносит сразу пять яиц, гораздо более светлых, чем предыдущие. Королева проглатывает два из них и оставляет три оставшихся расти.

Так, от поедания детей к их рождению, идет эстафета жизни. Три шага вперед, два шага назад. Жестокая гимнастика, заканчивающаяся в конце концов первым опытным образцом нормального муравья.

Он совсем маленький и скорее всего слабоумный, так как недокормлен. Но у королевы получился ее первый шлипуканец! Каннибальская дистанция до создания Города наполовину пройдена. Этот дегенеративный рабочий и вправду может двигаться и приносить еду из внешнего мира: трупы насекомых, зерна, листья, грибы... Что он и делает.

Шли-пу-ни, наконец утолившая голод, производит на свет все более светлые, крепкие яйца. Твердая скорлупа защищает их от холода. Личинки уже достигают нормальных размеров. Дети, вылупившиеся от этой кладки, крупные и здоровые. Они станут ядром населения Шли-пу-кана.

Ну а первого умственно отсталого рабочего, доставившего еду матери, вскоре убивают и пожирают его собственные собратья. После чего все убийства и вся боль, предшествовавшие созданию Города, забываются.

Шли-пу-кан родился.

Комар: Комар — это насекомое, охотно вступающее в схватку с человеком. Каждый из нас хоть раз обязательно стоял на кровати с тапочком в руке, уставясь в девственно чистый потолок.

Удивительно: чешется там, куда из комариного хоботка попала дезинфицирующая слюна. Без нее каждый укус мог бы воспалиться. И комар всегда обращает внимание на то, чтобы укусить не в болевую точку!

Ныне комар ведет себя по отношению к человеку не так, как когда-то. Он научился быть ловчее, незаметнее, быстрее улетать. Обнаружить его все труднее. Некоторые храбрецы последнего поколения не боятся прятаться под подушку жертвы. Они открыли для себя принцип, изложенный в «Украденном письме» Эдгара Алана По: если нужно что-нибудь спрятать, лучше всего положить это на самое видное место, потому что там искать не придет никому в голову.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Бабушка Огюста смотрела на уже сложенные чемоданы. Завтра она переезжает на улицу Сибаритов. Невероятно, но факт — Эдмон предвидел исчезновение Джонатана и черным по белому написал в своем завещании: «Если Джонатан умрет или исчезнет и если он сам не оставит завещания, моя квартира отходит моей матери, Огюсте Уэллс. Если исчезнет и она, квартиру наследует Пьер Розенфельд, если же и он откажется или исчезнет, в квартиру может переехать Язон Брагель...»

Надо признать то, что, в свете последних событий, Эдмон Уэллс не зря предусмотрел как минимум четырех наследников. Но Огюста была не суеверна, и, кроме того, она думала, что, даже если Эдмон был бирюк бирюком, у него не было никаких причин желать смерти своему племяннику и своей матери. А уж Язона Брагеля, так тот и вовсе был его лучший друг!

Тут старушке пришла в голову интересная мысль. Можно было подумать, что Эдмон хотел устроить так, чтобы... все как будто начиналось после его смерти.

Вот уже несколько дней они идут туда, где восходит солнце. № 4000 становится все хуже, но старый воин продвигается вперед без жалоб. Его храбрость и любопытство и вправду сильнее всех выпавших на его долю испытаний.

Однажды после обеда, когда они лезут на ствол орешника, их вдруг окружают

красные муравьи. Еще одни гости с Юга, путешествующие по стране. Их удлиненные тела снабжены ядовитым жалом, самый легкий его укус убивает в одно мгновение. Два рыжих друга предпочли бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте.

Если не считать нескольких наемников-вырожденцев, № 103683 никогда не встречал во Внешнем Мире красных муравьев. Да, несомненно, восточные территории стоят того, чтобы с ними познакомиться...

Начинается энергичное движение усиков. Красные муравьи умеют говорить на том же языке, что и белоканцы.

У вас нет необходимых опознавательных феромонов. Вон отсюда! Это наша территория.

Рыжие отвечают, что просто идут мимо на восточный край земли. Красные муравьи собираются с мыслями.

Они поняли, что эти двое принадлежат к Федерации рыжих. Она, может быть, и далеко отсюда, но могущественна (шестьдесят четыре Города до последнего роения), об ее армиях известно и за западной рекой. Так что с этой парочкой, наверное, лучше не связываться. Рано или поздно красным кочующим племенам обязательно придется пересечь Федеральные территории рыжих.

Движение усиков постепенно успокаивается. Время подвести итоги. Один из красных передает мнение всей группы:

«Вы можете переночевать ночь здесь. Мы готовы указать вам дорогу к краю света и даже проводить вас туда. Взамен вы оставите нам несколько ваших опознавательных феромонов...»

Что ж, все по-честному. № 103683 и № 4000 знают, что, давая красным свои феромоны, они предоставляют им бесценный пропуск на все обширные территории Федерации. Но возможность пойти на край света и возвратиться оттуда стоит того...

Хозяева ведут гостей в лагерь, расположенный несколькими ветками выше. Ничего подобного рыжие еще никогда не видели. Красные муравьи, искусные ткачи и портные, устроили свое временное гнездо сшив край к краю три больших листа орешника. Один служит полом, два других — стенами.

№ 103683 и № 4000 видят, как несколько ткачей закрывают на ночь гнездо «крышей». Они выбирают листок орешника, который послужит потолком. Чтобы присоединить этот листок к трем другим, они строят живую лестницу. Десяток рабочих становятся один на другого, пока не получается холмик, способный дотянуться до листка-потолка.

Несколько раз пригорок обрушивается. До листка слишком высоко.

Тогда красные меняют тактику. Несколько рабочих поднимаются на листок-потолок и составляют цепочку из держащихся друг за друга муравьев, свешивающуюся с края листка. Цепочка опускается, стремясь соединиться с живой лестницей, по-прежнему ждущей внизу. Пока цепочка еще высоко, на конце ее висит гроздь красных.

Ну вот, почти получилось, черенок листка согнулся. Осталось около сантиметра вправо. Чтобы его преодолеть, муравьи-цепочки начинают раскачиваться как маятник. При каждом движении маятника цепочка вытягивается, кажется, что она сейчас порвется, но нет, прекрасно держится. Наконец мандибулы верхних и нижних акробатов сцепляются — *чпок!*

Второй маневр: цепочка укорачивается. Рабочие из ее середины с величайшей аккуратностью, выходят из ряда, держась за плечи коллег. Все тянут, сближая два листка. Листок-потолок понемногу спускается к деревне, закрывая своей тенью пол.

Теперь у коробочки есть крышка, но ее еще нужно закрыть. Старый красный муравей бросается в дом и выходит оттуда с большой личинкой. Это ткацкий станок. Края листьев держат параллельно и прижимают друг к другу. Теперь дело за личинкой. Бедняжка делала себе кокон, чтобы спокойно расти в нем, но ей не дадут времени заняться этим. Рабочий

хватает нить живого клубка и начинает его разматывать. Слегка послюнив, он приклеивает нить к краю листка и затем передает кокон соседу.

Личинка, чувствуя, что у нее вытягивают ее нить, вырабатывает новую, чтобы восполнить потери. Чем больше ее разматывают, тем ей холоднее и тем больше она выделяет шелка. Рабочим только того и надо. Они передают живой челнок из мандибул в мандибулы и не скупятся на расходы. Когда истощенное дитя умирает, они берут новое. Двенадцать личинок были принесены в жертву только во время этой работы.

Рабочие закрывают второй край листка-потолка, теперь деревня похожа на зеленую коробочку с белыми швами на гранях. № 103683, прогуливающийся там почти как у себя дома, несколько раз замечает черных муравьев посреди толпы красных. Он не может удержаться от вопросов.

Это наемники?

Нет, это рабы.

Но красные муравьи не славятся любовью к рабам... Один из красных соглашается объяснить № 103683, что недавно они столкнулись с ордой муравьев, использующих рабский труд. Орда шла на запад, красные приобрели у этих рабовладельцев яйца черных муравьев в обмен на переносное тканое гнездо.

№ 103683 не отпускает собеседника и спрашивает, не обернулась ли эта встреча потасовкой. Тот отвечает, что нет, что страшные муравьи были сыты, у них было просто слишком много рабов, кроме того, они боялись смертоносных жал красных.

Черные муравьи, вылупившиеся из яиц, приняли опознавательные запахи хозяев и служат им верой и правдой. Откуда им знать, что согласно их генетическому наследию они — хищники, а не рабы? Они не знают ничего, кроме того, что красные считают нужным им рассказать.

Вы не боитесь, что они взбунтуются?

Да, волнения уже были. В ответ красные по большей части ликвидировали отдельных строптивцев. Так как черные не знают о том, что они украдены из другого лагеря и что они вообще другие, то настоящего повода к бунту у них нет...

Ночь и холод спустились на орешник. Двум разведчикам выделили уголок, чтобы они залегли там в ночную мини-спячку.

Шли-пу-кан понемногу растет. Первым делом был обустроен запретный Город. Он построен не вокруг корня, а в странном, зарытом в землю предмете — в ржавой консервной банке, когда-то содержавшей три килограмма фруктового пюре и выброшенной из расположенного поблизости сиротского приюта.

В этом новом дворце Шли-пу-ни, пока ее пичкают сахаром, жирами и витаминами, лихорадочно несет яйца.

Первые братья построили прямо под запретным Городом ясли, обогреваемые разлагающимся перегноем. Это лучшее, что можно придумать, пока не достроены купол из веток и солярий, — когда они будут готовы, строительство завершится.

Шли-пу-ни хочет, чтобы в ее Городе использовались все известные передовые технологии: надо обзавестись грибницами, муравьями-цистернами, стадами тли, плющами, предохраняющими почву от осыпания, помещениями для брожения молочка, помещениями для производства муки из зерен, помещениями для наемников, помещениями для органической химии и т. д.

И движение идет повсюду. Молодая королева сумела передать своим детям энтузиазм и надежду. Она не допустит, чтобы Шли-пу-кан стал обычным Федеральным Городом. Она мечтает сделать из него центр прогресса, вершину мирмесеянской цивилизации.

В голове у нее полно проектов.

Например, вблизи минус двенадцатого этажа открыли подземный ручей. Королева считает, что возможности воды до сих пор не были изучены. Можно найти способ передвигаться по ней.

С самого начала одна из команд получила задание познакомиться с насекомыми, живущими в пресной воде: с плавунцами, циклопами, дафниями... Годятся ли они в пищу? Можно ли будет выращивать их в охраняемых водоемах?

Свою первую известную речь королева произнесла по поводу тли:

Грядет эра войн. Оружие становится все более и более сложным. Мы не всегда будем самыми сильными в этой области. Однажды, быть может, охотиться снаружи станет нельзя. Надо предусмотреть самое худшее. Наш Город должен уйти как можно глубже в землю. И выращивание тли должно стать преобладающим над всеми другими видами поставок живого сахара. Этот скот будет размещен в хлевах на самых нижних этажах...

Тридцать ее сыновей поймали двух тлей, которые вот-вот должны были разродиться. Через несколько часов у муравьев было уже около сотни детенышей тли, которым они обрезали крылья. Это первоначальное стадо поместили на минус двадцать третий этаж, надежно защищенный от божьих коровок, и обеспечили его в изобилии свежей листвой и сочными черенками.

Шли-пу-ни посылает разведчиков во все стороны света. Они принесли споры пластинчатых грибов, высаженных затем в грибницы. Падкая на все новое, королева даже решает реализовать мечту своей Матери: на восточной границе она сажает ряд семян хищных растений для защиты от термитов с их секретным оружием.

Она не забыла о тайне «секретного оружия», об убийстве принца № 327 и о продовольственном складе, спрятанном под гранитом.

Она посылает делегацию в Бел-о-кан. Официально они должны объявить королеве-матери о создании шестьдесят пятого Города рыжих муравьев и о его присоединении к Федерации. А неофициально они должны попытаться продолжить расследование на минус пятидесятом этаже Бел-о-кана.

Звонок раздался в тот момент, когда Огюста прикрепляла свою драгоценную коллекцию фотографий к серой стене. Удостоверившись в том, что дверь на цепочке, старушка приоткрыла ее.

Перед ней стоял господин средних лет, очень чистенький, даже без перхоти на воротнике пиджака.

— Здравствуйте, мадам Уэллс. Я профессор Ледюк, коллега вашего сына Эдмона. Я не буду ходить вокруг да около. Мне известно о том, что ваш внук и ваш правнук исчезли в подвале. И о том, что в нем сгинули также восемь спасателей, шесть жандармов и двое полицейских. И тем не менее, мадам... я хотел бы туда спуститься.

Огюста не была уверена в том, что верно его расслышала. Она поставила свой слуховой аппарат на максимальную мощность.

— Вы — профессор Розенфельд?

— Нет. Ледюк. Профессор Ледюк. Я вижу, вы слышали о профессоре Розенфельде. Розенфельд, Эдмон и я — мы все трое энтомологи. У нас общая специальность — изучение муравьев. Но Эдмон ушел от нас далеко вперед. Было бы обидно, если бы человечество об этом не узнало... Я хотел бы спуститься в ваш подвал.

Когда плохо слышишь, начинаешь лучше видеть. Старушка хорошо рассмотрела уши этого Ледюка.

Людям свойственно хранить на себе следы своего самого отдаленного прошлого, ухо с этой точки зрения представляет собой зародыш. Мочка символизирует голову, край уха

повторяет очертания позвоночника и т. д. Этот Ледюк был чахлым зародышем, а Огюста не очень любила дохляков.

— И что вы надеетесь найти в этом подвале?

— Книгу. Энциклопедию, в которую он записывал все свои опыты. Эдмон был скрытным. Он, несомненно, все спрятал в подвале и понаставил ловушек, чтобы убить или отпугнуть профанов. Но я пойду туда, зная об этом, а знающий человек...

—... очень даже может дать себя убить! — закончила Огюста.

— Дайте мне шанс.

— Входите, господин...

— Ледюк, профессор Лорен Ледюк из лаборатории № 352 Национального центра научных исследований.

Старушка провела незваного гостя к подвалу. На стене, что возвели полицейские, большими красными буквами было начертано:

НИКОГДА НЕ СПУСКАТЬСЯ В ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ ПОДВАЛ!

Старушка указала подбородком.

— Вы знаете, что говорят соседи, господин Ледюк? Они говорят, что это вход в ад. Что этот дом — хищник и что он ест людей, которые заходят и щекочут ему глотку... Некоторые жильцы даже хотят залить подвал бетоном.

Огюста высокомерно посмотрела на профессора.

— Вы не боитесь умереть, господин Ледюк?

— Боюсь, — ответил тот и лукаво улыбнулся. — Боюсь умереть в неведении, не узнав, что находится в глубине подвала.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как № 103683 и № 4000 покинули гнездо красных муравьев. Их сопровождают два воина с острыми жалами. Они вместе долго шли по дорогам, едва обозначенным путевыми феромонами. Расстояние уже в несколько тысяч голов отделяет их от тканого гнезда в ветвях орешника. По пути им встречались всевозможные существа, невиданные и неслыханные. Не будучи ни в чем уверенными, путники избегали их всех.

Когда приходит ночь, они выкапывают яму поглубже и ночуют в ней, согретые и защищенные мягким теплом своей планеты-кормилицы.

Сегодня два красных привели их на вершину холма.

Край света далеко?

Это там.

С высоты рыжие видят, насколько хватает взгляда, мир темных кустарников. Красные сообщают им о том, что их миссия подошла к концу, и что дальше они не пойдут. Есть места, где красных буквально на дух не переносят.

Белоканцы должны идти прямо до полей жнецов. Жнецы всегда жили на границе «края света», они, несомненно, дадут им необходимые сведения.

Перед прощанием рыжие передают своим проводникам опознавательные феромоны Федерации, условленную плату за путешествие. Потом переваливают через холм и идут навстречу полям, обрабатываемым пресловутыми жнецами.

Скелет: Что лучше, иметь скелет внутри или снаружи тела?

Когда скелет снаружи, он образует защитный панцирь. Плоть защищена от внешней опасности, но она становится дряблой и почти текучей. И если какое-то острие, несмотря ни на что, проникает сквозь панцирь, потери невосполнимы.

Когда скелет является твердым и тонким каркасом внутри плоти, та открыта любой агрессии. Раны многочисленны и постоянны. Но именно эта кажущаяся слабость способствует укреплению мускулов и защитных свойств тканей. Плоть эволюционирует.

Я встречал людей, выковавших себе усилием разума «интеллектуальный» панцирь, защищавший их от неприятностей. Они казались более сильными, чем остальные. Они говорили «мне наплевать» и смеялись надо всем. Но если проблеме удавалось пробить покров панциря, производимые ею разрушения были ужасны.

Я встречал людей, страдавших от малейшей неприятности, от малейшей атаки, но разум их от этого не закрывался, они оставались чувствительными ко всему, каждое нападение чему-нибудь их учило.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Рабовладельцы атакуют!

В Шли-пу-кане паника. Изнуренные разведчики распространяют новость по молодому Городу.

Рабовладельцы! Рабовладельцы!

Страшная слава рабовладельцев опередила их. Так же, как некоторые виды муравьев совершенствовались в скотоводстве, накоплении запасов, выведении грибов или в химии, рабовладельцы специализировались только в одном роде деятельности — войне.

Ничего другого они не умеют, зато в этой области достигли совершенства. Само их тело предназначено для войны. Самое мелкое сочленение оканчивается загнутым острием, хитин вдвое толще, чем у рыжих.

Узкая голова в виде безупречно правильного треугольника не боится никаких когтей. Их мандибулы, похожие на вывернутые бивни слонов, подобны двум кривым саблям, которыми они орудуют с устрашающей ловкостью.

Нравы рабовладельцев сформировались в соответствии с их единственной специализацией. Они чуть не вымерли, уничтоженные собственной волей к могуществу. Беспрестанно воюя, эти муравьи разучились строить муравейники, растить малышей и даже... есть. Их мандибулы-сабли, столь эффективные в битве, очень мешают принимать пищу. Однако, при всей своей воинственности, рабовладельцы не глупы. И поскольку они утратили способность работать, чтобы жить, они заставили других работать на них.

Рабовладельцы в основном нападают на маленькие и средние Города черных, белых или желтых муравьев, не обладающих ни жалами, ни железами для выработки кислоты. Сначала они окружают Город. Как только осажденные замечают, что все ушедшие за пределы гнезда рабочие убиты, они решают закрыть входы. Вот тут-то рабовладельцы и бросаются на приступ. Они легко преодолевают сопротивление, проделывают бреши в стенах, сеют панику в коридорах.

Тогда устрашенные рабочие пытаются спасти яйца. Рабовладельцы же только того и ждут. Они просеивают все выходы и заставляют рабочих оставить свой драгоценный груз. Убивают только тех, кто не хочет подчиниться. Просто так у муравьев не убивают.

После сражения рабовладельцы занимают Город и приказывают выжившим рабочим уложить яйца на место и продолжать за ними ухаживать. Когда куколки вылупляются, их обучают обслуживать захватчиков, и, так как они ничего не знают о прошлом, то думают, что подчинение этим большим муравьям — это нормально, справедливо, что только так и должно быть.

Во время набегов рабы прячутся в траве, ожидая, пока хозяева закончат «зачистку» территории. Как только сражение выиграно, они, как маленькие добрые хозяюшки, обустраиваются на месте, соединяют прежние яйца с новыми, обучают пленных и их детей.

Таким образом, пока разбойники рыщут в поисках добычи, поколения рабов скрещиваются.

В принципе, для того чтобы обслужить одного захватчика, нужны трое рабов: один для того, чтобы его кормить (он может есть только отрыгиваемую пищу, с ложечки), другой для того, чтобы его мыть (его слюнные железы атрофировались), и третий для того, чтобы освобождать его от экскрементов, которые, в противном случае, скапливаются в латах и разъедают их.

Самое страшное для этих универсальных солдат — это, конечно, быть покинутыми своими слугами. Тогда они впопыхах бросают захваченное гнездо и мчатся завоевывать новый Город. Если они не найдут его до наступления ночи, то могут умереть от холода и голода. Хороша кончина для неустрашимого воина!

Шли-пу-ни слышала много легенд о рабовладельцах. Говорят, что их рабы уже поднимали восстания и что рабы эти, хорошо изучившие своих хозяев, были ненамного слабее их. Рассказывают также, что некоторые рабовладельцы составляют коллекции яиц, чтобы иметь в своем распоряжении все возможные виды.

Она представляет себе зал, наполненный яйцами различных размеров и цветов. И под каждой белой скорлупой... разновидность мирмесеянской культуры, готовая проснуться для того, чтобы обслуживать этих примитивных грубиянов.

Шли-пу-ни отгоняет тягостные мысли. Первым делом надо подумать об отражении атаки. Рабовладельческие орды идут с востока. Разведчики уверяют, что у них от четырехсот до пятисот тысяч солдат. Они форсировали реку, используя тоннель порта Сатэй. И они, кажется, в «плохом настроении», так как были вынуждены бросить переносное жилище из сшитых листьев, чтобы иметь возможность пройти подземным ходом. Значит, у них больше нет укрытия, и, если они не возьмут Шли-пу-кан, то должны будут провести ночь под открытым небом!

Молодая королева пытается рассуждать спокойно: *«Если им было так хорошо с переносным сшитым гнездом, то зачем им понадобилось форсировать реку? Вопрос риторический»*.

Рабовладельцы ненавидят Города ненавистью насколько инстинктивной, настолько и необъяснимой. Каждый Город для них — угроза и вызов. Такова извечная вражда жителей долин и горожан. К тому же рабовладельцы знают, что на этом берегу реки есть сотни муравьиных Городов, один богаче и краше другого. Шли-пу-кан, к сожалению, не готов выдержать подобный натиск. Конечно, вот уже несколько дней в Городе добрый миллион жителей, конечно, на восточной границе высажена стена хищных растений... но этого совершенно недостаточно. Шли-пу-ни знает о том, что ее Город слишком молод, слишком неопытен в ратных делах. Кроме того, у нее все еще нет известий от посланцев, которых она направила в Бел-о-кан, чтобы подтвердить свою принадлежность к Федерации. Это значит, что она не может рассчитывать на помощь соседних Городов. Даже Гаэй-Тиоло находится на расстоянии многих тысяч голов, невозможно предупредить обитателей этого летнего гнезда...

Что бы сделала Мать на ее месте? Шли-пу-ни решает собрать нескольких лучших охотников (у них еще не было случая доказать, что они воины) и осуществить абсолютную связь. Надо срочно вырабатывать стратегию.

Едва охотники являются в запретный Город, как стража из закрывающего Шли-пу-кан кустарника доносит о том, что запахло наступающей армией.

Начинаются приготовления. Вырабатывать стратегию уже некогда. Будем импровизировать. Приказ к выступлению дан, легионы строятся, как бог на душу положит (им еще неизвестна наука военного построения, дорого доставшаяся их собратьям в сражениях с карликами). На самом деле, большинство солдат в глубине души возлагают все надежды на стену из хищных растений.

В Мали: В Мали догоны считают, что во время свадьбы Неба и Земли половым органом Земли был муравейник.

Когда мир, рожденный в результате этого совокупления, был окончательно создан, вульва стала ртом, из которого вышло слово и его материальное подтверждение: техника ткачества, которую муравьи передали людям.

И в наши дни сохранились ритуалы плодородия, связанные с муравьями. Бесплодные женщины, чтобы попросить бога Амма даровать им детей, садятся на муравейник.

Но муравьи сделали для людей не только это, еще они показали, как строить дома. И указали, где искать источники воды. Догоны поняли, что искать воду нужно под муравейником.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Во все стороны бегут кузнечики. Это верный признак. Чуть подальше самые зоркие муравьи уже различают столб пыли.

Говорить о рабовладельцах это одно, увидеть их атаку — совсем другое. У рабовладельцев нет кавалерии, так как все они и есть кавалерия. Тела у них гибкие и крепкие, лапки — мощные и мускулистые, их заостренные, тонкие головы продолжены подвижными рогами, которые, собственно, и являются мандибулами.

Их тела так безупречно обтекаемы, что головы, увлекаемые движением лапок, рассекают воздух бесшумно.

Когда они наступают, трава приникает, земля содрогается, на песке остаются волны. Их направленные вперед усики выделяют такие едкие феромоны, что напоминают брань. Закрыться и держать осаду или выходить и драться? Шли-пу-ни колеблется, ей так страшно, что она не может ни на что решиться. И естественно, рыжие солдаты делают то, чего делать не следовало. Они разделяются. Половина их выходит, чтобы встретить противника под открытым небом, остальные остаются в Городе, в качестве резерва для сопротивления в случае осады.

Шли-пу-кан пытается припомнить битву Маков, единственную, которая происходила при ее жизни. Ей кажется, что артиллерия нанесла тогда самый значительный урон войскам противника. Она тут же приказывает выдвинуть вперед три ряда артиллеристов. Легионы рабовладельцев наступают на стену плотоядных растений. Растительные хищники, привлеченные запахом теплого мяса, склоняются над ними. Но растения слишком медлительны, все вражеские воины проходят мимо, прежде чем хотя бы одной дионее удалось схватить их.

Мать ошиблась!

Чтобы остановить атаку, первая линия шлипуканцев выпускает пристрелочный залп кислоты, который устраняет всего лишь около двадцати наступающих. Второй ряд даже не успевает занять позиции, артиллеристы, не выстрелив ни одной капли, схвачены за горло и обезглавлены.

Это главная особенность рабовладельцев — целиться в голову. И делают они это очень хорошо. Летят черепа юных шлипуканцев. Тела без голов иногда продолжают вслепую драться или убегают, пугая оставшихся в живых.

Через двенадцать минут от войска рыжих остаются рожки да ножки. Вторая половина армии закрывает входы. У Шли-пу-кана еще нет купола, на поверхность земли он выходит в виде десятка маленьких кратеров, присыпанных измельченным гравием.

Горожане ошеломлены. Потратить столько сил на постройку современного Города и видеть его поверженным к ногам разбойников, примитивных, не умеющих даже самостоятельно питаться варваров!

Шли-пу-ни бесплодно умножает абсолютную связь, она не видит способов сопротивления. Щебенка, закрывающая входы, продержится в лучшем случае несколько секунд. Драться в галереях? Но шлипуканцы готовы к таким битвам не лучше, чем к сражениям под открытым небом.

Снаружи последние рыжие солдаты дерутся как герои. Некоторые из них могли бы отступить, но увидели входы, закрывающиеся прямо за их спинами. Для них все кончено. И солдаты, поскольку терять им уже нечего, сопротивляются с еще большим отчаянием, надеясь задержать противника и дать возможность собратьям получше заделать входы. Вот и последний шлипуканец обезглавлен, и его тело, повинуясь нервному рефлексу, вцепляется когтями в мелкий гравий и призрачным щитом заслоняет вход. Внутри Шли-пу-кана ждут.

Они ждут рабовладельцев с мрачным смирением. Физическая сила взяла верх, технологии еще не могут преодолеть ее...

Но рабовладельцы не атакуют. Как Ганнибал у стен Рима, они колеблются перед тем, как одержать победу. Слишком уж все просто. Здесь должна быть какая-то ловушка. Слава рабовладельцев бежит впереди них, но и у рыжих тоже есть репутация. В лагере рабовладельцев говорят о том, что рыжие — мастера на хитрые уловки. Утверждают, что они умеют договариваться с наемниками, и те появляются именно тогда, когда их ждут меньше всего.

Говорят также, что они умеют приручать свирепых животных и что у них есть «секретное оружие», вызывающее невыносимую боль. И потом, насколько рабовладельцы хорошо чувствуют себя на свежем воздухе, настолько же они не любят находиться в замкнутом пространстве.

Из-за всего этого они не взламывают входы. Они ждут. Время у них есть. В конце концов, ночь наступит только через пятнадцать часов.

В муравейнике удивляются. Почему они не атакуют? Шли-пу-ни это не нравится. Ее беспокоит то, что действия противника «выходят за рамки ее понимания». Ведь рабовладельцы в этом не нуждаются. Они сильнее. Некоторые из ее детей робко предполагают, что враг, быть может, готовится к осаде. Это придает рыжим уверенности: благодаря их подземным стойлам, грибницам, чердакам с мукой из зерна, муравьям, наполненным молочком, они способны продержаться добрых два месяца.

Но Шли-пу-ни не верит в осаду. Тем, наверху, нужно гнездо для ночевки. Она опять вспоминает знаменитое изречение Матери: *«Если противник сильнее, твои действия должны выйти за рамки его понимания»*. Да, в борьбе с этими грубиянами спасение в высоких технологиях.

Пятьсот тысяч шлипуканцев осуществляют абсолютную связь. Наконец появляется интересная мысль. Маленький рабочий выделяет:

Наша ошибка была в том, что мы хотели прибегнуть к оружию или стратегии, которые уже использовали наши предки. Мы не должны подражать, мы должны придумать, как нам самим справиться с нашей собственной бедой.

Как только этот феромон был брошен, умы почувствовали свободу и выход был быстро найден. Все принялись за работу.

Янычары: В четырнадцатом веке султан Мурад I создал особый армейский корпус, солдат которого он назвал янычарами (от турецкого «ени чери» — «новое войско»). Войско янычаров имело одну особенность: оно было сформировано из сирот. Турецкие солдаты, грабя армянские или славянские деревни, забирали совсем маленьких детей и отправляли их в специальную военную школу. Дети, находившиеся в ней, ничего не знали о внешнем мире. Обученные боевому искусству, они становились лучшими воинами Оттоманской империи и без зазрения совести разоряли свои родные деревни. Никогда у янычаров не возникало мысли

сражаться против своих похитителей на стороне родных. Но, в конце концов, их растущее могущество обеспокоило султана Махмута II, и он в 1826 году предал их школу огню.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Профессор Ледюк принес два больших чемодана. Из одного он достал невиданной модели отбойный молоток, работающий на бензине. Он тут же принялся разрушать стену, возведенную полицейскими, пока не проделал в ней круглое отверстие, в которое можно было пролезть.

Когда оглушительный грохот затих, бабушка Огюста предложила своему гостю вербенового чаю, но Ледюк отказался, степенно объяснив, что от этого ему захочется в туалет. Он подошел к другому чемодану и достал из него полный костюм спелеолога.

— Вы думаете, что там так глубоко?

— Честно говоря, мадам, перед тем как прийти к вам, я собрал сведения об этом доме. В эпоху Возрождения в нем жили ученые — гугеноты, которые прорыли тайный подземный ход. Я почти уверен, что этот тоннель ведет в лес Фонтенбло. По нему гугеноты спасались от своих преследователей.

— Но если люди, спустившиеся в подвал, вышли в лесу, почему же они не дали о себе знать? Там мой внук, мой правнук... моя невестка, больше десятка спасателей и жандармов, у всех этих людей нет ни малейшей причины прятаться. У них есть семьи, друзья. Они не гугеноты, и религиозные войны кончились.

— Вы так в этом уверены, мадам?

Профессор посмотрел на хозяйку странным взглядом.

— Религии называются по-другому, они хотят считаться философией или... наукой. Но они все так же догматичны.

Ледюк направился в соседнюю комнату, чтобы надеть костюм спелеолога. Когда он вернулся, уже переодетый, с трудом поворачиваясь, в ярко-красной каске с фонариком спереди, Огюста чуть не прыснула от смеха. Ледюк и сам засмеялся как ни в чем не бывало.

— Против гугенотов здесь селились всевозможные сектанты. Одни предавались старинным языческим культам, другие поклонялись луку или редьке, точно не знаю.

— Лук и редька очень полезны для здоровья. Я прекрасно понимаю тех, кто им поклонялся. Здоровье важнее всего. Вот я — совсем оглохла, скоро выживу из ума, одной ногой в могиле.

Ледюк захотел утешить старушку:

— Ну зачем так мрачно, вы еще ого-го.

— Ну-ка, сколько лет вы мне дадите?

— Не знаю... Ну, шестьдесят, семьдесят.

— Сто лет, месье! Неделю назад мне стукнуло сто, у меня болит все тело, с каждым днем мне все труднее жить на этом свете, особенно с тех пор, как я потеряла всех людей, которых любила.

— Я понимаю вас, мадам, старость не радость.

— У вас еще много в запасе таких дежурных фраз?

— Но, мадам...

— Давайте, спускайтесь быстрей. Если завтра вы не подниметесь, я позову полицию, и они построят такую толстую стену, которую уже никто не сломает...

Постоянно терзаемый личинками ихневмона, № 4000 не может спать даже в самый лютый холод.

Поэтому он спокойно ждет смерти, предаваясь самым волнующим и рискованным

занятиям, на которые, при других обстоятельствах, он никогда не решился бы. Найти край земли, например.

Они все еще идут к полям жнецов. № 103683 использует это время на то, чтобы припомнить некоторые уроки кормилиц. Они объясняли ему, что Земля имеет форму куба и жизнь есть только на верхней его стороне.

Что он увидит, когда дойдет до края света, до края куба? Воду? Пустоту другого неба? Его попутчик и он сам, № 103683, будут знать об этом больше, чем все разведчики, все рыжие муравьи испокон веков!

И № 4000 с удивлением замечает, что № 103683 переходит вдруг на торжественную и решительную поступь.

Когда после обеда рабовладельцы решают взломать входы, они удивлены тем, что не встречают никакого сопротивления. А они ведь знают о том, что, даже принимая во внимание маленькие размеры Города, далеко не вся армия рыжих уничтожена. Бдительность, и еще раз бдительность...

Рабовладельцы продвигаются вперед особенно осторожно — живущие под открытым небом, каждый, что называется, глаз-алмаз, под землей они совершенно слепы. Бесполые рыжие тоже ничего не видят под землей, но они, по крайней мере, привыкли шнырять в лабиринтах этого царства теней.

Рабовладельцы приходят в запретный Город. Пустынно. На земле лежит гора пищи, нетронутая! Они спускаются глубже, склады полны, совсем недавно муравьи были в этих залах, тут сомнений быть не может.

На минус пятом этаже они находят свежие феромоны. Рабовладельцы пытаются понять, о чем разговаривали рыжие, но те оставили на полу веточку тмина, аромат которого перебивает все запахи.

Минус шестой этаж. Рабовладельцам неприятно находиться под землей. Как темно в этом Городе! Как рыжие могут постоянно находиться в тесных и темных помещениях, так напоминающих о смерти?

На минус восьмом этаже рабовладельцы находят еще более свежие феромоны. Они ускоряют шаг, рыжие где-то поблизости.

На минус десятом этаже рабовладельцы видят группу рабочих с яйцами в лапках. Рабочие удирают от завоевателей. Так вот в чем дело! Наконец рабовладельцам все ясно: весь Город спустился на нижние этажи, надеясь спасти свое драгоценное потомство.

Так как загадки больше нет, рабовладельцы забывают об осторожности и бегут, испуская на все коридоры свои знаменитые феромоны — боевые кличи.

Шлипуканские рабочие не могут от них оторваться, и все они оказываются уже на минус тринадцатом этаже.

Вдруг, необъяснимым образом, рабочие с яйцами исчезают. А коридор, по которому следуют рабовладельцы, выходит в огромный зал, где пол обильно полит молочком. Рабовладельцы, не раздумывая, бросаются лизать бесценный ликер, который вот-вот впитается в землю.

Другие солдаты теснятся за ними, но зал действительно гигантский, места и луж молочка хватает на всех. Какое оно вкусное, сладкое! Это, наверное, зал муравьев-резервуаров, о которых рабовладельцы слышали: *так называемый современный метод, вынуждающий бедных рабочих всю жизнь висеть вниз головой, с растянутым до предела брюшком.* Они еще раз смеются над горожанами, продолжая наслаждаться молочком. Странная деталь привлекает внимание одного солдата. Удивительно, что в таком огромном зале всего один выход...

Но у него нет времени подумать над этим. Рыжие закончили копать. Поток воды

низвергается с потолка. Рабовладельцы пытаются убежать через коридор, но тот уже завален большой скалой. И уровень воды поднимается. Те, кто не был оглушен водопадом, барахтаются изо всех сил.

Идея принадлежала рыжему солдату, который сказал, что не надо подражать старшим. Затем он задал вопрос: *В чем особенность нашего Города?* Ответом был один дружный феромон: *Подземный ручей на минус двенадцатом этаже!*

Шлипуканцы прорыли канаву от ручья и сделали ее каналом, выстлав ее дно непромокаемыми жирными листьями. Дальше вступила в действие техника цистерн. Рыжие превратили свое жилище в большой резервуар с водой, а потом проткнули его в центре веточкой. Сложнее всего было, конечно, держать ветку-бур, торчащую над поверхностью воды. Этот подвиг совершили муравьи, укрепившиеся на потолке жилища-цистерны.

Внизу рабовладельцы жестикулируют и дергаются. Большинство из них уже утонуло, но, когда вся вода вылилась в нижний зал, уровень ее стал так высок, что некоторые воины сумели выбраться в отверстие в потолке. Рыжие без труда приканчивают их залпами кислоты.

Через час жижа из рабовладельцев уже не шевелится. Королева Шли-пу-кан победила. Она выделяет свое первое историческое изречение: *«Чем труднее препятствие, тем лучше оно вынуждает нас превзойти самих себя»*.

Мерное глухое постукивание привлекло Огюсту на кухню как раз тогда, когда профессор Ледюк, извиваясь, пролезал через отверстие в стене. Значит, все-таки поднялся, хоть и через двадцать четыре часа! Неприятный человек, чье исчезновение ей было совершенно безразлично, — и вот он-то как раз и возвращается!

От его костюма спелеолога остались одни лохмотья, но сам Ледюк был невредим. Он вернулся ни с чем, это было так же заметно, как заметен на лице нос.

— Ну и?

— Что, ну и?

— Вы их нашли?

— Нет...

Огюста была взволнована. Первый раз кто-то вылез из этой дыры живым и в здравом рассудке! Значит, это испытание можно выдержать!

— Ну, что же там внизу, в конце концов? Тоннель выводит в лес Фонтенбло, как вы и думали?

Ледюк снял каску.

— Дайте мне сначала попить, пожалуйста. Я съел все свои припасы и не пил со вчерашнего полудня.

Огюста принесла ему вербенового чаю, который настаивался в термосе.

— Вы хотите, чтобы я вам сказал, что там внизу? Там винтовая лестница, которая отвесно уходит в глубину на многие сотни метров. Там есть дверь. Там есть коридор, стены которого отливают красным цветом и который кишит крысами. В самом низу есть стена, которую, должно быть, построил ваш внук Джонатан. Стена очень прочная, я пытался проделать отверстие отбойным молотком, но тщетно. Она, наверное, поворачивается или отодвигается, так как на ней есть код с буквенными обозначениями.

— Код с буквенными обозначениями?

— Да, надо написать слово, служащее ответом на вопрос.

— Какой вопрос?

— *Как сложить четыре равнобедренных треугольника из шести спичек?*

Огюста не смогла не расхохотаться. Это очень раздосадовало ученого.

— Вы знаете ответ!

Между двумя приступами смеха старушка выговорила:

— Нет! Да нет же! Я не знаю ответа! Я знаю вопрос! И она продолжала смеяться. Профессор Ледюк пробурчал:

— Я думал несколько часов. Конечно, можно сделать треугольники в виде римской пятерки, но они не равнобедренные.

Он сложил свою экипировку.

— Если вы позволите, я посоветуюсь с моим другом математиком и вернусь.

— Нет!

— Как нет?

— Один раз, один шанс, единственный. Вы не сумели его использовать, теперь уже поздно. Вытаскивайте-ка эти чемоданы из моего дома. Прощайте, месье!

Огюста даже не вызвала ему такси. Ее отвращение было сильнее приличий. От него исходил запах, который ей решительно не нравился.

Старушка уселась на кухне лицом к развороченной стене. Теперь все стало ясно. Она позвонит Язону Брагелю и этому Розенфельду. Она решила немного развлечься перед смертью.

Человеческий феромон: Как насекомые, разговаривающие запахами, человек тоже обладает обонятельным языком, при помощи которого он незаметно вступает в диалоги с себе подобными.

Так как у нас нет передающих усиков, мы выделяем феромоны в воздух подмышками, сосками, кожей под волосяным покровом и половыми органами.

От того, что эти послания воспринимаются бессознательно, они не становятся менее действенными. Человек обладает пятьюдесятью миллионами обонятельных нервных окончаний, пятьюдесятью миллионами клеток, распознающими тысячи запахов, в то время как наш язык способен различить всего четыре вкуса.

Как мы используем этот способ общения?

Прежде всего это сексуальный импульс. Человеческий самец может быть привлечен человеческой самкой только потому, что ему нравятся ее природные запахи (между прочим, слишком часто спрятанные под искусственным ароматом духов!). А другая самка, чьи феромоны ему не подходят, может его оттолкнуть.

Процесс этот очень тонкий. Оба человека даже не подозревают о диалоге запахов, в который они вступили. Они просто скажут, что «любовь слепа».

Влияние человеческих феромонов может сказаться в случаях агрессии. Как собака, человек, чувствуя запах страха, испытываемого противником, переходит в атаку. Наконец, одним из самых ярких проявлений действия человеческих феромонов является, без сомнения, синхронизация менструального цикла. Замечено, что многие живущие вместе женщины выделяют запах, настолько координирующий их организмы, что менструация у них начинается одновременно.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Они замечают первых жнецов посреди желтых полей. Честно говоря, правильнее их было бы назвать дровосеками. Злаки гораздо выше самих жнецов, которые срезают стебель у корня, чтобы питательные зерна упали на землю.

Кроме сбора урожая жнецы также уничтожают сорняки. Для этого они используют гербицид собственного изготовления: индоло-уксусную кислоту, которую они разбрызгивают при помощи брюшной железы.

Жнецы почти не обращают внимания на появление № 103683 и № 4000. Они никогда

не видели рыжих муравьев и думают, что эти двое насекомых, скорее всего беглые рабы или несчастные, ищущие молочко ломешузы. Короче, бродяги или наркоманы.

Один жнец наконец улавливает молекулу запаха красных муравьев. Вместе со своим товарищем он оставляет работу и подходит.

Вы встретили красных? Где они?

Из беседы белоканцы узнают, что много недель назад красные напали на гнездо жнецов. Они убили своими ядовитыми жалами больше сотни рабочих, самок и самцов и украли все запасы муки из злаков. Армия жнецов, вернувшаяся из южной экспедиции,

предпринятой в целях поиска новых зерен, смогла только подсчитать потери.

Рыжие признаются в том, что они действительно встретили красных. Они указывают направление, в котором тех следует искать. Жнецы расспрашивают их, и рыжие рассказывают им все.

Вы ищете край света?

Рыжие отвечают утвердительно. Жнецы разражаются феромонами смеха с искрящимися запахами. Почему они смеются? Конца света не существует?

Нет, он существует, и вы до него дошли! Мы ведь не только собираем урожай — мы еще и пытаемся перейти край света.

На следующее утро жнецы предлагают провести «туристов» в это метафизическое место. Вечер проходит за разговорами в маленьком гнезде, которое жнецы устроили в коре бука.

А стражи края света? — спрашивает № 103683.

Не беспокойтесь, вы их сразу увидите.

А правда ли, что их оружие способно сразу уничтожить целую армию?

Жнецы удивлены тем, что чужаки знают такие подробности.

Так оно и есть.

Значит, № 103683 узнает наконец разгадку тайны «секретного оружия»!

Ночью ему снится сон. Он видит Землю, обрывающуюся под прямым углом, вертикальную стену воды до неба и голубых муравьев, выходящих из этой водяной стены и держащих в лапках страшные, разрушительные ветки акации. Все, к чему только прикасаются волшебные ветки, рассыпается в пыль.

4

КОНЕЦ ДОРОГИ

Целый день Огюста просидела над шестью спичками. Она понимала, что стена была скорее психологической. Это знаменитое Эдмоново: «Надо думать по-другому!» Эдмона... Ее сын что-то открыл, это было ясно, и он умело прятал свое открытие.

Старушка вспомнила его детские гнездышки, его «убежища». Может быть, оттого, что их разрушили, он решил устроить не доступный никому тайник, где его никто не потревожит... Какое-то внутреннее убежище, где он будет спокоен... и невидим. Огюста сбросила овладевающее ею оцепенение. Она вспомнила свое собственное детство. Совсем маленькой, однажды зимней ночью, она поняла, что бывают цифры меньше нуля... 3, 2, 1, 0, а потом — -1, -2, -3... Цифры наоборот! Как будто они выворачивались наизнанку. Ноль не был ни концом всего, ни началом. С другой стороны был целый бесконечный мир. Как будто стена под названием «ноль» рухнула.

Ей было тогда семь или восемь лет, и ее открытие так взбудоражило ее, что она не спала всю ночь.

Цифры наизнанку... Другое измерение. Третье измерение. Объем!

Боже!

Руки ее дрожат от волнения, она плачет, но у нее хватает сил снова взяться за спички. Она складывает три треугольника, в каждый его угол кладет еще по одной спичке, так, чтобы они соединились в верхней точке.

Получается пирамида. Пирамида и четыре равнобедренных треугольника.

Вот он, конец Земли. Поразительное место. Здесь нет ничего естественного, ничего земного. Это не похоже на то, что представлял себе № 103683. Конец света черный, он никогда не видел ничего чернее! Он твердый, гладкий, теплый и пахнет минеральными маслами.

Здесь нет вертикального океана, но есть страшной силы движение воздуха.

Друзья долго пытаются понять, что же здесь происходит. Время от времени они чувствуют вибрацию. Она нарастает. Потом вдруг земля начинает дрожать, ветер поднимает их усики, в барабанных перепонках оглушительно стучит. Похоже на жесточайшую бурю, которая, едва начавшись, затихает, оставив в воздухе лишь несколько завитков пыли.

Многие разведчики-жнецы хотели пересечь эту границу, но Стражи бдят. Потому что этот шум, этот ветер, эта вибрация — все это они, Стражи конца земли, убивающие все, что пытается ступить на черную территорию.

Видели ли они уже этих Стражей? Пока рыжие ждут ответа, грохот снова поднимается и утихает. Один из шести сопровождающих их жнецов уверяет, что никому еще не удавалось пройти по «проклятой земле» и вернуться оттуда живым. Стражи уничтожают все.

Стражи... должно быть, это они напали на Лашола-кан и экспедицию самца № 327. Но почему они покинули край света и продвинулись на восток? Они хотят завоевать мир? Жнецы знают об этом не больше рыжих. Как они хотя бы выглядят? Все, что знают жнецы, так это то, что каждый, кто приблизился к Стражам, был раздавлен. Непонятно даже, к какой категории живых существ их отнести: гигантские насекомые? птицы? растения? Жнецы знают, что они очень быстры и могущественны. Сила непостижимая и не похожая ни на что известное...

И тут № 4000 совершает неожиданный поступок. Он отрывается от группы и вступает в запретную зону. Двум смертям не бывать, а одной не миновать, так не лучше ли перейти край света вот так, отчаянно. Все ошеломленно смотрят на него.

Он идет медленно, прислушиваясь к малейшему колебанию, к малейшему запаху чувствительными окончаниями своих лапок. И... пятьдесят голов, сто голов, двести голов, четыреста, шестьсот, восемьсот голов пройдено. Ничего. Цел и невредим!

Ему устраивают овацию. С того места, где находится № 4000, он видит прерывистые белые линии, убегающие влево и вправо. На черной земле все мертво, нет ни насекомых, ни растений. И земля такая черная... да это не земля.

Он чувствует, что далеко впереди есть растения. Неужели возможно, чтобы существовал мир за краем света? Он бросает несколько феромонов своим друзьям, оставшимся у границы, чтобы рассказать им обо всем, но на таком расстоянии трудно разговаривать.

Он оборачивается, но тут опять земля дрожит, все гремит. Стража возвращается! № 4000 бежит изо всех сил к своим товарищам.

Те стоят в оцепенении несколько мгновений, пока какая-то ошеломляющая масса пересекает небо, издавая оглушительное гудение. Стража прошла, распространяя запах минеральных масел.

А № 4000 исчез.

Муравьи подходят чуть ближе к границе и понимают все. №4000 раздавлен такой

тяжестью, что его тело теперь не превышает в толщину одной десятой головы, он просто вмазан в черную почву!

Ничего больше не осталось от старого белоканского разведчика. Мучения с яйцами ихневмона закончены. Можно даже увидеть, насколько личинка осы проела ему спину, белое пятнышко посередине распластанного рыжего тела...

Так вот как наносят удар Стражи края света! Ты слышишь грохот, чувствуешь ветер, и в мгновение ока все разрушено, сметено, раздавлено. № 103683 не успел еще как следует обдумать случившееся, как слышится новый взрыв. Смерть разит даже тогда, когда никто не переходит порог. Пыль опускается.

Но № 103683 все-таки хочет попробовать. Он вспоминает о Сатэе. Тут ведь все то же самое: если нельзя пройти поверху, значит, надо идти внизу. Будем рассматривать черную землю как реку, а лучший способ перейти реку — это прорыть под ней тоннель.

Он говорит об этом шести жнецам, и те приходят в восторг от его идеи. Решение настолько очевидно, что они не понимают, как сами раньше до этого не додумались! И все принимаются копать полными мандибулами.

Язон Братель и профессор Розенфельд никогда особо не жаловали вербеновый чай, но сейчас чаевничают вовсю. Огюста рассказала им все в подробностях. Она объяснила им, что ее сын завещал им эту квартиру — сразу вслед за ней самой. Скорее всего, каждый из них захочет однажды спуститься в подвал, как захотелось этого ей. Поэтому Огюста решила действовать объединенными усилиями, чтобы добиться максимального результата.

После того как Огюста вкратце ввела мужчин в курс дела, разговаривали очень мало. Они понимали друг друга без слов. Взгляд, улыбка... Никогда раньше никто из троих не ощущал такого мгновенного интеллектуального единства. Это было сильнее, чем разум каждого в отдельности, казалось, они рождены для того, чтобы дополнить друг друга, их генетические программы были частями единого целого и, наконец, сливались в одно. Это было подобно волшебству. Огюста была очень стара, но, тем не менее, двое мужчин находили ее чрезвычайно красивой...

Они вспомнили Эдмона, их нежность к усопшему, очищенная от каких бы то ни было задних мыслей, удивляла их самих. Язон Брагель не говорил о своей семье; Даниель Розенфельд не говорил о своей работе; Огюста не говорила о своих болезнях. Они решили пойти в подвал в тот же вечер. Они чувствовали, что это — то единственное, что надо было сделать здесь и сейчас.

Долгое время думали, что информатика вообще и программы искусственного интеллекта в частности вберут в себя и представят под новым углом зрения человеческие представления о мире. Короче говоря, от электроники ждали рождения новой философии. Но даже представленная по-другому первичная материя осталась такой же: идеи, выработанные воображением людей. Образовался тупик.

Лучший способ создать новые идеи — выйти за пределы человеческого воображения.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Шли-пу-кан растет и умнеет, это уже Город-подросток. Развивая водные технологии, его жители построили целую сеть каналов под минус двенадцатым этажом. Эти речные рукава позволяют быстро перевозить грузы с одного края Города на другой.

Шлипуканцы довели до совершенства технический уровень акватранспорта. Последнее слово техники и последний писк моды — плавучий листок черники. Достаточно правильно выбрать течение, и можно совершать путешествия по реке длительностью в сотни

голов. Например, от восточных грибниц до западных хлевов.

Муравьи лелеют надежду когда-нибудь приручить жуков-плавунцов. Эти большие жесткокрылые надводные насекомые имеют под надкрыльями воздушные мешки и плавают действительно очень быстро. Если заставить их толкать листки черники, то у плотов появится возможность продвигаться вперед гораздо увереннее, чем просто при помощи неверного речного течения.

Но Шли-пу-ни смотрит в будущее еще дальше. Она помнит об однорогом майском жуке, который освободил ее из паучьих сетей. Какая совершенная военная машина! У жестокрылых носорогов есть не только рог спереди и бронированный панцирь, они еще и быстро летают. Мать представила себе целую колонну такой живой бронетехники, и у каждого на голове сидит десяток артиллеристов. Она уже видит, как эти экипажи, практически неуязвимые, обрушиваются на вражеские войска и заливают их кислотой...

Вот только носороги, совсем как жуки-плавунцы, плохо поддаются дрессировке! Даже их языком никак не удается овладеть. И это притом, что многие десятки рабочих посвящают все свое время расшифровке их обонятельных разговоров и обучению их феромональному муравьиному языку.

Так что результаты пока скромные, хотя шлипуканцам удалось все-таки подружиться с носорогами, большими охотниками до лакомого молочка. Пища остается самым понятным языком между насекомыми.

Несмотря на такой всеобщий энтузиазм, Шли-пуни озабочена. Три отряда послов были отправлены, чтобы получить официальное признание Шли-пукана шестьдесят пятым Городом Федерации, а ответа до сих пор нет. Неужели Бело-киу-киуни не хочет их признавать?

Чем дольше Шли-пу-ни размышляет об этом, тем больше склоняется к тому, что послы-разведчики совершили какую-то ошибку и попались воинам с запахом скальных камней. А может быть, их просто опьянили галлюцинаторные запахи ломешузы с минус пятидесятого этажа... Или что-то еще?

Она хочет знать точно. Она не собирается отказываться ни от присоединения к Федерации, ни от продолжения расследования! Она решает задействовать № 801, своего лучшего и умнейшего воина. Чтобы вооружить его всеми возможными преимуществами, королева осуществляет с молодым солдатом абсолютную связь. Так он будет знать о тайне столько же, сколько знает королева. Он станет

Видящим оком,
Воспринимающим усиком,
Атакующим когтем Шли-пу-кана.

Старушка подготовила полный рюкзак съестных припасов и питья, в частности три термоса с вербеновым чаем. Надо не повторить ошибку этого противного Ледюка, который был вынужден быстро вернуться, так как забыл о том, что без пищи долго не протянешь. Да и в любом случае разве он отгадал бы кодовое слово? Огюста позволяла себе в этом усомниться. Среди прочего снаряжения Язон Брагель запасся большим баллончиком со слезоточивым газом и тремя противогазами, Даниель Розенфельд взял с собой последнюю модель фотоаппарата со вспышкой.

И вот они идут кругами вниз в каменном мешке. Как и у всех их предшественников, спуск вызвал у них воспоминания, забытые мысли. Раннее детство, родители, первые переживания, сделанные ошибки, несчастная любовь, эгоизм, гордость, угрызения совести...

Тела их двигались машинально, забыв об усталости. Они углублялись в плоть планеты, вспоминали прожитые годы. Ах, как длинна жизнь, и какой разрушительной она

может быть, и насколько легче сделать ее разрушительной, чем созидательной...

Наконец они дошли до двери. На ней было написано:

«Душа в смертный час испытывает то же чувство, которое испытывают приобщенные к великим Тайнам.

Сначала это беспорядочный бег с трудными поворотами, тревожное и бесконечное путешествие сквозь тьму.

Наконец, страх достигает своего апогея. Душа объята дрожью, судорогами, холодным потом, ужасом.

Но буквально через мгновение она взмывает к свету, к неожиданному озарению. Перед глазами предстает чудесное сияние, душа несется над прекрасными лугами и долинами, где все поют и танцуют.

Священные слова внушают религиозный трепет.

Совершенный и посвященный человек обретает свободу, он прославляет Тайны».

Даниель взял фотоаппарат.

— Я знаю этот текст, — заявил Язон. — Это Плутарх.

— Действительно прекрасные слова.

— Они вас не пугают? — спросила Огюста.

— Пугают, но это так и задумано. И в любом случае здесь говорится о том, что вслед за ужасом грядет просветление. Так что будем действовать последовательно. Если нужно немного ужаса, что ж, ужаснемся.

— Вот как раз крысы...

Не успела Огюста произнести это слово, как серые твари были уже тут как тут. Три разведчика почувствовали, как они пугливо озираются где-то рядом, ощутили их прикосновения к высоким ботинкам. Даниель снова достал фотоаппарат. Вспышка осветила омерзительное зрелище — ковер из серых клубков и черных ушей. Язон поторопился раздать противогазы перед тем, как щедро окропить все вокруг из своего баллончика. Грызуны не просили его повторить...

Спуск возобновился, они опять долго кружили.

— Не устроить ли пикник, господа? — предложила Огюста. Они устроили пикник. Приключение с крысами казалось забытым, все трое пребывали в прекрасном настроении. Так как было прохладно, они завершили легкую трапезу глотком спирта и хорошим обжигающим кофе. Вербеновый чай ведь пьют только на полдник.

Они долго рыли, прежде чем дошли до участка с рыхлой землей. Наконец пара усиков выныривает, как перископ, на поверхность, незнакомые запахи заливают их. Открытое небо. Они по ту сторону края земли. Стены воды все нет. Но новый мир ничем не похож на старый. Можно насчитать несколько деревьев и немного травы, а затем расстилается серая, гладкая и твердая пустыня. Не видно ни одного муравейника или термитника.

Они делают несколько шагов. Какие-то огромные черные предметы падают на землю вокруг них. Они немного похожи на Стражей, но только эти обрушиваются наугад.

Это еще не все. Далеко впереди возвышается гигантский монолит, такой высокий, что усики друзей не могут определить его границ. Он затмевает небо, давит землю.

Это, должно быть, стена края Земли, и за ней — вода, — думает № 103683.

Они продвигаются еще немного вперед и натыкаются на несколько тараканов, приклеившихся к куску... неизвестно чего. Их прозрачные панцири позволяют увидеть все внутренности, органы и даже струящуюся по артериям кровь! Какая гнусность! Во время отступления на троих жнецов рухнула какая-то глыба и раздавила в лепешку.

№ 103683 и трое оставшихся его товарищей решают, несмотря ни на что, продолжать. Они проходят через какие-то ноздреватые стенки, по-прежнему приближаясь к монолиту

необъятных размеров. И вдруг оказываются на еще более странной местности. Почва тут красная и пористая, как поверхность клубники. Они замечают углубление, похожее на колодец, и решают спуститься туда, чтобы немного передохнуть в тени, как вдруг большой белый шар, диаметром как минимум в десять голов, падает с неба, отскакивает от земли и начинает их преследовать. Они бросаются в колодец... и едва успевают прижаться к стенкам, как шар обрушивается на его дно.

Обезумев, друзья вылезают и пускаются наутек. Почва вокруг синего, зеленого или желтого цвета, белые шары охотятся за ними. На этот раз хватит, храбрость тоже имеет свои пределы. Этот мир слишком странен, чтобы его можно было вынести.

Они бегут что есть духу, ныряют в тоннель и скорей возвращаются в привычный мир.

Цивилизация (продолжение): Другое большое столкновение цивилизаций — встреча Запада и Востока.

В анналах Китайской империи, примерно в 115 году, упоминается о прибытии корабля, скорее всего римского, заблудившегося во время бури и приставшего к берегу после нескольких дней плавания без руля и ветрил.

Пассажирами были акробаты и жонглеры, которые, едва ступив на землю, решили дать представление, чтобы тем самым завоевать симпатии туземцев. И китайцы с разинутыми ртами глазели, как длинноносые чужеземцы изрыгают пламя, завязывают в узел свои руки и ноги, превращают лягушек в змей и т. д.

Из этого жители Поднебесной с полным основанием заключили, что Запад населен паяцами и пожирателями огня. И прошли многие сотни лет, прежде чем представился случай их в этом разуверить.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Наконец они перед стеной Джонатана. *Как сделать четыре треугольника из шести спичек?* Даниель не забывает фотографировать. Огюста набрала слово «пирамида», и стена медленно отошла. Огюста почувствовала гордость за своего внука.

Они прошли и тут же услышали, как стена становится на место. Язон осветил стены, они были из скалы, но не такой, как раньше. Прежде стены были красными, теперь они стали желтыми, с прожилками серы.

Воздуха по-прежнему вполне хватало. Даже как будто чувствовался легкий сквозняк. Что ж, выходит, профессор Ледюк был прав и туннель действительно ведет в лес Фонтенбло?

Неожиданно они столкнулись с новой ордой крыс, гораздо более агрессивных, чем первые. Язон понял, как, должно быть, обстояло дело, но у него не было времени объяснить все остальным: нужно было надеть противогазы и разбрызгать отраву. Каждый раз, когда стена приходила в движение, что случалось, конечно, нечасто, крысы из «красной зоны» перебегали в «желтую зону» в поисках пищи. Но если крысы красной зоны еще как-то могли прожить, то эти — мигранты — не находили ничего съестного и должны были пожирать друг друга.

И Язон с друзьями встретились с победителями, то есть с самыми свирепыми. На них слезоточивый газ совершенно не действовал. Они атаковали! Прыгали, пытались уцепиться за руки...

На грани истерики, Даниель трещал ослепительной вспышкой, но кошмарные твари, весом по нескольку килограммов, не боялись людей. Появились первые раны. Язон достал свой перочинный ножик, убил двух крыс и бросил их на съедение остальным. Огюста без конца стреляла из маленького револьвера... Они смогли оторваться. И вовремя!

Когда я был маленьким, я часами лежал на земле, разглядывая муравьев. Они казались мне более «настоящими», чем телевидение. Среди тайн, встреченных мной в муравейнике, была такая: почему после того, как я у них «похозяйничал», некоторых раненых муравьи уносили, а других оставляли умирать? Все были одинакового размера... Согласно каким критериям один индивидуум считался нужным, а другой — нет?
Эдмон Уэллс.
«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Они бежали по тоннелю, покрытому желтыми полосами. Затем перед ними возникла стальная решетка. Отверстие в центре делало ее похожей на паучью сеть. Она имела форму конуса, сужающегося таким образом, что человек среднего телосложения мог проникнуть сквозь нее. Но вернуться обратно он бы уже не сумел, так как конус заканчивался острыми пиками.

— Это сделали недавно...

— М-да, такое впечатление, что те, кто смастерил эту дверь и эту сеть, не дают никому шанса возвратиться...

Огюста снова узнала работу Джонатана, мастера дверных и стальных дел.

— Посмотрите! Даниель осветил надпись:

Здесь кончается сознание.
Вы хотите вернуться в бессознательность?

Они стояли с разинутыми ртами.

— Ну и что же нам делать?

Все трое одновременно подумали об одном и том же.

— Дойдя досюда, обидно было бы остановиться. Я предлагаю идти дальше!

— Я иду первым, — бросил Даниель, заправляя хвостик волос в воротник, чтобы ни за что им не зацепиться.

Они по очереди пробрались сквозь стальную паутину.

— Знаете, — сказала Огюста, — мне кажется, что я уже переживала подобного рода эксперимент.

— Вы уже были в сети, которая сужается и мешает вернуться назад?

— Да. Это было очень давно.

— Что вы называете «очень давно»?

— О! Я была тогда совсем маленькой, мне едва стукнуло... секунду или две.

Жнецы рассказывают в Городе о своих приключениях на краю света, в стране монстров и необъяснимых явлений. Тараканы, черные пятна, гигантский монолит, колодец, белые шары... Это уж слишком! Нет никакой возможности построить деревню в таком абсурдном мире.

№ 103683 сидит в стороне и собирается с силами. Он размышляет. Когда собратья услышат его, то должны будут переделать все карты и пересмотреть базовые принципы планетологии. Он думает о том, что пора возвращаться в Федерацию.

Пройдя сеть, они шли еще километров десять. Хотя, может быть, и меньше, усталость все-таки уже начинала чувствоваться.

Они дошли до пересекавшего тоннель маленького ручья с очень теплой и насыщенной серой водой.

Даниель остановился как вкопанный. Ему показалось, что он видел муравьев,

плывущих по течению на плоту в виде листка! Он опомнился, без сомнения, серный запах навеял ему видения...

Через сотню метров под ногами Язона что-то хрустнуло. Он посветил. Грудная клетка скелета! Он испустил громкий крик. Даниель и Огюста прочесали фонарями окрестности и обнаружили еще два скелета, один из них — детский. Неужели это Джонатан и его семья?

Они снова пустились в путь и вскоре были вынуждены припустить бегом: громкий шорох означал приближение крыс. Желтый цвет стен сменился белым. Известь. Обессиленные путники подошли к концу тоннеля. К подножию винтовой, идущей вверх лестницы!

Огюста выпустила две последние пули в сторону крыс, затем они бросились подниматься по лестнице.

У Язона еще хватило сил сообразить, что эта лестница была изнанкой первой, то есть подъем, как и спуск, шел кругами по часовой стрелке.

Сенсационная новость: в Городе появился белоканец! Все говорят о том, что это, должно быть, посол, пришедший официально объявить Шли-пу-кан шестьдесят пятым Городом Федерации.

Шли-пу-ни, в отличие от своих детей, настроена менее оптимистично. Пришелец вызывает у нее недоверие. А вдруг это воин с запахом скальных камней, посланный Бел-о-каном для того, чтобы внедриться в Город королевы-смутьянки?

Какой он?

Он ужасно усталый! Он, наверное, бежал от самого Бел-о-кана, чтобы проделать путь за несколько дней!

Его заметили пастухи, изнуренного, бредущего по окрестностям. Он пока еще ничего не сказал, его отвели прямо в зал муравьев-цистерн, чтобы он подкрепился.

Приведите его сюда, я хочу поговорить с ним с глазу на глаз. Пусть стража остается у входа в королевскую ложу и будет готова вмешаться по моему сигналу.

Шли-пу-ни всегда хотелось узнать новости о родном Городе, но теперь, когда явился его представитель, она вынуждена думать о том, что это, скорее всего, шпион и что, быть может, его придется убить. Она сначала посмотрит на него, но если уловит хоть одну молекулу скального запаха, то казнит его без малейшего колебания.

Белоканца приводят. Как только оба муравья видят друг друга, они кидаются друг к другу с широко раскрытыми мандибулами и начинают... самую обильную трофаллаксию. Волнение их так сильно, что они не сразу могут заговорить.

Шли-пу-кан первая бросает феромон. *Что удалось выяснить? Это термиты?* № 103683 рассказывает о том, что пересек восточную реку и посетил Город термитов, о том, что этот Город уничтожен и выживших нет. *Ну и кто же за всем этим стоит?* Истинные виновники всех этих необъяснимых событий, считает воин, Стражи восточного края света. Существа настолько странные, что их не видишь и не чувствуешь. Они неожиданно обрушиваются с неба и убивают всех!

Шли-пу-ни внимательно слушает. *Остается, однако, непонятная деталь,* — добавляет № 103683, — *как Стражи края света могут использовать солдат с запахом скальных камней?*

У Шли-пу-ни есть соображения на этот счет. Она рассказывает о том, что солдаты со скальным запахом — не шпионы и не наемники, что они представляют собой тайные силы, следящие за уровнем стресса в организме Города. Они подавляют любую информацию, способную встревожить Город... Она говорит о том, как эти убийцы казнили № 327 и как они пытались уничтожить ее саму.

А запасы пищи под скалой? А коридор в гранитном утесе?

На это у Шли-пу-ни ответа нет. Она как раз послала разведчиков, которые попытаются разрешить эту двойную загадку.

Молодая королева предлагает своему другу осмотреть Город. По дороге она объясняет ему, какие великолепные возможности открывает им вода. Восточная река, например, всегда воспринималась как угроза жизни, но это всего лишь вода, королева упала в нее и ничего с ней не случилось. Может быть, однажды мы спустимся по этой реке на плотах из листьев и откроем северный край мира... Шли-пу-ни воодушевляется: Стражи северного края мира, конечно, тоже существуют, можно будет столкнуть их со Стражами восточного края земли.

№ 103683 замечает, что Шли-пу-ни переполнена отважными планами. Не все они осуществимы, но то, что уже сделано, впечатляет: никогда солдат не видел такие обширные грибницы и хлева, не встречал плотов, плывущих по подземным каналам... Но что его удивляет больше всего, так это последний феромон королевы.

Она утверждает, что если послы не вернутся через пятнадцать дней, то она объявит войну Бел-о-кану. Она считает, что ее родной Город отстал от жизни. Само то, что существуют воины со скальным запахом, показывает, что Город оторвался от реальности. Это Город — трус, подобный улитке. Когда-то он был передовым, но теперь его обогнали другие. Нужна смена. Здесь, в Шли-пу-кане, прогресс муравьев идет гораздо быстрее. Шли-пу-ни считает, что если она встанет во главе Федерации, та будет развиваться быстрее. Замыслы королевы станут вдвое плодотворнее, когда она будет иметь под началом шестьдесят пять Федеральных Городов. Она уже думает о том, как покорить водные источники и создать летучий легион на жесткокрылых носорогах. № 103683 колеблется. Он хотел вернуться в Бел-о-кан, чтобы рассказать о своей одиссее, но Шлипу-ни просит его отказаться от своего плана.

Бел-о-кан создал армию для того, чтобы «не знать», так не вынуждай его знать то, что он не хочет знать.

Вверху винтовая лестница продолжилась алюминиевыми ступенями. Они не были времен Возрождения! Они вели к белой двери. На ней красовалась еще одна надпись:

Они вознесли меня на небо, и я приблизился к одной стене, которая была устроена из кристалловых камней и окружена огненным пламенем; и она стала устрашать меня.

И я вошел в огненное пламя, и приблизился к великому дому, который был устроен из кристалловых камней; стены этого дома были подобны наборному полу (паркет или мозаика) из кристалловых камней, и почвою его был кристалл.

Его крыша была подобна пути звезд и молний с огненными херувимами между нею (крышею) и водным небом (Енох 1).

Они толкнули дверь, поднялись по очень крутому коридору. Вдруг земля ушла у них из-под ног — пол раздвинулся! Они падают так долго... что им уже не страшно, у них возникает ощущение полета. Они летят!

Они мягко приземляются в гигантскую сетку с мелкими ячейками, вроде сетки воздушных гимнастов. На четвереньках ползут в темноте. Язон Брагель замечает новую дверь... но уже без кода, просто с ручкой. Он тихо зовет своих товарищей. Потом открывает ее.

Старость: В Африке смерть старика оплакивают гораздо больше, чем смерть новорожденного. У старика был опыт, из которого племя могло извлечь пользу, а новорожденный, еще не поживший, даже не осознает своей смерти.

В Европе оплакивают младенца, так как считают, что он мог бы многое совершить, если бы получил возможность вырасти. На смерть старика, напротив, обращают мало

внимания. Старик уже прожил свое.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Помещение залито голубоватым светом. Это храм без икон и статуй.

Огюста вспоминает рассказы профессора Ледюка. Несомненно, гугеноты укрывались здесь, когда преследования становились слишком жестокими. Зал просторный, квадратный, очень красивый, увенчанный широкими сводами из тесаного камня. Единственное его украшение — маленький старинный орган, находящийся в центре. Рядом с органом — аналой, на котором лежит объемистая папка. Стены покрыты надписями, многие из которых, даже на взгляд профана, относятся скорее к черной, чем к белой магии. Ледюк был прав, секты сменяли друг друга в этом подземном убежище. И раньше здесь не было ни движущихся стен, ни загадок, ни ловушек с сетями.

Слышно журчание, как будто где-то течет вода. Они не сразу замечают источник звуков. С правой стороны струится голубоватый свет. Там находится что-то вроде лаборатории, полной компьютеров и пробирок. Все компьютеры включены, это их экраны излучают сияние, озаряющее храм.

— Ну что, вы заинтригованы?

Они переглядываются. Никто из них не произнес ни слова. Под потолком зажигается лампа.

Они оборачиваются. Навстречу им идет Джонатан Уэллс в белом халате. Он вошел через дверь в храм, со стороны лаборатории.

— Здравствуй, бабушка Огюста! Здравствуйте, Язон Брагель! Здравствуйте, Даниель Розенфельд!

Все трое стоят с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова. Так он не умер! Он здесь живет! Как здесь можно жить? Они не знают, с какого вопроса начать...

— Добро пожаловать в нашу маленькую общину.

— Где мы?

— Вы в протестантском храме, построенном Жаном Андруэ Дю Серсо в начале семнадцатого века.

Андруэ прославился тем, что построил особняк Сюлли на улице Святого Антуана в Париже, но, по-моему, его истинный шедевр — этот подземный храм. Километры тоннелей из тесаного камня. Вы видели, воздуха достаточно в течение всего пути. Он, должно быть, сделал трубы или сумел использовать воздушные мешки естественных галерей. Как ему это удалось, ума не приложу. И это не все, здесь есть не только воздух, но и вода. Вы, конечно, заметили ручьи, пересекающие некоторые участки тоннеля. Посмотрите, один выходит сюда.

Джонатан показывает источник постоянного журчания, это скульптурный фонтан, находящийся за органом.

— Веками люди укрывались здесь, чтобы спокойно и беспрепятственно заниматься делом, требующим... скажем так, большой сосредоточенности. Об этом убежище мой дядя Эдмон прочел в старинной книге. Он здесь работал.

Джонатан подходит ближе, он весь лучится доброжелательностью, он абсолютно раскован. Огюста буквально ошеломлена.

— Но вы ведь, наверное, очень устали. Идите за мной.

Он толкает дверь, из которой появился чуть раньше, и ведет их в комнату, где стоят углом несколько диванов.

— Люси, — окликает он, — у нас гости!

— Люси? Она с тобой? — радостно восклицает Огюста.

— М-да-а... И сколько же вас здесь? — спрашивает Даниель.

— Пока нас восемнадцать: Люси, Николя, восемь спасателей, инспектор, пять жандармов, Бишлейм и я. Короче, все, кто дал себе труд спуститься. Вы их всех скоро увидите. Извините нас, но в нашей общине сейчас четыре часа утра, и они спят. Вы только меня разбудили своим приходом. Ну и закоптились же вы в коридорах, надо же...

Появляется Люси, тоже в халате.

— Здравствуйте!

Она подходит, улыбаясь, и обнимает всех троих. За ней силуэты в пижамах просовывают головы в проем двери, чтобы увидеть «вновь прибывших».

Джонатан приносит большой графин воды из фонтана и стаканы.

— Мы оставим вас, пойдем оденемся и приготовимся. Мы встречаем всех новеньких маленьким праздником, просто не ожидали, что вы заявитесь среди ночи... До скорого!

Огюста, Язон и Даниель стоят неподвижно. Вся эта история просто не укладывается в голове.

Даниель вдруг щиплет себя за руку. Огюста и Язон находят идею превосходной и делают то же самое. Но нет, реальность иногда фантастичнее снов. «Вновь прибывшие» переглядываются, совершенно сбитые с толку, и обмениваются улыбками.

Через несколько минут все собираются и рассаживаются на диваны. Огюста, Язон и Даниель пришли в себя и жаждут объяснений.

— Вы только что говорили о трубах, мы далеко от поверхности земли?

— Нет, метра три-четыре максимум.

— Так значит, можно выйти на воздух?

— Нет, нет. Жан Андруэ Дю Серсо разместил свой храм как раз под огромной, плоской, удивительно прочной скалой — она из гранита!

— Правда, она имеет проход толщиной в руку, — добавляет Люси. — Это отверстие служило еще и вентиляционной трубой.

— Служило?

— Да, теперь этот проход используется для других целей. Но это не страшно, есть другие боковые вентиляционные трубы. Сами видите, мы здесь не задыхаемся...

— Но выйти нельзя?

— Нет. Во всяком случае не через верх. Язон озабоченно хмурится.

— Но, Джонатан, зачем тогда ты устроил эту убирающуюся стену, ловушки, раздвигающийся пол, сеть?.. Мы здесь заперты навсегда!

— Именно этого я и добивался. Мне пришлось немало потрудиться и потратиться, но иначе было нельзя. Когда я первый раз пришел в этот храм, я нашел аналой. Кроме «Энциклопедии относительного и абсолютного знания», я обнаружил письмо моего дяди, адресованное лично мне. Вот оно.

Они читают:

«Дорогой Джонатан, Ты все-таки решился спуститься, несмотря на мое предупреждение. Значит, ты храбрее, чем я думал. Браво. Я давал тебе один шанс из пяти. Твоя мать говорила мне, что ты боишься темноты. Если ты здесь, значит, ты, помимо других слабостей, преодолел и эту, и воля твоя укрепилась. Она понадобится нам.

Ты найдешь в этой папке "Энциклопедию относительного и абсолютного знания", которая на тот день, когда я пишу эти строки, составляет двести восемьдесят восемь глав, рассказывающих о моей работе. Я хочу, чтобы ты продолжил ее, она того стоит. Основная цель моей работы — изучение цивилизации муравьев. Ты прочтешь и поймешь. Но сначала у меня к тебе есть очень важная просьба. К тому моменту, как ты придешь сюда, я не успею оборудовать устройства, оберегающие мою тайну (если бы я успел, письмо было

бы составлено по-другому).

Я прошу тебя сделать их. Я набросал эскизы, но думаю, что ты сможешь их усовершенствовать при помощи твоих знаний. Цель создания этих механизмов проста. Необходимо, чтобы людям было бы непросто добраться до моей берлоги. Те же, кто сумел это сделать, не должны иметь возможности вернуться и рассказать о том, что они нашли.

Я надеюсь, что ты добьешься успеха, и это место принесет тебе столько же "богатств", сколько оно дало мне.

Эдмон».

— Джонатан подчинился правилам игры, — объяснила Люси. — Он изготовил все предусмотренные ловушки, и, как видите, они работают.

— А скелеты? Это люди, на которых напали крысы?

— Нет. — Джонатан улыбнулся. — Уверяю вас, никто не погиб в этом подземелье с тех пор, как здесь обосновался Эдмон. Скелетам, которые вы нашли, как минимум лет пятьдесят. Кто знает, какие драмы здесь разыгрывались тогда. Может быть, какая-нибудь секта...

— Но значит, мы никогда не сможем подняться?

— Никогда.

— Для этого надо добраться до ямы над сетью (подняться по меньшей мере на восемь метров в высоту), пройти ловушку в форме конуса в обратном направлении, что невозможно (а уничтожить ее мы не в силах), и снова пройти через отодвигающуюся стену (а с этой стороны Джонатан не сделал никакой системы для открывания двери)...

— Не говоря уже о крысах...

— Как ты крыс здесь развел? — спросил Даниель.

— Это идея Эдмона. Он оставил пару особенно здоровых и агрессивных rattus norvegicus в углублении скалы, с большим запасом пищи. Он знал, что это бомба замедленного действия. Хорошо питающиеся крысы размножаются с показательной скоростью. Каждый месяц шесть малышей, способных размножаться уже через две недели... Чтобы защититься от них, он разбрызгивал феромоны агрессии, невыносимые для этих грызунов.

— Так это они убили Уарзазата? — спросила Огюста.

— Увы. И Джонатан не предвидел того, что крысы, проникшие сюда со стороны стены с пирамидой, станут еще свирепее.

— Один из наших товарищей, который и до этого боялся крыс, совершенно обезумел, когда одна из этих огромных тварей прыгнула ему в лицо и откусила кончик носа. Он тут же вернулся, стена с пирамидой как раз не успела еще закрыться. Вы знаете, что с ним произошло потом? — спросил один из жандармов.

— Говорят, что он сошел с ума и его поместили в сумасшедший дом, — ответила Огюста. — Но это — слухи.

Она встает, чтобы взять стакан с водой, и замечает, что на столе полно муравьев. Она вскрикивает и инстинктивно сметает их ладонью. Джонатан прыгает, хватает ее за запястье. Его суровый взгляд контрастирует с царившей до сих пор крайней безмятежностью, уголок рта снова дергается, чего давно уже не было.

— Никогда... не делай больше... этого!

Одна в своей ложе, Бело-киу-киуни рассеянно пожирает кладку своих яиц. Вообще-то это ее любимая пища.

Она знает, что этот пресловутый № 801 — не только посол нового Города. Самка №

56, или королева Шли-пу-ни, как она хочет теперь называться, послала его для продолжения расследования.

Бело-киу-киуни не о чем беспокоиться, ее воины со скальным запахом покончат с ним без труда. Хромой в особенности преуспел в искусстве снимать тяготы жизни — просто артист!

Однако вот уже в четвертый раз Шли-пу-ни посылает к ней слишком любопытных послов. Первых убили еще до того, как они нашли зал с ломешузой. Вторые и третьи подпали под воздействие галлюцинаторной субстанции ядовитого жесткокрылого.

Что касается № 801, то он, по всей видимости, пошел вниз, едва закончилось свидание с Матерью. Решительно им все больше и больше не терпится умереть! Но с каждым разом они заходят все ниже в глубины Города. А если один из них, несмотря ни на что, найдет проход? Если он откроет секрет? Если начнет распространять об этом запахи?..

Племя не поймет. Противострессовые воины не сумеют задушить вовремя всю информацию. Как будут реагировать ее дети?

Стремительно входит воин со скальным запахом.

Шпион сумел победить ломешузу! Он внизу!

Ну вот, это должно было произойти...

666 — это имя зверя (Откровение Иоанна Богослова).
Но кто для кого будет зверем?
Эдмон Уэллс.
«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Джонатан отпустил запястье своей бабушки. Чтобы разрядить обстановку, Даниель пытается отвлечь внимание на себя.

— А эта лаборатория при входе, для чего она?

— Это Розетский Камень! Все наши усилия направлены к одной цели: общаться с ними!

— С ними... это с кем?

— С муравьями. Идите за мной.

Они покидают гостиную и идут в лабораторию. Джонатан, видимо совершенно свыкшийся с ролью продолжателя дела Эдмона, берет с соломы пробирку, полную муравьев, и поднимает ее на уровень глаз.

— Вы видите эти существа? Они совершенно особые, и мой дядя сразу это понял... Муравьи — это вторая великая земная цивилизация. А Эдмон — второй Христофор Колумб, открывший континент под нашими ногами. Он первый понял, что до того, как искать внеземную жизнь по всем закоулкам космоса, надо сначала наладить связь с... земной цивилизацией.

Никто не сказал ни слова. Огюста вспоминает. Несколько дней назад она прогуливалась в лесу Фонтенбло и вдруг почувствовала, как что-то хрустит у нее под ногой. Она наступила на муравьев. Старушка наклонилась. Они все были мертвы, но кое-что задержало ее внимание. Муравьи выстроились линией в виде стрелы с наконечником в обратную сторону...

Джонатан положил пробирку и снова заговорил:

— Вернувшись из Африки, Эдмон нашел этот дом, потом подземелье, потом храм. Место было идеальным, он устроил здесь свою лабораторию... Первый этап его исследований заключался в расшифровке феромонов разговоров муравьев. Это машина — спектрометр массы. Как следует из ее названия, она определяет спектр массы, разлагая любую материю, обозначая составляющие ее атомы... Я прочел записки моего дяди. Он помещал подопытных

муравьев под стеклянный купол, соединенный со спектрометром всасывающей трубкой. Он ставил муравья перед кусочком яблока, затем этот муравей встречал другого муравья и обязательно сообщал ему: «Там есть яблоко». То есть это была начальная гипотеза. Эдмон собирал выделенные феромоны, расшифровывал их и выводил химическую формулу... Скажем, сообщение «В северной стороне находится яблоко» выглядит так: «метил-4 метилпиррол-2 карбоксилат». Количества химических элементов ничтожны, на фразу приходится от двух до трех пикограмм (10 в минус двенадцатой степени)... Но этого было достаточно. Уже стало ясно, как обозначаются понятия «яблоко» и «северная сторона». Он продолжал опыты с разными предметами, продуктами или ситуациями. Он создал настоящий франко-муравьиный словарь. Выяснив обозначения сотни фруктов, тридцати цветов, десятка направлений, он узнал, как выглядят феромоны тревоги, наслаждения, предложения, описания, он даже нашел самцов и самок, которые научили его выражать абстрактные эмоции седьмого усикового сегмента... Но Эдмону уже было мало «слушать» муравьев. Теперь он хотел говорить с ними, установить настоящий диалог.

— Потрясающе! — пробормотал профессор Даниель Розенфельд.

— Он установил соответствие каждой химической формулы звуку типа слога. Метил-4 метилпиррол-2 карбоксилат, например, произносится как МТ4МТП2ККС, затем, как Митичемитипидвакси. Наконец, он загрузил в память компьютера: митичетипи = яблоко, двакси = находится на севере. Компьютер переводит на французский и с французского. Когда он получает сочетание «двакси», он переводит «находится на севере». Когда на клавиатуре набирают «находится на севере», он переделывает эту фразу в «двакси», что обеспечивает подачу карбоксилата передающим аппаратом...

— Передающим аппаратом?

— Да, вот этой машиной.

Джонатан показывает необычного вида шкаф, подключенный к электрическому насосу, заполненный тысячами маленьких колбочек, каждая из которых заканчивается трубкой.

— Атомы, содержащиеся в каждой колбочке, втянуты насосом, потом переадресованы в этот аппарат, который их сортирует и фасует точными дозировками, указанными в компьютерном словаре.

— Невероятно, — снова восхитился Даниель Розенфельд, — просто невероятно. И ему удалось вступить в диалог?

— М-м-м... об этом этапе я лучше прочту вам его запись из «Энциклопедии».

Отрывок из разговора: Отрывок из первого разговора с firmica rufa, каста — солдат. Человек: Вы меня воспринимаете? Муравей: Крррррр.

Человек: Я передаю, вы получаете мое послание? Муравей: Крррррррррррррр. На помощь.

(N. B. : настройка изменена. В частности, сообщения были слишком интенсивными, они удушали собеседника. Мощность подачи надо перенести на деление 1. Мощность приема, наоборот, переносится на деление 10, чтобы не потерять ни единой молекулы.)

Человек: Вы меня воспринимаете? Муравей: Бугу.

Человек: Я передаю, вы меня слышите? Муравей: Згугну. На помощь. Я заточен.

Отрывок из третьего разговора.

(N. B. : словарный запас на этот раз достиг восьмидесяти слов. Мощность подачи снова слишком интенсивна. Новая подстройка, мощность подачи перенесена на деление 0.)

Муравей: Что? Человек: Что вы говорите? Муравей: Я ничего не понимаю. На помощь! Человек: Говорите медленнее! Муравей: Вы передаете слишком громко! Мои усики перегружены. На помощь! Я заточен. Человек: Так лучше?

Муравей: Нет, вы что, не умеете разговаривать?

Человек: Как сказать...

Муравей: Вы кто?

Человек: Я — большое животное. Меня зовут ЭДМОН. Я — ЧЕЛОВЕК.

Муравей: Что вы говорите? Я ничего не понимаю. На помощь! Помогите! Я заточен!

(N. B. : в результате этого диалога собеседник умер в последующие пять секунд. Сообщения были токсичны? Он испугался?)

Джонатан прервал чтение.

— Как вы видите, это непросто! Для того чтобы говорить, недостаточно создать словарь. Кроме того, язык муравьев не такой, как наш. Воспринимаются не только сами сообщения, воспринимается информация со всех других одиннадцати усиковых сегментов. Это и идентификация личности индивидуума, и род его занятий, и особенности психики... что-то вроде общего портрета, необходимого для хорошего взаимопонимания. Поэтому Эдмон оставил опыты. Читаю вам его записи.

«Какой же я дурак! Какой же я дурак!

Даже если бы пришельцы с других планет существовали, мы бы не смогли войти с ними в контакт. Несомненно, у нас разные базовые понятия. Мы бы протянули им руку, а быть может, это для них означает угрозу.

Мы не можем понять даже японцев с их ритуальным самоубийством и индийцев с их кастами. Мы среди людей друг друга не понимаем... Как я мог так возомнить о себе, что надеялся понять муравьев!»

У № 801 остается лишь часть брюшка. Пусть он сумел вовремя убить ломешузу, но битва с воинами со скальным запахом чертовски ослабила его. Тем хуже, а может быть, и тем лучше: без брюшка ему легче двигаться.

Он заходит в широкий коридор, прорубленный в граните. Как мандибулы муравьев могли прорубить этот тоннель?

Ниже он находит то, о чем ему говорила Шли-пуни: зал, битком набитый продуктами. Сделав несколько шагов по этому залу, № 801 обнаруживает еще один проход. Он углубляется в него и вскоре оказывается в Городе, целом Городе со скальным запахом! Город под Городом.

— Значит, у него ничего не получилось?

— Он действительно долго переживал свою неудачу. Подумал, что выхода нет, что его этноцентризм его ослепил. А потом его отвлекли неприятности. И главную роль тут сыграла его давняя мизантропия.

— Что произошло?

— Вы помните, профессор, вы мне говорили, что он работал на фирме под названием «Суитмилк корпорейшн» и что у него были нелады с коллегами.

— Конечно!

— Один из его начальников залез к нему в стол. И этот начальник был не кто иной, как Марк Ледюк, брат профессора Лорена Ледюка!

— Энтомолог?

— Он самый.

— Невероятно... Он приходил ко мне, представился другом Эдмона, спускался в подвал.

— Он спускался в подвал?

— Ой, да не расстраивайся, он далеко не ушел. Он не сумел пройти стену пирамиды и вернулся.

— Н-да, он приходил к Николя и пытался заполучить «Энциклопедию». Н-да-а... Так вот, Марк Ледюк заметил, что Эдмон увлеченно работал над чертежами машины (на самом деле, это были первые разработки Розетского Камня). Ему удалось открыть ящик стола Эдмона, и он наткнулся на папку, на «Энциклопедию относительного и абсолютного знания». В ней он нашел план первой машины для переговоров с муравьями. Когда он понял предназначение аппарата (а там было достаточно примечаний, чтобы он понял), то рассказал о нем своему брату. Тот, конечно, страшно заинтересовался и тут же попросил выкрасть документы... Но Эдмон заметил, что в его вещах рылись, и, чтобы защититься от нового визита непрошеных гостей, оставил в ящике четырех ос породы ихневмонов. Как только Марк Ледюк снова залез в ящик, его укусили эти насекомые, имеющие досадную привычку оставлять свои прожорливые личинки в теле, в которое погружались их жала. На следующий день Эдмон обнаружил следы укусов и решил публично разоблачить виновного. Продолжение вы знаете, в результате выгнали Эдмона.

— А братья Ледюк?

— Марк Ледюк был наказан жестоко! Личинки ихневмона пожирали его изнутри. Длилось это вроде бы многие годы. Так как личинки не могли вылезти из этого огромного тела для того, чтобы превратиться в ос, они прогрызали дорогу по всем направлениям, пытаясь найти выход. Под конец боли стали настолько нестерпимыми, что Марк бросился под поезд в метро. Я случайно прочел об этом в газете.

— А Лорен Ледюк?

Чего он только не испробовал, стараясь найти машину...

— Вы говорили, что благодаря этому у Эдмона снова появилось желание ей заняться. Но какая связь между этими старыми делами и его изысканиями?

— Лорен Ледюк вошел в прямой контакт с Эдмоном. Он признался в том, что знает о его машине для «разговоров с муравьями». Он сказал, что это его очень интересует и что он хочет работать с Эдмоном. Эдмон особенно этому не противился, в любом случае он топтался на месте и подумал, что, может быть, помощь извне будет полезной. «Приходит день, когда ты не можешь больше быть один», как говорится в Библии. [Скорее всего имеются в виду известные слова об одиночестве из Книги Екклисиаста или Проповедника (Еккл. 4, 8-11).]

Эдмон был уже готов отвести Ледюка в свою берлогу, но сначала решил получше с ним познакомиться. Они много разговаривали. Когда Лорен начал хвалить порядок и дисциплину муравьев, делая упор на то, что общение с ними несомненно позволит людям у них поучиться, Эдмон вспылил. Пережил кризис и сказал Лорену, чтобы больше ноги того в доме Эдмона не было.

— Оно и понятно, — вздохнул Даниель. — Ледюк разделяет взгляды самых крайних последователей немецкой школы, мечтающих изменить человечество, определенным образом копируя поведение животных. Своя территория, дисциплина в муравейниках... Так и до галлюцинаций недалеко.

— А у Эдмона появился предлог, чтобы приняться за работу. Он хотел поговорить с муравьями о... политических перспективах, он считал, что у муравьев — анархическая система управления, и хотел получить от них подтверждение этому.

— Естественно! — пробормотал Билшейм.

— Это становилось для него делом чести. Дядя долго еще размышлял и решил, что для этого лучше всего создать «муравья-робота».

Джонатан потряс листами, покрытыми рисунками.

— Вот его наброски. Эдмон окрестил его «Доктор Ливингстон». Он сделан из пластика. Не буду вам рассказывать, как Эдмон колдовал над этим маленьким шедевром — работа поистине ювелирная. Эдмон не только воспроизвел все сочленения и оживил их при помощи крошечного, размещенного в брюшке, электрического моторчика на батарейке, он даже усики снабдил всеми одиннадцатью сегментами, способными одновременно выделять одиннадцать разных феромонов!.. Есть только одно отличие между Доктором Ливингстоном и настоящим муравьем: к роботу прикреплены одиннадцать трубок толщиной в волос, соединенных между собой в некую пуповину толщиной с бечевку.

— Потрясающе! Просто потрясающе! — воскликнул Язон.

— А где Доктор Ливингстон? — поинтересовалась Огюста.

Воины со скальным запахом преследуют его. Удирая, №801 видит очень широкую галерею и бросается в нее. Он попадает в огромный зал, в центре которого стоит странный муравей, гораздо выше среднего роста.

№ 801 осторожно подходит к нему. Запахи удивительного муравья только наполовину настоящие. Его глаза не блестят, его кожа как будто покрыта черной краской... Молодому шлипуканцу хотелось бы в этом разобраться. Как можно быть муравьем в такой малой степени?

Но солдаты уже теснят его. Хромой идет впереди, один. Это дуэль. Он прыгает на усики противника и начинает кусать их. Оба катятся по земле.

№ 801 вспоминает совет Матери: *«Заметь, куда целится твой противник, часто это его собственное слабое место...»* И действительно, как только он добирается до усиков хромого, тот начинает бешено извиваться. У него, бедного, наверное, очень чувствительные усики. № 801 начисто отсекает их и бежит. За ним мчится свора из пятидесяти убийц.

— Вы хотите знать, где находится Доктор Ливингстон? Проследите за проводами, выходящими из спектрометра массы...

Они действительно видят какую-то прозрачную трубку, которая вьется по соломе до стены, поднимается до потолка и исчезает в большом деревянном ящике, подвешенном в центре зала, прямо над органом. Похоже на то, что ящик заполнен землей. Вновь прибывшие вытягивают шеи, чтобы получше его рассмотреть.

— Но вы сказали, что над нашими головами непроницаемая скала, — замечает Огюста.

— Да, но я ведь говорил вам еще и о том, что есть вентиляционный ход, которым мы больше не пользуемся...

— Но если мы им не пользуемся, — продолжает инспектор Гален, — это еще не значит, что мы его замуровали!

— Значит, если не вы... —... То это они!

— Муравьи?

— Совершенно верно! На этой плите стоит огромный Город рыжих муравьев, как известно, эти насекомые строят в лесах большие купола из веточек...

— По подсчетам Эдмона, там их больше десяти миллионов!

— Десять миллионов? Но они могут нас всех убить!

— Ну что вы, успокойтесь, бояться нечего. Во-первых, они нас знают и разговаривают с нами. Во-вторых, не всем муравьям Города известно о нашем существовании.

Пока Джонатан это говорит, какой-то муравей падает из ящика под потолком и приземляется на лоб Люси. Она пытается снять его, но №801 обезумел и прячется в ее рыжей шевелюре, скользит по мочке уха, переваливает на затылок, углубляется в блузку, огибает грудь и пупок, скачет по нежной коже бедер, падает на щиколотку, с нее прыгает на пол. Секунду он пытается определить направление и... бросается к одному из отверстий боковой вентиляции.

— Что это с ним?

— Кто его знает. В любом случае его привлек поток свежего воздуха из трубы, он без труда выберется по ней.

— Но ведь там он не найдет свой Город, он вылезет на востоке Федерации, не так ли?

Шпиону удалось скрыться! Если так будет продолжаться, мы будем вынуждены напасть на пресловутый шестьдесят пятый Город...

Солдаты со скальным запахом отрапортовали и опустили усики. Когда они уходят, Бело-киу-киуни минуту переживает серьезное поражение своей секретной политики. Она устало вспоминает, как все началось.

Когда-то, еще совсем молодая, она тоже сталкивалась с ужасными явлениями, которые давали повод думать, что на свете существуют какие-то гигантские существа. Было это как раз после роения, она видела, как черная плита раздавила многих плодоносных королев, даже не съев их. Позже, основав свой Город, Бело-киу-киуни решила это обсудить и созвала совет. На него пришли большинство королев, матерей и дочерей. Да, давно это было... Первой тогда заговорила Зуби-зуби-ни. Она рассказала, что многие ее экспедиции попали под смертоносный дождь из каких-то розовых шариков. Другие сестры дополнили рассказ. Каждая назвала поименно погибших и искалеченных от розовых шариков и черных плит.

Шолб-гаи-ни, старая Мать, заметила, что, по свидетельствам очевидцев, розовые шарики передвигаются группами из пяти членов.

Другая сестра, Рубг-файли-ни, нашла неподвижный розовый шарик примерно на триста голов под землей. Находка продолжалась мягкой субстанцией с сильным запахом.

Начали копать мандибулами и наткнулись на белые, твердые стержни — как будто у этих существ панцирь внутри, а не снаружи тела.

Посовещавшись, все королевы сошлись в одном: ясно, что ничего не ясно. Во всяком случае, чтобы муравейники не охватила паника, было решение хранить строжайшую тайну. Для этого Бело-киу-киуни быстро организовала свою собственную «тайную полицию» — рабочую группу, составившую тогда около пятидесяти солдат. В их задачу входило устранять тех, кто видел этот кошмар и мог рассказать о нем собратьям.

Но однажды произошло что-то невероятное. Воины со скальным запахом задержали тогда рабочего из незнакомого Города. Мать пощадила его — то, что он рассказывал, было еще удивительнее, чем все, что она слышала до сих пор.

Рабочий утверждал, что его похитили розовые шарики! Они бросили его в прозрачную тюрьму, вместе со многими сотнями других муравьев. Над ними ставили различные опыты. Чаще всего их помещали в колокол, и там они воспринимали очень концентрированные запахи. Сначала это было очень больно, но потом запахи постепенно потеряли интенсивность и превратились в слова!

В конце концов, манипулируя запахами и колоколами, розовые шарики стали со своими пленниками разговаривать, представились им, как огромные существа под названием «люди». Они заявили, что под Городом есть прорытый в граните ход, и что они хотели бы поговорить с королевой, которая может быть уверена в том, что ей не причинят никакого вреда.

Потом все произошло очень быстро. Бело-киу-киуни встретилась с их «муравьем-

послом». Доктором Ливингстоном. Выглядел он очень странно — из него тянулась прозрачная кишка. Но с ним можно было разговаривать.

Беседа была долгой. Вначале они совсем друг друга не понимали. Но оба тем не менее были полны энтузиазма и хотели многое рассказать друг другу...

Потом люди установили в конце подземного хода ящик, полный земли. И Мать снесла яйца для нового Города. В тайне от других своих детей.

Бел-о-кан-2 был не только Городом воинов со скальным запахом. Он стал Городом-связью между миром муравьев и миром людей. Там все время находился этот, как его... Доктор Ли-винг-стон — ну что за дурацкое имя.

Отрывки из разговоров: Отрывок из восемнадцатого разговора с королевой Бело-киу-киуни:

Муравей: Колесо? Не понимаю, как мы до сих пор не догадались использовать колесо. Ведь все мы видели, как навозный жук катит свой шарик, но никого это не натолкнуло на идею о колесе.

Человек: Как ты собираешься использовать эту информацию?

Муравей: Пока не знаю.

Отрывок из пятьдесят шестого разговора с королевой Бело-киу-киуни:

Муравей: У тебя грустный тон.

Человек: Аппарат с запахами, должно быть, плохо отрегулирован. С тех пор как я добавил эмоциональный язык, машина, похоже, барахлит.

Муравей: У тебя грустный тон.

Человек: ...

Муравей: Ты молчишь?

Человек: Я думаю о том, что это чистое совпадение. Но я и вправду грустный.

Муравей: Что случилось?

Человек: У меня была самка. У нас самцы живут долго, поэтому мы живем парами, самец и самка. Так вот, у меня была самка, и я потерял ее, несколько лет назад. Я любил ее, я никак не могу ее забыть.

Муравей: Что значит «любить»?

Человек: Наверное, у нас были одинаковые запахи.

Мать вспоминает о смерти *че-ло-века Эд-мо-на.* Это случилось во время первой войны против карликов. Эдмон хотел им помочь. Он вышел из подземелья. Но поскольку он все время возился с феромонами, то весь пропитался их запахами. Настолько, что, сам того не зная, казался в лесу... рыжим муравьем Федерации. И когда сосновые осы (с которыми муравьи в то время воевали) почувствовали его опознавательные запахи, они все ринулись на него.

Они убили его, приняв его за белоканца. Должно быть, он умер счастливым.

А позже Джонатан и его община возобновили контакт...

Джонатан наливает еще медового напитка в стаканы троих новичков, не прекращающих засыпать его вопросами:

— Но тогда Доктор Ливингстон способен передавать наверх наши слова?

— Да, и выслушать ответ. Который появляется на этом экране. Эдмон одержал полную победу!

— Но о чем они говорили? О чем вы с ними говорите?

— Видите ли... После того как Эдмон добился успеха, его записи стали несколько

расплывчатыми. Похоже на то, что он уже не старался записывать все.

Ну, сначала они рассказали друг другу о себе, о своих мирах. Так мы узнали, что их Город называется Бел-окан, что он — центр Федерации многих сотен миллионов муравьев.

— Подумать только!

— Потом обе стороны решили, что и тем, и другим знать все это еще рано. Они также заключили договор о строжайшей секретности их «контакта».

— Поэтому Эдмон так настаивал на том, чтобы Джонатан устроил все эти ловушки, — вступает в разговор спасатель. — Он не хотел, чтобы люди узнали обо всем слишком рано. Он с ужасом представлял, какую шумиху поднимут телевидение, радио и газеты. Придет мода на муравьев! Он уже видел рекламу, брелоки для ключей, майки, шоу рок-звезд... все глупости, которыми можно окружить это открытие.

— Со своей стороны, Бело-киу-киуни, королева муравьев, боялась, что ее дети, возможно, захотят пойти войной на опасных незнакомцев, — добавляет Люси.

— Нет, две цивилизации еще не готовы познакомиться и — будем реалистами — понять друг друга... Муравьи — не фашисты, не анархисты, не монархисты... Они — муравьи, их мир совершенно не похож на наш. В этом, кстати, его ценность.

Автор этой страстной тирады — комиссар Билшейм. Он очень изменился с тех пор, как покинул поверхность земли и свое начальство в лице Соланж Думен.

— И немецкая, и итальянская школы ошибаются, — говорит Джонатан, — они пытаются втиснуть муравьев в систему «человеческого» понимания вещей. Поэтому выводы у них очень приблизительные. Все равно как если бы муравьи попытались понять нашу жизнь, сравнивая ее со своей... А ведь каждая их особенность потрясает. Мы не понимаем японцев, тибетцев или индусов, но их культура, их музыка, их философия завораживают, даже при всем нашем европейском восприятии! Будущее нашей планеты в слиянии, это совершенно ясно.

— Но чему же мы можем научиться у муравьев? — удивляется Огюста.

Джонатан, не отвечая, делает знак Люси, та отлучается на несколько секунд и возвращается с предметом, похожим на баночку варенья.

— Посмотрите, только это уже сокровище! Молочко тли. Давайте пробуйте!

Огюста осторожно окунает в баночку указательный палец.

— М-м-м, очень сладко... но ужасно вкусно! Совсем не тот вкус, что у пчелиного меда.

— Вот видишь! А ты не задавала себе вопрос, чем мы питаемся в этом двойном тупике под землей?

— Как раз задаю...

— Муравьи кормят нас молочком и мукой. Они складывают продукты для нас там, наверху. Но это еще не все, мы переняли у них технику выращивания пластинчатых грибов.

Джонатан поднимает крышку большого деревянного ящика. На дне его видны белые грибы, растущие на подушке из перегнивших листьев.

— Гален у нас большой специалист по грибам. Гален скромно улыбается.

— Ну, мне еще многому надо научиться.

— Грибы, мед... но вам, наверное, не хватает белка?

— По белкам у нас Макс.

Один из спасателей поднимает палец к потолку.

— Я собираю всех насекомых, которых муравьи нам приносят, в маленькую коробку рядом с ящиком. Мы их варим, пока не отойдет хитин, и нам остается что-то вроде крошечных креветок. Они даже вкусом и видом напоминают креветок.

— Вы знаете, здесь, если как следует постараться, можно жить со всеми мыслимыми удобствами, — добавляет жандарм. — Миниатюрная атомная электростанция, рассчитанная

на пятьсот лет работы, снабжает нас электричеством. Ее установил Эдмон в первые же дни... Воздух проходит через вентиляционные отверстия, еду нам поставляют муравьи, есть источник со свежей водой. И кроме того, у нас есть страшно интересное занятие. Мы чувствуем себя первооткрывателями в каком-то очень важном деле.

— Мы действительно как космонавты, постоянно живущие на базе и иногда вступающие в контакт с внеземными соседями.

Они смеются. Волна хорошего настроения электризует их спинной мозг. Джонатан предлагает вернуться в салон.

— Вы знаете, я давно мечтал жить вместе с моими друзьями. Я испробовал общины, заброшенные дома, фаланстеры... У меня ничего не получалось. В результате я решил, что я — романтический утопист, чтобы не сказать просто дурак. А здесь... здесь что-то происходит. Мы вынуждены жить вместе, дополнять друг друга, мыслить сообща. У нас нет выбора: если мы не договоримся, то умрем. Убежать невозможно. Я не знаю, происходит ли это благодаря открытию моего дяди или просто потому, что у нас над головами муравьи, но пока что наша община процветает!

— Все получается, даже помимо нашего желания...

— У нас иногда возникает такое впечатление, что мы производим общую энергию, которой каждый свободно подпитывается. Странно.

— Я уже слышал такое про розенкрейцеров и некоторые масонские ложи, — говорит Язон. — Они называют это egregor: духовное достояние «паствы». Как водоем, куда все сливают свои силы, делают своего рода похлебку и затем каждый черпает... В принципе, всегда есть воры, использующие чужую энергию для своих личных целей.

— Здесь нет ничего подобного. Когда несколько человек живут под землей, личных амбиций быть не может...

Молчание.

— И потом, мы разговариваем все меньше и меньше, мы уже без слов понимаем друг друга.

— Да, здесь что-то происходит. Мы не понимаем, что, и пока не контролируем это. Мы еще не дошли, мы в середине пути.

Снова молчание.

— Ну, ладно, короче говоря, я надеюсь, что вам понравится в нашей маленькой общине...

Обессиленный № 801 прибывает в родной Город. Он выполнил задание! Он выполнил задание!

Шли-пу-ни немедленно вступает с ним в абсолютную связь. То, что она узнает, подтверждает ее худшие опасения насчет спрятанного под гранитной плитой секрета.

Она решает немедленно напасть на Бел-о-кан. Всю ночь солдаты вооружаются. Уже полностью подготовлен первый легион летучих носорогов.

№ 103683 выделяет предложение. В то время как часть армии будет наступать в лоб, двенадцать легионов скрытно обогнут Город для того, чтобы попытаться взять штурмом королевский корень.

Вселенная развивается: Вселенная развивается путем усложнения. От водорода к гелию, от гелия к углероду. Усложнять, усложнять и еще раз усложнять — вот смысл эволюции вещей.

Из всех известных планет Земля — самая сложная. Она находится в месте, где температура может меняться. Она покрыта океанами и горами. Но если варианты форм земной жизни практически неисчерпаемы, всего два из них выделяются уровнем интеллекта.

Муравьи и люди.

Можно подумать, что Бог использовал планету Земля как опытный полигон. Два созданных им вида, с совершенно различной философией, вступили в интеллектуальное соревнование, а он наблюдает за тем, кто будет развиваться эффективнее.

Скорее всего цель — прийти к коллективному планетарному интеллекту: слиянию интеллектов всего вида. Я думаю, что это — следующий этап развития интеллекта. Следующий уровень сложности.

Тем временем два главенствующих вида параллельно развиваются:

— Чтобы стать разумным, человек довел свой мозг до чудовищных размеров.

Получилось что-то вроде огромного кочана цветной капусты.

— Чтобы получить тот же результат, муравьи предпочли использовать многие тысячи крошечных интеллектов, объединенных чрезвычайно тонкой связью.

Если оценивать в общем, то в куче крошек муравьиной капусты столько же интеллектуальной субстанции, сколько в цветной капусте человека. Борьба идет на равных.

А что будет, если две формы интеллекта, вместо того чтобы развиваться параллельно, станут сотрудничать?..

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Жан и Филипп не любят телевизор, да и электрический бильярд тоже. Даже новенький мини-гольф, оборудованный за большие деньги, их больше не интересует. А уж навязанные воспитателем прогулки на свежем воздухе для них и вовсе кошмар. На прошлой неделе Жан и Филипп, конечно, позабавились, убивая жаб, но удовольствие было слишком недолгим.

Впрочем, сегодня Жан, кажется, нашел занятие и вправду достойное интереса. Он увлекает своего приятеля в сторону от стайки детей, собирающих, как дураки, опавшие листья, чтобы делать из них идиотские картинки, и показывает ему что-то вроде цементного купола. Термитник.

Они тут же начинают топтать его ногами, но никто не выходит, термитник пуст.

Филипп наклоняется и принюхивается.

— Путевые рабочие его разорили. Чуешь, как воняет средством от насекомых? Они все там внутри сдохли.

Разочарованные, ребята уже собираются догонять своих товарищей, как вдруг Жан замечает на другом берегу речушки полускрытую кустами пирамиду.

Ну, эти-то живые! Здоровенный муравейник, купол, высотой как минимум в метр! Длинные колонны муравьев входят и выходят, сотни, тысячи рабочих, солдат, разведчиков. Этих дустом еще не травили.

Жан подпрыгивает от возбуждения.

— Скажи-ка, ты такое видел?

— Ну нет! Ты что, опять муравьев хочешь есть? Последний раз они были отвратительные.

— Кто тебя просит их есть! Перед тобой Город, такой же, как Нью-Йорк или Мехико. Ты помнишь, что говорили по телику? Внутри их там как сельдей в бочке. Ты только посмотри на этих уродов! Вкалывают как негры!

— Да-а... А ты помнишь Николя? Он так интересовался муравьями, что в конце концов исчез. Я уверен, что на дне подвала были муравьи, и они его сожрали. Слушай, что-то мне в лом даже рядом с этой штукой стоять. Ой, в лом! Я вчера видел, как эти гады вылезали из лунки мини-гольфа, может, хотели в ней гнездо устроить... Во гады!

Жан трясет приятеля за плечо.

— Ну и отлично! Ты не любишь муравьев, я — тоже. Убьем их! Отомстим за нашего

Николя!

Предложение нравится Филиппу.

— Убить их?

— Ну да! А чего? Сожжем этот Город! Представляешь, Мехико в пламени, только потому, что нам так хочется?

— Ладно, давай их сожжем. Да. За Николя.

— Погоди, я тут придумал кое-что получше. Нальем туда средство для уничтожения травы — получится настоящий фейерверк.

— Кла-асс...

— Послушай, сейчас одиннадцать, встретимся здесь ровно через два часа. Тогда и воспитатель не будет надоедать, и все остальные будут в столовой. Я пойду за средством для уничтожения травы. А ты достань коробок спичек, это лучше, чем зажигалка.

— Идет!

Кавалерийские легионы продвигаются вперед быстрым шагом. Когда другие Федеральные Города спрашивают их, куда они идут, шлипуканцы отвечают, что в восточном районе заметили ящерицу, и центральный Город попросил их помочь.

Над ними гудят жесткокрылые носороги, лишь слегка потерявшие скорость от тяжести артиллеристов, ерзающих на их головах.

13 часов. В Бел-о-кане кипит жизнь. Все перемещают яйца, куколок и тлю в солярий, чтобы они воспользовались теплом.

— Я спиртику принес, чтобы лучше загорелось, — объявляет Филипп.

— Порядок, — говорит Жан, — а я купил средство для уничтожения травы. Двадцать франков содрали, козлы!

Мать играет со своими хищными растениями. Почему за все это время она так и не высадила из них защитную стену, как собиралась вначале?

Потом она снова думает о колесе. Как использовать эту гениальную идею? Может быть, сделать большой цементный шар, который будут толкать лапками и давить им противника. Надо объявить об этом проекте.

— Ну, все, я на них вылил и спирт, и средство для уничтожения травы.

Пока Жан говорит, по нему карабкается муравей-разведчик. Он постукивает по ткани его брюк кончиками усиков.

Вы мне кажетесь огромной живой системой, вы можете выделить опознавательные запахи?

Жан ловит муравья и раздавливает между большим и указательным пальцами. Желто-черный сок течет по его пальцам.

— С одним уже в расчете, — заявляет он. — Ладно, теперь отодвинься, тут будет жарко!

— Будет супер-поджарка, — говорит Филипп.

— Апокалипсис от Иоанна! — смеется Жан.

— Сколько их там может быть?

— Точно миллионы. Говорят, что в прошлом году муравьи напали на виллу в нашем районе.

— И за это отомстим, — ухмыляется Жан. — Давай прячься за то дерево.

Мать думает о людях. Надо будет в следующий раз задать им больше вопросов. Как

они сами используют колесо?

Жан чиркает спичкой и бросает ее в купол из веточек и сосновых иголок. Потом пускается наутек, опасаясь языков пламени.

Есть, шлипуканская армия видит центральный Город. Какой же он большой!

Летящая спичка вычерчивает опускающуюся дугу.

Мать решает поговорить с ними немедленно. Надо еще им сказать, что она без всякого труда может увеличить для них количество молочка, надои в этом году обещают быть отличными.

Спичка падает на веточки купола.

Шлипуканская армия уже совсем близко. Она готовится к атаке.

Жан прыгает за большую сосну, за которой уже укрылся Филипп.

Спичка попадает на участок, не пропитанный ни спиртом, ни средством для уничтожения травы. Она гаснет.

Мальчики поднимаются.

— Блин!

— Я знаю, что мы сделаем. Мы туда засунем кусок бумаги, огонь разгорится и обязательно дойдет до спирта.

— У тебя бумага есть?

— Э-э... только билет на метро.

— Давай.

Караул купола замечает что-то таинственное: мало того, что уже несколько минут во многих кварталах пахнет спиртом, в купол втыкается кусок желтого дерева. Караул быстро вызывает рабочую группу для того, чтобы отмыть ветки от спирта и вытащить желтое бревно.

Другой караул бежит к двери номер пять.

Тревога! Тревога! На нас напала армия рыжих муравьев!

Картон горит. Мальчишки снова прячутся за сосной.

Третий караул видит занимающийся пламенем кусок желтого дерева.

Шлипуканцы бегут устрашающим галопом, они помнят, что так нападают рабовладельцы.

Гремит взрыв.

Весь купол загорается сразу.

Искры, языки пламени.

Жан и Филипп стараются не закрывать глаза, несмотря на доходящий до них жар.

Зрелище их не разочаровывает. Сухое дерево занимается быстро. Когда огонь доходит до средства для уничтожения травы, раздается новый взрыв. Зеленые, красные, малиновые снопы пламени вырываются из Города заблудившегося муравья.

Шлипуканская армия останавливается как вкопанная. Первым запылал солярий, а с

ним все яйца и скот, затем пожар охватывает весь купол.

Корень запретного Города был затронут в первые же секунды катастрофы. Привратников разорвало в клочья. Воины бегут, чтобы вызволить единственную производительницу. Но уже слишком поздно, она задохнулась от ядовитых газов.

Быстро объявляется тревога. Тревога первой степени: выделяются возбуждающие феромоны, тревога второй степени: зловещий стук по всем коридорам, тревога третьей степени: «безумные» бегут по всем галереям и сеют панику, тревога четвертой степени: все самое ценное (яйца, самцы и самки, скот, пища...) спускается на нижние этажи, в противоположном направлении поднимаются солдаты, идущие защищать Город. Внутри купола муравьи пытаются найти решение. Легионы артиллеристов сумели погасить некоторые участки, поливая их муравьиной кислотой менее десяти процентов концентрации. Эти импровизированные пожарные, увидев, что их дело приносит плоды, поливают теперь запретный Город. Может быть, увлажнением удастся спасти корень. Но огонь побеждает. Замурованные горожане гибнут от ядовитого дыма. Раскаленные арки мостов падают на растерянную толпу. Панцири плавятся и скручиваются, как пластик в кастрюле.

Ничто не может противостоять огненному штурму.

Эпизод: Я ошибся. Мы не равны, мы не соперники. Появление людей — всего лишь короткий эпизод в безраздельном царствовании муравьев на Земле.

Они неизмеримо многочисленней нас. У них больше Городов, они занимают больше экологических ниш. Они живут в любом климате, в том числе и в таком, где ни один человек не выжил бы. Куда бы ни упал наш. взгляд, везде есть муравьи. Они жили сто миллионов лет до нас, и, судя по тому, что они принадлежат к немногим организмам, нечувствительным к атомному взрыву, они проживут еще сто миллионов лет после нас. Мы только случайность в три миллиона лет в их истории. Кстати, если однажды нашу планету посетят пришельцы из космоса, они не совершат ошибки. Они вступят в контакт не с нами, а с ними. Они — настоящие хозяева Земли.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

На следующее утро купол исчез совершенно. Черный голый корень торчит посреди погибшего Города.

Пять миллионов граждан погибли. Все, кто был в куполе и поблизости от него.

Все, кто сохранил присутствие духа и успел спуститься вниз, остались невредимыми. Люди, живущие под Городом, ничего не заметили. Огромная скала все закрыла от них. Да и произошло все во время их искусственной ночи.

В роковом огне погибла Бело-киу-киуни. Лишившись производительницы, Племя оказалось под угрозой.

Шлипуканская армия участвовала в борьбе с огнем. Как только солдаты узнали о смерти Бело-киу-киуни, они отправили гонцов в свой Город. Через несколько часов Шли-пу-ни на жесткокрылом носороге сама явилась засвидетельствовать потери.

Когда она заходит в запретный Город, муравьи-пожарные еще поливают пепел. Бороться больше не с чем. Она расспрашивает их, и ей рассказывают о необъяснимой катастрофе. Так как плодоносной королевы больше нет, само собой разумеется, что Шлипу-ни становится новой Бело-киу-киуни и занимает королевскую ложу центрального Города.

Джонатан просыпается первым, удивленный шуршанием принтера.

На экране компьютера одно слово.

Почему?

Значит, они передавали ночью. Они хотят поговорить. Он выстукивает ритуальную начальную фразу каждого диалога.

Человек: Приветствую вас, я Джонатан.

Муравей: *Я — новая Бело-киу-киуни. Почему?*

Человек: Новая Бело-киу-киуни? А где старая?

Муравей: *Вы убили ее. Я — новая Бело-киу-киуни. Почему?*

Человек: Что произошло?

Муравей: *Почему?*

Затем разговор обрывается.

Теперь она знает все.

Это они, люди, это их рук дело.

Мать была с ними знакома.

Она давно их знала.

Она хранила информацию в секрете.

Она приказала убивать любого, кто мог о чем-то догадаться.

Она поддерживала людей даже в ущерб своим собственным клеткам.

Новая Бело-киу-киуни разглядывает неподвижную Мать. Когда стражники приходят забрать и выкинуть на свалку останки, она вздрагивает.

Нет, труп не надо выкидывать.

Она пристально смотрит на прежнюю Бело-киукиуни, от которой уже исходят запахи смерти.

Она приказывает приклеить недостающие конечности смолой. Пусть выпотрошат внутренности и заменят их песком.

Она оставит королеву в своей ложе.

Шли-пу-ни, новая Бело-киу-киуни, собирает нескольких воинов. Она предлагает перестроить центральный Город по последнему слову техники. Королева считает, что купол и корень слишком уязвимы. И надо заняться поиском подземных рек, чтобы затем рыть каналы, связывающие между собой все Города Федерации. По ее мнению, будущее — в освоении воды. Проще будет бороться с пожарами, передвигаться станет быстрее и безопаснее.

А как быть с людьми?

Королева выделяет уклончивый ответ:

Они не представляют большого интереса.

Воин настаивает:

А если они снова атакуют нас огнем?

Чем сильнее противник, чем больше он вынуждает нас превосходить самих себя.

А как быть с теми, которые живут под скалой?

Новая Бело-киу-киуни не отвечает. Она просит всех уйти, потом оборачивается к трупу прежней Бело-киу-киуни.

Новая королева медленно склоняет голову и прижимает усики ко лбу Матери. И долго стоит так, как будто погруженная в абсолютную связь с вечностью.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Абсолютная связь (АС): совершенный обмен мыслями при усиковом контакте.

Бел-о-кан: центральный Город Федерации рыжих муравьев.

Бело-киу-киуни: королева Бел-о-кана.

Битва Маков: 100 000 666 год, первая Федеральная война, в которой применялись бактериологическое оружие и танки.

Богомол: на редкость прожорливое и похотливое насекомое. Опасен.

Божья коровка: хищник, нападающий на стада тли. Съедобна.

Болезни: самые распространенные у муравьев болезни: конидия (спровоцированная грибами — паразитами), эгерителия (гниение хитина), позвоночный червь (червь-паразит, угнездившийся в подпищеводных узлах), гипертрофия лабиальных желез (ненормальное вздутие торакса, проявляющееся еще у личинки), альтенария (смертельные споры).

Борьба мандибулами: мирмесеянский вид спорта.

Брачная ложа: место кладки яиц королевы.

Вес: вес муравья варьируется от одного до ста пятидесяти миллиграммов.

Ветер: то, что отрывает вас от земли, чтобы приземлить неизвестно где.

Война Земляничных Кустов: 99999886 год, в войне Земляничных Кустов столкнулись желтые и рыжие муравьи.

Возраст бесполых: рыжий рабочий или рыжий солдат живут в среднем 3 года.

Возраст королевы: рыжая королева живет в среднем 15 лет.

Волны: самый мелкий общий знак, подаваемый в той или иной форме всеми движущимися существами и предметами.

Высота: чем ближе к северу расположено гнездо, тем в большей заливаемой солнцем поверхности нуждается Город. В теплых районах муравейники полностью зарыты в землю.

Гаэй-Тиоло: маленькое весеннее гнездо.

Гербициды: мирмесеянские, индол-уксуснокислая кислота.

Глаза: глазное яблоко покрыто гранями. Каждая грань имеет два хрусталика, большую внешнюю линзу и маленькую внутреннюю. Каждая грань напрямую связана с мозгом. Муравьи различают только близкие предметы, на большом расстоянии они чувствуют движение объекта.

Голова: единица измерения мирмесеян. Равна 3 мм.

Голод: муравей может прожить шесть месяцев в состоянии спячки.

Градус: единица измерения температурного и хронологического времени. Чем выше температура, тем градусы времени короче, чем температура ниже — тем градусы длиннее.

Династия: смена королев-дочерей на одной и той же территории.

Дионея: распространенное в окрестностях Бел-о-кана хищное растение. Опасно.

Двенадцатимерность: мирмесеянская система счета. Муравьи считают дюжинами, так как имеют по двенадцать когтей (по два на каждой лапке).

Дождь: смертельно опасная погода.

Донжон: второй конус, увенчивающий купол. Донжоны чаще встречаются в термитниках, чем в муравейниках.

Железа Дюфура: железа, выделяющая феромоны для ориентирования в пространстве.

Жнецы: сельскохозяйственные муравьи на Востоке.

Жук-плавунец: водное и подводное насекомое. Съедобен.

Замаскированный муравей: вид, обладающий большими познаниями в органической химии.

Запретный Город: крепость, защищающая брачную ложу. Запретные Города бывают из дерева, из цемента и даже из полой скалы.

Земля: планета кубической формы.

Зерно: рыжие муравьи любят элайсому зерна. Это часть зерна, содержащая больше всего масла. Среднее гнездо собирает 70 000 зерен в сезон.

Змея: опасна.

Зуби-зуби-кан: Город на Востоке, знаменитый большим поголовьем скота.

Зрение: муравьи видят мир как будто сквозь решетку. Самцы и самки различают цвета, но вся гамма смещена к фиолетовому.

Индол-уксуснокислая кислота: гербицид.

Инфракрасные глазки: три маленьких глазка, расположенных треугольником на лбу самцов и самок, позволяющие им видеть в абсолютной темноте.

Ихвнемон: оса, откладывающая свои голодные яйца в вашем теле. Опасна.

Карлики: главные враги рыжих муравьев.

Каста: в принципе существует три касты: самцы и самки, солдаты, рабочие. Они подразделяются на подкасты: сельскохозяйственные рабочие, солдаты, артиллеристы и т. д.

Климатизация: регулирование температуры в больших Городах при помощи солярия, экскрементов и вентиляционных отверстий в куполе.

Колорадский жук: жесткокрылое насекомое с черными продольными полосами на оранжевых надкрыльях. Колорадские жуки в основном питаются картофелем. Слюна колорадского жука является смертельным ядом. Опасен.

Комар: самцы питаются растительным соком. Чем питаются самки, неизвестно. Съедобен.

Королевская догма: сумма бесценной информации, передаваемая из усиков в усики королевой-матерью королеве-дочери.

Красные ткачи: муравьи, эмигранты с Востока, использующие свои личинки в качестве челнока при ткачестве.

Ла-шола-кан: самый западный Город Федерации.

Легион: скопление способных согласованно действовать солдат.

Летучие гонцы: мошки. Используются карликами для передачи посланий. Съедобны.

Летучие мыши: летающие чудовища, живущие в пещерах. Опасны.

Личинка муравья-льва: хищник, зарывающийся в песок. Опасна.

Ломешуза: жесткокрылое насекомое, выделяющее убийственный наркотик. Опасна.

Люди: гигантские чудовища, упоминающиеся в некоторых современных легендах. В основном известны прирученные ими розовые животные: пальцы. Опасны.

Масличная кислота: запах, выделяемый мертвыми муравьями.

Метаморфоза: переход ко второй форме жизни, обычный среди большинства насекомых.

Мирмесеянская цивилизация: цивилизация муравьев.

Мирмесеянское оружие: мандибулы-сабли, отравленные жала, разбрызгиватели клея, карман, стреляющий муравьиной кислотой, когти.

Музыка: звуки или ультразвуки, получающиеся от движения надкрыльев сверчков и цикад. Муравьигрибники умеют производить музыку сочленениями брюшка.

Муравьиная кислота: оружие дальнего боя. Муравьиная кислота сорокапроцентной концентрации обладает максимальными разъедающими свойствами.

Навозный жук: насекомое, толкающее шарик. Съедобен.

Наемники: муравьи-одиночки, сражающиеся на стороне противников родного гнезда в обмен на пищу и опознавательные запахи.

Невосприимчивость: способность социальных видов настолько адаптироваться к смертельным ядам, что у их потомства появляется врожденный иммунитет.

Ни: династия белоканских королев.

Носорог: жесткокрылое насекомое с большим рогом спереди.

Обоняние: бесполые муравьи обладают 6500 сенсорными клетками на каждом усике.

Самцы и самки — 300 000.

Огонь: запретное оружие.

Однодневное насекомое: вид маленькой стрекозы с вилообразным хвостом. Личинка

живет три года, вылупившееся насекомое — от трех до сорока восьми часов. Съедобно.

Ориентация Города: рыжие муравьи строят свои Города, обращая самую широкую часть купола муравейника на юго-восток, чтобы в начале дня получать максимум солнечного света.

Осы: примитивные и ядовитые родственницы муравьев. Опасны.

Паспорт: запах родного гнезда, естественный или благоприобретенный (у наемников).

Паук: чудовище, пожирающее муравьев маленькими частями, усыпив их, прежде чем отрезать очередную часть.

Перевозка: чтобы переместить кого-нибудь, муравей хватает его мандибулами. Чтобы свести к минимуму трение о землю, этот кто-то сворачивается комочком.

Питание: основное питание рыжего муравья: сорок три процента принимаемой пищи составляет молочко тли, сорок один процент — плоть насекомых, семь процентов — древесный сок, пять процентов — грибы, четыре процента — раздробленные зерна.

Плотность: в Европе, учитывая все виды, в среднем приходится 80 000 муравьев на квадратный метр земли. Праздник Возрождения: вылет самок и самцов из муравейника, происходит обычно с наступлением первого тепла.

Привратники: подкаста, снабжены круглыми, плоскими головами, перекрывают доступ к стратегически важным коридорам.

Птицы: летающие чудовища. Опасны.

Рабовладельцы: воинственный вид муравьев, неспособный выжить без помощи слуг.

Рост: рост рыжих муравьев в среднем две головы.

Саламандра: опасна.

Самцы: насекомые, вылупившиеся из неоплодотворенных яиц.

Санитарное помещение: емкость для сбора экскрементов горожан.

Свалка: пригорок у входа в муравейник, куда насекомые выкидывают мусор и трупы.

Светлячок: жесткокрылое насекомое, выделяющее свечение. Съедобен.

Сердце: многочисленные карманы в форме груши, заключенные один в другой. Сердце расположено на спине.

Сила: рыжий муравей может передвигать предмет, в шестьдесят раз превосходящий его самого. То есть его мощность равняется трем и двум десятым, умноженным на десять в минус шестой степени, лошадиных сил.

Скорость движения: при десяти градусах тепла рыжий муравей перемещается со скоростью восемнадцать метров в час. При пятнадцати он идет со скоростью пятьдесят четыре метра в час. При двадцати градусах его скорость может доходить до ста двадцати шести метров в час.

Скотоводство: искусство собирать анальные выделения секреции у прирученных тли и кошенили, развитое у некоторых видов муравьев. Одна тля летом может давать тридцать капель молочка в час.

Социальный карман: орган великодушия.

Спирт: муравьи умеют вызывать брожение молочка тли и зернового сока.

Спячка: долгий сон с ноября по март.

Танк: боевое приспособление, заключающееся в том, что одного рабочего с большими мандибулами несут на себе шесть маленьких подвижных рабочих.

Таракан: предок термитов. Первое земное насекомое.

Темнота: горожане любят жить в темноте.

Температура: рыжие муравьи могут двигаться только при температуре тела восемь градусов и выше. Самцы и самки иногда просыпаются раньше, когда на градуснике около плюс шести.

Температура гнезда: температура в Городе рыжих муравьев в зависимости от этажа колеблется от двадцати до тридцати градусов тепла.

Термиты: вид, враждебный муравьям.

Ткачество: операция, производимая при помощи личинки.

Тля: скот. Съедобна.

Трофаллаксия: пищевой обмен между двумя муравьями.

Труп: пустой хитин.

Улитка: кладезь белков. Съедобна.

Федерация: группа муравьиных Городов одного вида. Федерация рыжих муравьев в среднем включает девяносто гнезд, покрывает шесть гектаров земли и имеет семь с половиной километров проходимых и сорок километров обонятельных тропинок.

Феромон: жидкие фраза или слово.

Хитин: материал, составляющий латы мирмесеянцев.

Хищные растения: жирянка, саккарасения, дионея, росянка. Опасны.

Хлеб: шарики раздробленных и растертых злаков.

Холод: универсальное снотворное для всех насекомых.

Ши-гае-пу: Город муравьев-карликов на северо-западе.

Шли-пу-кан: сверхсовременный Город, построенный Шли-пу-ни.

Шли-пу-ни: дочь Бело-киу-киуни.

Цистерна: резервуар для росы.

Экскременты: экскременты муравья весят в тысячу раз меньше, чем его тело.

Ядовитая железа: карман, в котором хранится муравьиная кислота. Особые мускулы могут выталкивать ее под большим давлением.

Ядовитые растения: безвременник, глициния, шиповник, плющ. Опасны.

Яйцо: очень юный муравей.

Ящерица: дракон в мирмесеянской цивилизации. Опасна.

№ 56: девичье имя Шли-пу-ни.

№ 327: молодой белоканский самец.

№ 4000: рыжий охотник из Гаэй-Тиоло.

№ 103683: белоканский солдат.

№ 801: сын Шли-пу-ни, засланный в качестве разведчика.

Настоящие имена «актеров» в алфавитном порядке:

Грибник — *Atta sexdens*
Жнец — *Pogonomyrmex molefaciens*
Карлик — *Iridomyrmex humiliis*
Красный ткач — *Oecophylla longinoda*
Магнан — *Doryline annoma*
Муравей в маске — *Anergates*
Муравей-резервуар — *Myrmecocystus meiliger*
Рабовладелец — *Poliergus rufescens*
Рыжий Федерал — *Formica rufa*
Черная овчарка — *Lasius niger*
«Щелкунчик» — *Messor barbarus*

ОБ АВТОРЕ

Бернард Вербер — самый читаемый писатель во Франции, его книги разошлись на родине писателя более чем 5-миллионным тиражом, в два раза больше экземпляров было продано за границей. Романы Бербера переведены на 30 языков мира.

В его книгах много пророческого, может быть, поэтому Вербер стал единственным писателем, удостоенным премии Жюля Верна.

Бернард Вербер родился в Тулузе в 1961 году. Начал писать в возрасте семи лет. В университете изучал право, специализировался в области криминалистики, это дало ему темы для будущих детективов. В 1982 году поступил в Высшую школу журналистики. Именно в это время открыл для себя Айзика Азимова, Филипа Дика и Херберта — писателей, которые во многом сформировали его мировоззрение, побудив обратиться к жанру, который традиционно считался вотчиной англичан: соединению элементов научной фантастики, приключенческого романа и философского эссе.

В 1983 году получил премию фонда News как лучший молодой репортер за материал о некоем виде муравьев, обитающем на Береге Слоновой Кости. Затем 7 лет работал в журнале «Нувель обсерватер» — писал статьи на научные и околонаучные темы: о космосе, медицине, искусственном интеллекте, социологии. Пресытившись журналистикой, поступил на Высшие курсы сценаристов.

Первая книга из трилогии о муравьях «Муравьи», которую Вербер начал сочинять в 16 лет, вышла в свет в 1991 году, сделав писателя знаменитым. Правда, путь к успеху оказался тернист: шесть лет Вербер обивал пороги редакций и везде получал отказы, даже издательство «Албэн Мишель» прежде чем принять рукопись, отвергало ее дважды.

Несмотря на читательский успех, критика проигнорировала дебют. Ситуация несколько изменилась после выхода второй книги «День муравьев», переведенной на 33 языка и получившей Гран-при читательниц журнала «Elle». Появилась даже компьютерная игра о том, как муравьи выстраивают параллельную цивилизацию. Еще через несколько лет появился завершающий цикл трилогии — «Революция муравьев» (1996).

В 1993 году Вербер публикует «Энциклопедию относительного и абсолютного знания», в которой научные сведения смешиваются с вымыслом, физика — с метафизикой, математика — с мистикой. После фантастики Вербер обращается к мифологии и эзотерике. В 1994 году он публикует роман «Танатонавты» о смерти и потустороннем мире, в 1997 — «Книгу странствия», посвященную технике самогипноза. Совершенно неожиданной для читателей стала вышедшая из печати в 1998 году книга «Отец наших отцов», которую можно назвать антропологическим детективом. И, наконец, в 2000 году появился роман « Империя ангелов».

Обнаружив в себе задатки пророка, Вербер создал Ассоциацию анализа вероятных сценариев развития человечества. Ассоциация собрала большой банк данных и создала «Клуб визионеров», который раз в два месяца проводит конференции в одном из крупнейших парижских книжных магазинов. В будущем Вербер хочет оценить все варианты сценариев при помощи специальной компьютерной программы.

Помимо Франции, особенно много поклонников у Вербера в Канаде, Японии и Корее — во время визита в последнюю он даже не решался выйти на улицу без охранника.

Вербера обсуждают на форумах, цитируют, делают по его книгам комиксы, изучают в некоторых школах — по французскому, философии и даже математике.

Но при этом в среде культурной элиты он так и остался фигурой non-grata, так что искать сведения о его публичной жизни — совершенно бесполезно. Более того, свой имидж Вербер строит именно из факта своего замалчивания, гордо заявляя, что ему не нужна реклама, а с читателями он предпочитает общаться напрямую.

Среди творческих планов писателя — экранизировать свои романы.

© Bernard Werber, 1991
© Editions Albin Michel S.A., — Paris 1991
© Ватагина Ю., перевод на русский язык, 2005
© ООО « ИД « РИПОЛ классик», издание на русском языке, 2006 © ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп», оформление, **2006**

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-445 В31

Вербер, Бернард
Муравьи: Роман / Бернард Вербер; [Пер. с фр. Ю. Ватагиной] — М.: ГЕЛЕОС: РИПОЛ классик, 2006. — 352 с. — Доп. тит. л. фр.
ISBN 5-8189-0435-0 (ГЕЛЕОС)
ISBN 5-7905-3541-0 (РИПОЛ классик)

OCR&bookcheck: Ustas SmartLib
SpellCheck: Dara

Источник текста:
www.smartlib.ru
Psion Pocket Library